

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОРЬБА

КЛАССОВ

**№ 4 АПРЕЛЬ
1934**

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

4-й год издания

**ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ
НА ВЫСШУЮ СТУПЕНЬ**

1

Важнейшей задачей второй пятилетки является задача преодоления «пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращения всего трудящегося населения в сознательных и активных строителей бесклассового, социалистического общества».

Выполнение этой задачи требует дальнейшей серьезной борьбы с остатками враждебных пролетариату идеологий и усиленной работы по социалистическому воспитанию миллионов трудящихся нашей Советской страны.

Все возрастающий культурный рост широчайших масс, строителей первого социалистического государства,— одно из непременных условий успешного осуществления всемирно-исторических задач второй пятилетки. Борьба за повышение политического и культурного уровня масс в стране социализма должна принять поистине гигантские размеры.

XVII съезд в резолюции о втором пятилетнем плане подчеркнул необходимость «завершения во второй пятилетке не только ликвидации неграмотности среди населения Союза, ликвидации малограмотности трудоспособного взрослого населения и проведения всеобщего обязательного начального обучения, но и осуществления всеобщего обязательного политехнического обучения». XVII съезд наметил для второй пятилетки рост количества учащихся (в низших и средних школах, рабфаках, ФЗУ, техникумах, вузах и втузах) до 36 млн. чел. против 24,2 в 1932 г. Съезд потребовал широкого развития массовой внешкольной работы, увеличения клубной сети и роста сети массовых библиотек до 25 тыс.

Но образование этих десятков миллионов людей в нашей стране может развертываться только как марксистско-ленинское образование, а создаваемая культура должна быть социалистической культурой. Последняя же включает в себя все наиболее ценное и значительное из унаследованной нами культуры прошлого.

Ленин учил, что «без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру,— без такого понимания нам этой задачи не разрешить»¹.

Какую же роль должна играть историческая наука в создании этой новой, социалистической культуры, в воспитании и переработке «всего трудящегося населения в сознательных и активных строителей бесклассового, социалистического общества», о которых говорят решения XVII съезда?

¹ Ленин. Собр. соч. Т. XXV, стр. 337.

Историческая наука занимает в период социализма все возрастающее место в системе общественных наук. Без исторического образования не может быть марксистского образования. История должна ознакомить с «культурой, созданной всем развитием человечества», и помочь ее революционной переработке.

В проекте резолюции «О пролетарской культуре» в октябре 1920 г. Ленин писал:

«Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеология революционного пролетариата тем, что он, марксизм, отнюдь не отбросил ценнейшие завоевания буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры. Только дальнейшая работа на этой основе и в этом же направлении, одухотворяемая практическим опытом диктатуры пролетариата... может быть признана развитием действительно пролетарской культуры»¹.

Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин неустанно изучали это развитие человеческой мысли и культуры.

Они требовали от каждого революционного марксиста не голого схематизма, не знания одних общих формул, а конкретного знания истории развития человеческого общества, истории важнейших эпох, народов и стран, т. е. такого круга фактических знаний, который обеспечивает необходимый марксисту исторический и политический кругозор.

Основоположники марксизма постоянно оперировали историческими материалами и фактами всей человеческой истории начиная с древнейших времен. Маркс и Энгельс специально изучали некоторые сложнейшие вопросы древней истории, как например: историю первобытного общества, историю возникновения государства и др. Только на основе глубочайшего знания конкретной истории Маркс и Энгельс и создали свои гениальные обобщения.

Тем же методом в совершенстве владел и Ленин, глубоко и серьезно изучавший культуру прошлого для создания культуры будущего. При обосновании коренных вопросов буржуазно-демократической или пролетарской революции Ленин постоянно привлекал материал древних исторических эпох и событий, например: из истории крестьянских войн XVI—XVII вв., великих революций XVII—XVIII вв. и т. п.

Глубочайшим историзмом проникнуты работы и выступления тов. Сталина, например: на съезде колхозников-ударников тов. Сталин для более конкретного противопоставления задач пролетарской и всех предшествующих революций дает сжатую характеристику всех важнейших революций в истории народов начиная с революции рабов.

Или другой пример, когда тов. Сталин, обосновывая необходимость более быстрых темпов индустриализации нашей страны, пользовался аргументами из области истории, подчеркивая, что «история старой России состояла, между прочим, и в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы, били турецкие беки, били шведские феодалы, били польско-литовские пань»...

Таким образом, историческое знание, являясь рычагом для познания всей прошлой истории человечества, составляло важнейшую часть той новой культуры, над созданием которой работали и за которую боролись основоположники и учителя марксизма.

2

Естественно, что вопросы исторического образования и его роли в марксистско-ленинском воспитании масс в стране социализма должны были быть поставлены с большой остротой.

¹ Ленин. Собр. соч. Т. XXV, стр. 409—410. Разрядка наша.— Ред.

Показывая образец конкретного руководства, тов. Сталин резко поставил вопрос о неудовлетворительной постановке изучения истории в общей системе народного образования и о плохом качестве учебников по истории, не дающих фактических знаний и исторической перспективы подрастающему поколению.

Вопросы преподавания истории и типа наших исторических учебников, однако, самым непосредственным образом связаны с более общим вопросом о роли истории в создании новой культуры миллионов строителей социализма. Наше молодое поколение должно обладать тем культурным уровнем и тем минимумом марксистского образования, без которых не может быть создана социалистическая культура нового, бесклассового общества. Следовательно историческое образование должно было органически войти в этот минимум марксистского образования.

Между тем в школе история до последнего времени была «на задворках». Часто она включалась в общий, так называемый курс «обществоведения». История древнейших времен была почти полностью изъята из школьных учебников. Большинство исторических учебников начинало историю с Великой французской революции. Что было раньше, школьники не знали. Актуальной считалась только эпоха империализма. Подобные «левацкие» тенденции не встречали достаточного отпора ни в аппарате Наркомпроса, ни в научных исторических учреждениях. Историки-марксисты допускали тем самым установки, противоречащие всем традициям марксизма-ленинизма, целиком искажающие историческую перспективу.

Некоторые товарищи считали актуальным только изучение новейшей истории, не понимая, что можно иногда неактуально, без необходимой политической заостренности, писать о послевоенных событиях и политически актуально ставить вопросы древней истории. Древняя история нередко используется врагами рабочего класса не только для идеологического обоснования буржуазных фашистских теорий, но и непосредственно в массовой агитации. Изучение и знание древней истории необходимы пролетариату в его острейшей классовой борьбе сегодняшнего дня.

Не ослабляя своего внимания к делу изучения новейшей истории, особенно периода империализма и послевоенной истории, усиливая и углубляя это изучение, мы, однако, должны уделить значительное внимание и изучению более отдаленных исторических периодов. При всей специализации в области научно-исторической работы нетерпимо такое положение, когда немало историков не имеют необходимого минимума знаний по истории древних веков, мировой истории, когда они технически не подготовлены для изучения старых, архивных материалов и древней классической литературы. Но дело, конечно, не только в вопросе о хронологических рамках изучения истории. Исключительно важен вопрос о типе и характере исторической работы.

Подлинно марксистское исследование требует крупных знаний, знакомства с историческим процессом, взятым в целом, требует «всеобъемлющего, всестороннего изучения», рассмотрения «совокупности всех противоречивых тенденций» (Ленин).

От историка-марксиста, кроме методологической оснащенности, партийной большевистской заостренности, требуется овладение фактическим материалом по изучаемому вопросу.

Исторические исследования Маркса, Энгельса, Ленина являлись результатом предварительной проработки сотен томов фактического материала.

В большинстве наших исторических работ преобладает упрощенчество и схематическое изложение смен социально-экономических формаций, не заполненное конкретным и живым историческим содержанием. Таким образом давались в лучшем случае социологические очерки, а не конкретная история. Непосредственно связана с этим и та примитивно экономическая

графиком исторического процесса, которая нередко встречалась в ряде исторических научных работ и учебников.

Против обезличивания истории и вульгарного материализма у Маркса, Энгельса и Ленина есть прямые указания.

«История имела бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли», — писал по этому поводу Маркс. «Эти случайности, входят, конечно, сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует так же и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения»¹.

С такой же категоричностью подчеркивал и Энгельс, что «люди делают свою историю сами, на основе оставшихся от прошлого действительных отношений, среди которых экономические в последнем счете все же являются решающими, как бы сильно ни влияли на них политические и идеологические условия»².

Между тем эти указания, достаточно известные среди самых широких масс марксистски грамотных людей, не находили своего конкретного применения в наших исторических работах и учебниках. В последних почти не давалось дат, действующих исторических личностей, партий и правительств, политических деятелей, известных полководцев, царей, конкретной картины и конкретных носителей той системы эксплуатации, насилия и обмана трудящихся масс, на которой держалась власть эксплуататорских классов.

Тот «автоматизм», «мистический характер», экономический материализм, против которых предостерегали Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин, нередко характеризовали наши исторические научные работы и учебники, приводя к упрощенчеству и схематизации в изложении исторического процесса. Даже учебники такого крупнейшего историка, как М. Н. Покровский, так много сделавшего для борьбы с буржуазной историографией, страдают существенными недостатками, особенно серьезными в свете тех указаний, которые даны тов. Сталиным. Все эти недостатки должны быть решительно устранены в новых учебниках. Необходимо радикально перестроить всю систему преподавания истории на основе указаний тов. Сталина.

К созданию новых учебников привлечены наши лучшие кадры историков-исследователей и педагогов. Создание подлинно марксистских учебников, на которых воспитываются миллионы, — крупнейшая политическая задача. Историки должны уделить вопросам преподавания истории в низшей, средней и высшей школе несоизмеримо больше внимания чем до сих пор. Наши научно-исследовательские учреждения должны иметь специальные группы лиц, работающих по вопросам методики истории. Наши исторические журналы должны уделять больше внимания и места вопросам преподавания истории во всех звеньях нашей школьной сети. «Борьба классов» делает поchin в этом отношении, посвящая следующий номер специально вопросам преподавания истории и критике учебников по истории. В дальнейшем в журнале «Борьба классов» открывается специальный отдел, посвященный вопросам преподавания истории.

Историческое образование миллионов строителей социалистического общества должно стать в центре внимания всей нашей научно-исторической общественности.

3

Директивы вождя партии тов. Сталина должны мобилизовать весь исторический фронт на борьбу за качество всей нашей научной продукции и всей системы преподавания истории.

¹ Маркс и Ф. Энгельс. «Письма», стр. 290—291.

² Там же, стр. 407.

В первую очередь должны быть тщательно продуманы и проработаны вопросы о том, что давать школе и как давать, чтобы обеспечить необходимый каждому марксисту минимум исторических знаний. Перед историками станет задача решительной ликвидации той схематичности, которая сводила изучение исторического процесса к изучению только социально-экономических формаций, а всю конкретную историю заменяла социологией.

Продолжая научно-исследовательскую и методологическую работу по изучению общественных формаций, необходимо, однако, школьные исторические учебники построить по такому принципу, чтобы история древнейших эпох, средневековья и нового времени давала учащимся необходимую историческую перспективу и конкретное представление о разносторонности, многообразии и живой диалектичности исторических процессов.

Вот почему в первую очередь намечены авторские коллективы по созданию учебников по древней, средней и новой истории, а также отдельного учебника по истории колониальных и зависимых народов и стран Востока.

Важнейшей задачей историков-марксистов является и составление учебников по истории СССР, включая и всю дооктябрьскую историю России с древнейших времен. Особое значение приобретает изучение всей послеоктябрьской истории СССР, истории советской власти и социализма.

Ленин неоднократно напоминал о необходимости глубокого изучения истории гражданской войны, истории советской власти. В письме к т. Адоратскому В. И. Ленин еще в апреле 1920 г. писал: «Можете ли вы собрать материалы для истории гражданской войны и истории Советской Республики»¹.

Опыт пролетарской диктатуры, существующей более полутора десятка лет на одной шестой части земного шара, получил всемирно-историческое значение. Нужно сделать этот опыт предметом всеобщего изучения не только среди молодых поколений в СССР, но и за границей.

Международное значение истории СССР огромно. Ведь такая история, переведенная на ряд языков, послужит сильнейшим идеологическим оружием в деле пропаганды пролетарской революции. История советской власти, история того, как пролетариат, ведя за собой эксплуатируемые трудящиеся массы, в условиях обостренной классовой борьбы со своей и мировой буржуазией сумел построить социалистическое, бесклассовое общество, должна стать достоянием широчайших масс.

Одновременно с общей историей СССР необходимо приступить к разработке истории союзных республик. Политическое значение создания истории союзных республик чрезвычайно велико. Политически очень важно правильное освещение исторической закономерности победы пролетарской революции в бывших колониях царской империи, показ конкретного исторического развития по некапиталистическому пути ряда отсталых бывших колоний царизма, под воздействием пролетарской диктатуры строящих социализм. Крайне важно показать на конкретном историческом материале, как происходило в невиданных темпах развитие национальной по форме, социалистической по содержанию культуры в отдельных советских республиках, входящих в СССР.

История союзных республик, освещающая согласно указаниям Ленина — Сталина историю ранее угнетаемых царизмом народов России, будет сильнейшим ударом по великодержавному и особенно местному национализму и одним из значительных средств в деле воспитания в духе ленинского интернационализма широких масс трудящихся.

История советской Украины и советской Белоруссии имеет серьезное, международное значение.

Украинские и белорусские национал- и социал-фашисты, находящиеся на службе у польского и немецкого фашизма, при активном участии белогвардейской украинско-белорусской эмиграции стремятся организовать кадры

¹ Ленин. Собр. соч. Т. XXIX, стр. 436.

для борьбы с социализмом, для отрыва советской Украины от СССР. В международной политике немецкого фашизма план создания украинского буржуазного государства как колонии Германии занимает очень видное место.

Украинские фашисты используют историю как одно из важнейших орудий в своей пропаганде подготовки интервенции против УССР. На субсидии немецкого и польского фашизма в Берлине и Варшаве существуют уже несколько лет украинские научно-исследовательские институты, издающие десятки исторических «трудов». Авторами их являются бывшие министры и «деятели» гетманщины и петлюровщины. Они обосновывают близость Украины с давних времен то с Германией, то с Польшей в зависимости от того, откуда эти авторы получают субсидии.

Коммунисты-историки Украины должны в кратчайший срок написать историю Украины. Это дело их чести. Это будет действительным выполнением решений XVII съезда партии.

Аналогичное по существу положение, но в меньшем масштабе мы имеем в Белоруссии, где ряд лет находился в обращении националистический учебник контрреволюционного националиста Игнатовского, прикрывавшегося как Яворский на Украине марксизмом и даже одно время (до 1930 г.) фигурировавшего в качестве вождя белорусских «историографов-марксистов». Белорусских национал-демократов активно поддерживали находящиеся по ту сторону советской границы белорусские фашисты, ведущие на субсидию польских фашистов «научно-историческую» работу, идеологически подготовляя борьбу против СССР.

Белорусские историки-марксисты должны обязательно создать историю советской Белоруссии, дать картину бурного развития ее экономики и культуры, наглядно показать огромное различие в положении трудящихся масс советской и Западной Белоруссии.

Исключительно важное значение имеет также изучение истории советских республик Закавказской Федерации и союзных республик Средней Азии. Даже краткие очерки истории этих советских республик, переведенные, например, на индусский, китайский, персидский, английский и другие языки, имели бы огромное политическое значение. Выявляя специфические особенности конкретно-исторического развития каждой отдельной союзной республики, необходимо вместе с тем рассматривать их как неразрывную, составную часть истории пролетарской революции и социалистического строительства всего СССР.

4

Преподавание истории согласно директивам тов. Сталина потребует создания кадров высоко квалифицированных преподавателей и научных работников. Организуемые при московском и ленинградском университетах исторические факультеты, сеть которых в ближайшие годы будет еще более расширена, должны стать рычагом в деле решительного поворота к изучению подлинно научной, живой и конкретной истории.

У нас имеются сотни историков-исследователей, тысячи преподавателей истории. В связи с поворотом в преподавании истории в массовой школе и с организацией исторических факультетов при университетах крупнейших центров СССР число их еще более увеличится. Особенное внимание нужно обратить на переквалификацию наличных кадров историков, на изживание недочетов, имеющихся в их историческом образовании.

Но у нас недопустимо слаба связь между историками-педагогами и исследователями. А между тем из недр преподавательской массы могут при надлежащей работе выйти квалифицированные историки, растущие на педагогической работе. Нужно дать ряду историков реальную возможность серьезно засесть за научно-исследовательскую работу.

Нужно повести решительную борьбу с «честными болтунами» от истории, на протяжении нескольких лет не дающими никакой продукции. Нужно повысить дисциплину и научную активность среди историков, проявлять и поощрять инициативность в разработке отдельных проблем, усилить контроль и персональную ответственность за выполняемую работу, ликвидировать обезличку, нередко прикрываемую «коллективностью» научной работы.

Нужно усилить научно-общественную работу историков. Поставить на обсуждение ряд действительно научно-исторических проблем, чаще созывать пленумы и сессии Института истории Комкадемии. В ряде исторических институтов мы имеем уже немало написанных монографий, публично, в широкой аудитории, нигде еще не обсужденных.

Для поднятия исторической науки на высшую ступень в соответствии с задачами, поставленными перед историей в период второй пятилетки, большое значение имеет правильная организация и учет сил историков.

Необходимо смелее выдвигать и использовать также часть беспартийных историков-марксистов. Нужно создать условия для максимального использования крупных беспартийных историков в деле подготовки историков-коммунистов. Вопрос о кадрах, их использовании, их воспитании — решающий вопрос в деле поднятия исторической науки на высшую ступень.

В этом отношении крупную роль должен был сыграть Институт истории Комкадемии как естественный центр научно-исторической работы. Однако в Институте истории нет даже элементарного учета историков, ведущих научно-исследовательские работы, нет сведений, над чем работает в 1934 г. тот или иной видный историк-марксист, нет систематической информации о работе исторических учреждений. Нет обмена опытом, нет обмена и учета планов научно-исследовательских работ. Не созываются совещания по отдельным научным вопросам, над которыми работает ряд историков, и т. д. Институт истории Комкадемии не должен быть административным центром, но он должен осуществлять ряд мер для быстрой ликвидации распыленности и неорганизованности сил историков.

Методы социалистического соревнования далеко еще не вкоренились в работу исторических учреждений. А соревнование нужно развернуть не только в стенах отдельных исторических учреждений, но и в масштабе СССР между отдельными историческими учреждениями. Нужно практиковать ежегодное рассмотрение выходящей исторической продукции, известное поощрение и премирование лучших монографий популярных работ.

Крупную организаторскую роль должны сыграть наши исторические журналы. Они, за редким исключением, слишком оторваны от актуальных вопросов научно-исторической жизни и от дела пропаганды исторических знаний среди широких масс.

Не случайным является тот факт, что наши исторические журналы не реагировали на неудовлетворительность постановки преподавания в школе. В наших журналах не поставлена систематическая хроника жизни исторических учреждений. Далеко не на высоте рецензирование выходящей исторической продукции. Есть немало книг, вышедших за первую пятилетку, на которые до сих пор журналы не дали каких-либо отзывов и рецензий.

Исключительно слабо освещается историческая продукция буржуазных стран. Нет даже кратких информационных обзоров исторической литературы хотя бы по важнейшим странам Западной Европы и Америки.

Директивы тов. Сталина в отношении преподавания истории должны стать руководящими и для всех других участков работы исторического фронта. Все силы исторического фронта должны быть мобилизованы вокруг основного лозунга XVII съезда партии: «За деловую творческую работу, за высокое качество этой работы, за быстрое и успешное доведение до конца нашей борьбы за создание бесклассового, социалистического общества, за ликвидацию пережитков капитализма в экономике и сознании людей».

СТАЛИН

—ОРГАНИЗАТОР И РУКОВОДИТЕЛЬ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПЕЧАТИ В ГОДЫ ПОДПОЛЬЯ

В семнадцатом году, накануне июльского выступления, кронштадтские матросы позвонили в редакцию «Правды».

— Выходить на демонстрацию с винтовками или без? — задали они сугубо конспиративный вопрос... по телефону.

Телефонную трубку взял тов. Сталин. Дать директиву надо было тут же, и тов. Сталин ответил:

— Винтовки? Вам, товарищи, виднее! Вот мы, писаки, так свое оружие, карандаш, всегда таскаем с собой... А как там вы со своим оружием, вам виднее!

Матросы, разумеется, прекрасно поняли зашифрованную директиву и вышли с винтовками¹.

Не случайно сравнил тов. Сталин карандаш журналиста с винтовкой. Печать для него как и для Ленина — действительно оружие, которое держится всегда наготове, которым разят врага.

И. В. Сталин руководит борьбой пролетариата и всех трудящихся во всем мире в бурную эпоху пролетарских революций и империалистических войн, в эпоху победоносного строительства социализма в СССР. Говорить о Сталине-журналисте — значит показать, как он умеет бороться за дело революции таким оружием, как карандаш и перо, как мастерски владеет им, как учит партию и массы владеть этим оружием.

В борьбе тов. Сталин не мог не видеть и не оценить значения печати как организатора, как могущественного оружия, помогающего выковке «теоретических основ

¹ См. сборник «Сталин». Гиз, 1930, стр. 149.

действительно революционного движения русского рабочего класса»², как оружия мобилизации масс под знамя партии.

Умение пользоваться этим оружием для «создания самостоятельной рабочей партии в России», для обеспечения «ее руководящей роли в революции»³ являлось одной из отличительных черт большевиков.

Именно поэтому тов. Сталин с первых шагов своей деятельности уделяет огромное внимание печати, именно поэтому каждый этап его революционной борьбы тесно связан с литературной деятельностью.

Литературная деятельность тов. Сталина начинается почти с первых шагов рабочей печати в России, еще до «Искры».

Появление массовой рабочей печати в России Ленин в одной из своих работ относит к 1895—1896 г. «С 1895—96 года, со времени знаменитых петербургских стачек, начинается массовое рабочее движение с участием социал-демократии. Именно это время есть в собственном смысле слова время появления рабочей печати в России. Главными произведениями рабочей печати были тогда бесцензурные листки, большей частью не печатные, а гектографированные и посвященные «экономической» (а также и неэкономической) агитации, т. е. изложению нужд и требований рабочих разных фабрик и отраслей промышленности»⁴.

Почти с этого же времени начинается революционная деятельность тов. Сталина. С 1897 г. он становится во главе марксистских кружков тифлисской семинарии. В 1898 г. вступает в Тифлисе в социал-демократическую организацию. В 1900 г. тов. Сталин — член тифлисского комитета РСДРП. В 1901 г. он уже принимает непосредственное активное участие в организации и работе нелегальной типографии.

28 марта 1901 г. начальник тифлисского жандармского управления доносил департаменту полиции:

«Начиная с января 1901 г. наблюдением обнаружен социал-демократический кружок из интеллигентов: как из туземцев, так и из русских, который поставил себе целью вести агитацию и пропаганду среди рабочих, направленную против правительства. С этой целью они распространяют среди рабочих запрещенные издания, создают тай-

² Сталин «Вопросы ленинизма», 1931, стр. 22.

³ Все иллюстрации к статье предоставлены Музеем революции.

⁴ Ленин, Т. XVII, стр. 343.

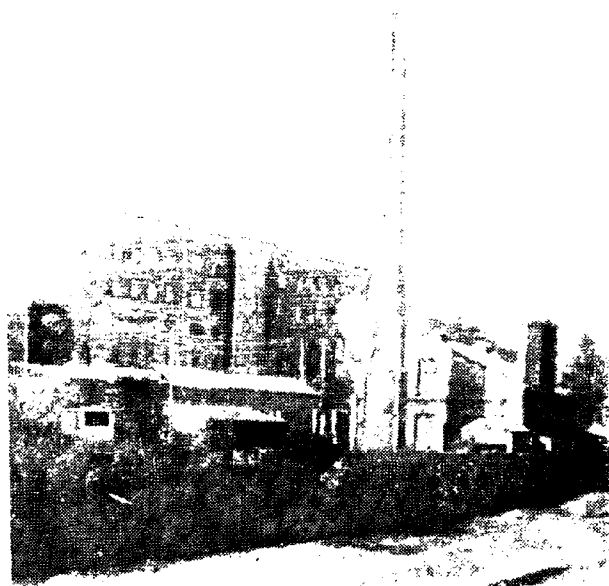
ные кружки из рабочих, устраивают собрания их и т. д.⁵ В этом доведении приводится список наборщиков, членов социалистических кружков, которые помогали комитету в печатании нелегальной литературы. В списке одним из первых фигурирует тов. Сталин.

Но еще до этого тов. Сталин занимался размножением листовок на гектографе. Это, как отмечал Ленин, главных произведений рабочей печати в тот период.

Причем тов. Сталин не только уделял огромное внимание важнейшему делу техники организации нелегальной партийной печати, но и сам писал листовки. И уже первые его произведения отличались умением особенно четко раз'яснить вопрос, вскрыть смысл происходящих событий и увлечь читателей. Так например, когда в марте 1902 г. царские наймиты учинили кровавую бойню в Батуме, когда было убито 14 рабочих и более 40 ранено, тов. Сталин пишет зажигательные прокламации, которые раз'ясняют рабочим смысл происшедшего. Эти прокламации широко распространялись среди батумских рабочих—выходцев из гурмийских, мингрельских, имеретинских безземельных и малоземельных крестьян и батракских, которых царские власти после мартовских событий отправили по этапу из Батума на родину. Таким образом они широко разнесли революционные идеи сталинских листовок по всему Кавказу. Прокламации были отпечатаны в подпольной типографии, которую тов. Сталин наладил, как только прибыл в Батум из Тифлиса (в конце 1901 г.) для революционной работы. Печатались в ней и другие листовки и прокламации тов. Сталина, распространявшиеся не только среди рабочих, но и среди крестьян Аджарии и Гурмии и игравшие выдающуюся роль в деле революционизирования масс. При помощи этих листовок партийная организация устанавливала связь с рабочими. На этих листовках и прокламациях воспитывались кадры революционеров, которые впоследствии возглавили рабочее движение и выступления крестьян на Кавказе.

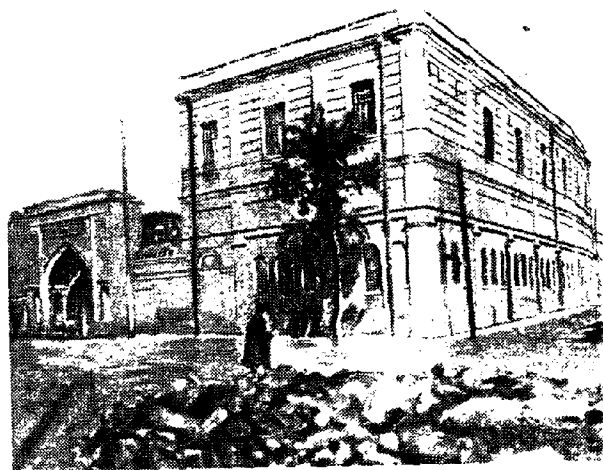
Ценное свидетельство об этом периоде дают воспоминания рабочего Котрикадзе: «1 марта 1902 г. рабочие завода Ротшильда объявили забастовку из-за увольнения 382 старых рабочих. Тов. Сосо (Сталин) находился в это время по делам типографии в

⁵ Цитирую по статье Ф. Махарадзе «Партийная организация Закавказья накануне и после II съезда». Журнал «Пролетарская революция» № 2. 1933, стр. 78.

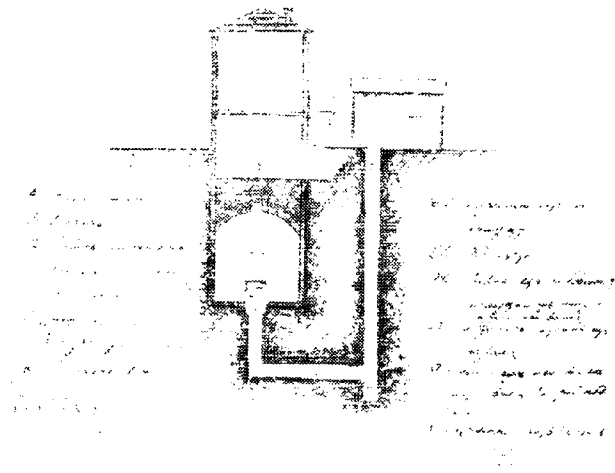

Фабрика Бозарджянца в Тифлисе, где вел подпольные кружки тов. Сталин в 1898—1901 гг.

Тифлисе; рабочие требуют его в Батум; он возвращается немедленно, и под его руководством были выработаны требования для предъявления заводоуправлению; в числе этих требований были: 1) обратный прием уволенных рабочих и 2) установление 8-часового рабочего дня. Рабочие приняли эти пункты и предлагали отправить с этими требованиями депутацию управляющему заводом. На это тов. Сосо ответил: «Мы погубим напрасно тех товарищей, которые войдут в эту депутацию. Лучше изложить эти требования на бумаге и отпечатать их, а внизу подписать: «Группа батумских социал-демократических рабочих». Это потому, то-

Фабрика Адельханова в Тифлисе, где вел подпольные кружки тов. Сталин в 1898—1901 гг.

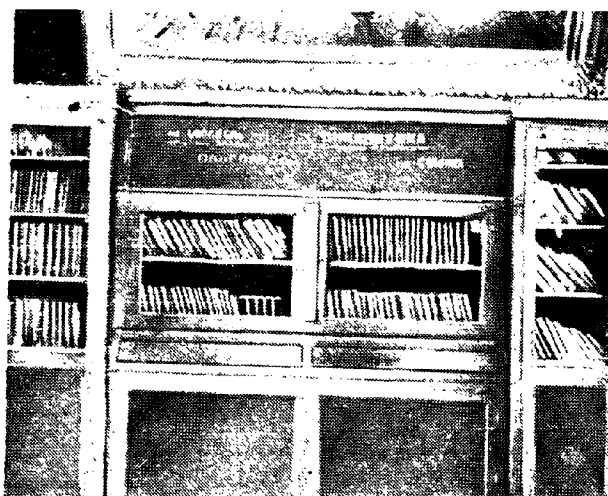
Разрез дома в Авлабаре (Тифлис), где помещалась нелегальная типография большевиков.

варищи,—добавил он,—что у нас еще не оформлен комитет, и еще потому, что мы еще не вошли в Российскую социалдемократическую рабочую партию как отдельная единица».

(Цитирую по статье Ф. Махарадзе в журн. «Пролетарская революция» № 2. 1933, стр. 87).

Так тов. Сталин уже тогда на конкретном примере разъяснил не только значение печати, но и необходимость организованного оформления и объединения всей работы (в том числе издания листков) под руководством партийного комитета.

5 апреля 1902 г. тов. Сталин был арестован и затем сослан в Сибирь. В начале

Библиотечка нелегального семинарского кружка, которым руководил тов. Сталин. Собрана Музеем революции Грузии (Тифлис).

1904 г. он бежит из ссылки. И вскоре в качестве руководителя кавказского союзного комитета РСДРП объезжает районы Закавказья, подбирает кадры профессиональных революционеров-большевиков, закладывает основы партийных организаций, вокруг которых объединяет многонациональные массы рабочих и крестьян, одновременно налаживая повсюду партийную прессу. Участниками революционной работы на Кавказе в тот период отмечается, какое большое значение придавал тов. Сталин революционной печати. Он нес наиболее ответственную работу в большевистских газетах, непосредственно руководил большевистскими изданиями того времени в Закавказье, писал руководящие статьи, составлял листки и прокламации.

Каждый шаг литературной деятельности тов. Сталина был тесно связан с идейной и организационной борьбой за партию, против всех и всяческих проявлений оппортунизма. Как указывает тов. Енукидзе, «Сталин вел неустанную идейную и организационную войну с меньшевиками. Он нес основную работу во всех органах печати большевиков, он же был руководителем всех большевистских организаций и всегда и всюду выступал на всех важных собраниях и митингах. Он решительно, без колебаний, отстаивал большевизм и разоблачал мелкобуржуазную сущность и половинчатость меньшевиков. Борьба эта была нелегкая. Известно, что у меньшевиков на Кавказе, в частности в Грузии, было много крупных сил.

Большевистские газеты того времени в Тифлисе главным образом держались на Сталине. Кроме многочисленных революционных статей по вопросам исторического материализма, рабочего движения, профессиональных союзов Сталин очень много писал по национальному вопросу».

И тов. Енукидзе показывает, как работал тов. Сталин над собой, как он развивал в себе те качества большевика-революционера, которые позволили ему осуществлять роль идейного и практического руководителя партийных организаций и партийной литературы.

«Чтобы справиться с этой огромной работой, нужно было непрерывно работать, целиком уйти в нее и пополнять свои знания. Сталин действительно весь отдавался работе. Для него иной жизни, кроме революционной работы, не было и не существовало. Он все время, кроме собраний и занятий в ячейках, просиживал в маленькой

комнате, заваленной книгами и газетами, или в такой же «просторной» редакции большевистской газеты»¹.

Таков портрет профессионала-революционера, подлинного большевика-литератора. Тесная связь с массами, активное участие во всей жизни партии, беспощадная борьба со всяким проявлением оппортунизма, неуклонная работа над собой по овладению революционной теорией—вот характерные черты партийного литератора, образец того, каким должен быть каждый журналист-большевик.

В 1904—1905 гг. в Тифлисе тов. Сталин создает газету «Борьба пролетариата»—нелегальный орган кавказского союзного комитета РСДРП. Эта газета, явившаяся результатом объединения грузинской нелегальной газеты «Брудзола», три номера которой на грузинском языке вышли в Баку под руководством Л. Кецохели, и армянской газеты «Пролетариат», выходила на грузинском, армянском и русском языках. «Борьба пролетариата» развернула решительную борьбу против меньшевиков, эсеров, анархистов и националистов.

В 1906 г. под руководством тов. Сталина выходит в Тифлисе легальная большевистская газета на грузинском языке «Ахали цховреба» и «Дро» («Время»).

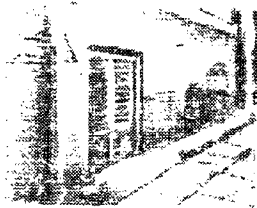
Эти газеты и сталинские статьи в них обратили на себя внимание всей партии. В большевистском «Пролетарии» появляется корреспонденция с Кавказа. В ней мы читаем: «Уже вышел 10-й номер органа профсоюзов «Ахали-цховреба». Газета ведется очень хорошо и имеет все отделы (газета легальная). В отделе профессионального движения все время почти помещаются уставы различных союзов, а остальные отделы ведутся в чисто с.-д. и революционном духе. Например, наряду с уставом союза рабочих в молочных заведениях печатается статья из «Пролетария», фельетон об «Анархизме и социализме» и пр. Из «Вперед» было перепечатано «О временном революционном правительстве», из «Пролетария»—«Нужна ли демократическая республика» и пр. Газета еженедельная и расходуется хорошо...»².

¹ Сборник «Сталин», стр. 143.

² Газета «Пролетарий» № 12. 1907. 25 января, статья в отделе «По России». Без подписи. Автор пишет: «Постараюсь вкратце ознакомить товарищей с соц.-дем. работой на Южном Кавказе. В начале декабря (1906 г.—И. Б.) я побывал почти во всех городах Западного Кавказа.

БАКИНСКИЙ РАБОЧИЙ

1907

Газеты «Дро» («Время») на грузинском языке 1907 г.
и «Бакинский рабочий» 1908 г.

Отмеченная здесь статья об «Анархизме и социализме»—одна из серии статей, принадлежащих перу тов. Сталина и печатавшихся в названных газетах на Кавказе.

С 1907 г. начинается бакинский период деятельности тов. Сталина. Возглавляя парторганизацию, он руководит нелегальным большевистским органом «Бакинский рабочий», старейшей большевистской газетой, выходящей до сих пор.

Под непосредственным руководством тов. Сталина, а также Ст. Шаумяна, Джапаридзе и С. Орджоникидзе «Бакинский рабочий» выполнил свою основную роль: «Он сплотил бакинских большевиков, вырвал рабочие массы из-под влияния ликвидаторов-меньшевиков, предательскую роль которых «Бакинский рабочий» в статьях тов. Сталина и др. разоблачал неустанно на всех этапах. Не менее сокрушительные удары наносила газета националистам, разоблачая идеологию пантюркистов, дашнаков и т. д.»³.

Несмотря на конспирацию, которой окружена была работа подпольной прессы, партийная организация уже знала литературную деятельность тов. Сталина, знала и ценила его боевые статьи.

Вот что вспоминает первый наборщик «Бакинского рабочего» тов. Ашот Хумарян: «Кто были авторами статей, помещаемых в «Бакинском рабочем», сейчас установить по памяти трудно, но мы знали, что вокруг га-

³ «Бакинский рабочий». Статья В. Стурца. 1931. 25 апреля.

зеты группировался ряд наших товарищей: Сталин, Шаумян, Спандарян, Саратовец, Самарцев, Алеша Джапаридзе и др. Статьи носили ярко боевой характер. Они освещали как текущую работу бакинских рабочих, их борьбу, так и вопросы бакинской организации. Борьба двух фракций в нашей партии находила яркое отражение на страницах «Бакинского рабочего». Мало можно было найти строк, которые бы не бичевали меньшевиков и не вскрывали их сущности и продажности»¹.

«Бакинский рабочий» под руководством Сталина выполнил поставленную перед ним задачу—превратить Баку в цитадель большевизма.

В результате работы тов. Сталина пролетарские центры Закавказья стали одной из прочных опор большевистской партии. Кавказские партийные газеты были первыми и лучшими большевистскими газетами в России. Это отметил еще тогда ЦО нашей партии «Пролетарий».

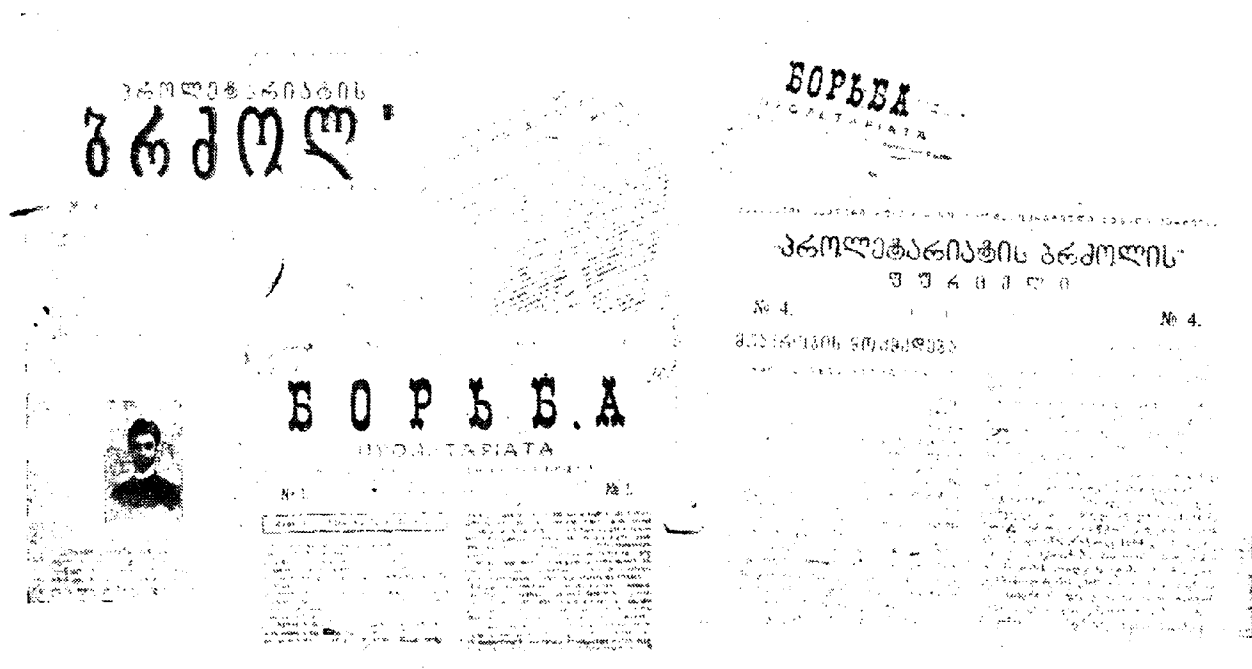
В 1908 г. «Пролетарий» поместил обзор «Из нашей профессиональной печати». Фактически это был обзор большевистских легальных газет, только в таком виде имевших возможность выходить в то время внутри России. Обзор показывал, как трудно было в условиях реакции вести легальную рабочую газету.

¹ «Бакинский рабочий». Статья Хумаряна.

«Жестокие преследования, беспрестанно обрушивающиеся на профпечать, безжалостно вытравливают из нее боевой дух и страшно обесцвечивают ее. Так и чувствуешь, что из-под пера автора готов сорваться революционный протест, крик возмущения по поводу чинимых над профрабочими организациями насилий по поводу неслыханных политических и экономических репрессий, направленных против рабочих. Но... «легальные возможности» так узки, да и за самую «легальную» статью орган будет закрыт, а редактор сослан.

Все вышеперечисленные профгазеты посвящают большую часть своих столбцов наступлению капитала по всей линии. Это большей частью простая хроника отдельных актов этого наступления, простой мартиролог былых рабочих завоеваний. Надлежащих выводов о теснейшей связи этих экономических репрессий с нынешним состоянием политической борьбы органы по «независящим обстоятельствам» не делают, цельной картины борьбы различных общественных сил не получается, и рабочие остаются без определенных указаний, где главный враг, где союзник врага и как бороться против того и другого...»

Обзор «Пролетария» выделяет газету «Бакинский рабочий» как лучшую из всех выходящих в России большевистских газет, сумевшую преодолеть препятствия.

Газета „Борьба пролетариата“ на русском и грузинском языках.

«Бакинский рабочий» (вместо «Гудка») ¹ говорит несколько более решительным языком чем другие профес. органы. Он почти весь посвящен задачам нефтяных рабочих в связи с начавшимся и на Кавказе наступлением капитала. Газета зовет на решительную борьбу против новых экономических репрессий.

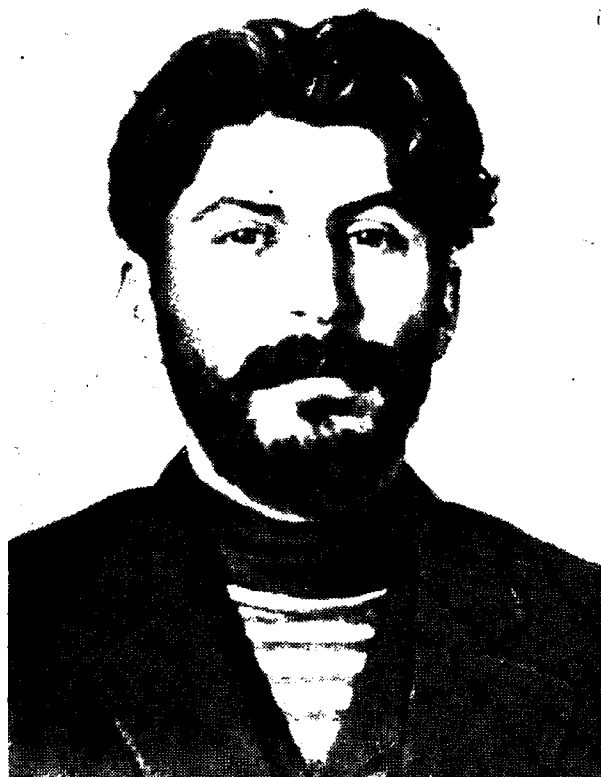
Газета затрагивает по крайней мере некоторые организационные вопросы профессиональной жизни и ставит их довольно широко. В статье по поводу юбилея Толстого газета дает резкую критику теории непротивления злу и хорошо выясняет, как должен относиться рабочий класс к толстовщине. Газета, далее, выгодно отличается от других профорганов тем, что посвящает свои столбцы и вопросам, выходящим за пределы профдвижения. Таковы статьи, посвященные бюджету на 1909 г., балканским событиям, годовщине 17 октября, открытию Думы, национализму буржуазных партий и т. п. Газета ведет энергичную агитацию за создание в Баку единого (вместо раздробленных нескольких) союза рабочих нефтяного производства. Она проповедует сближение между рабочими организациями всех видов. Она правдиво изображает рабочую жизнь в столицах и на всем Кавказе. Точка зрения всюду проводится в общем правильная» ².

Такова оценка, которую дает заграничный орган большевиков, руководимый Лениным, большевистской газете, выходящей в России под руководством тов. Сталина.

Блестяще осуществляя в условиях многонационального Кавказа национальную политику партии, тов. Сталин дал образец большевистского разрешения проблемы развития национальной печати. Он организует ряд большевистских газет, выходящих на национальных языках, и активно участвует в них. Огромный толчок развитию партийной национальной печати дало создание «Бакинского рабочего». Как пишет М. Эфендиев в статье «Первые большевистские газеты на тюркском языке», приуроченной к юбилею «Бакинского рабочего»: «25-летие старейшей большевистской газеты «Бакинский рабочий» — праздник всей бакинской большевистской печати, в том числе и многих, так сказать, дочерних большевистских газет и журналов на тюркском и армянском

¹ До «Бакинского рабочего» выходила легальная газета «Гудок», в которой также помещен ряд сталинских статей. — И. Б.

² «Пролетарий» № 40. 1908. 1/14 декабря. Женева.

Тов. Сталин в период 1912—1913 гг.

языках, сгруппировавшихся вокруг «Бакинского рабочего» ³.

Брошюра Сталина «Вскользь о партийных разногласиях», изданная в 10 000 экземпляров на трех языках: грузинском, армянском и русском, — сыграла огромную роль в подготовке целого поколения большевиков. Эта брошюра, как и напечатанная в газете «Борьба пролетариата» статья тов. Сталина «Ответ социал-демократу», исключительно ясно и четко осветила основы большевизма и с огромным полемическим талантом разоблачила деятельность грузинских меньшевиков во главе с Ноем Жордания в период между II и III съездами.

Вся работа тов. Сталина в кавказский период его деятельности показывает, какое огромное значение придавал он печати и как умело он пользовался этим оружием партии. Самое название «кавказский период» может быть принято лишь условно, так как вся проводимая тов. Сталиным работа, особенно после поражения революции 1905 г., его борьба с меньшевизмом, его борьба с начавшими поднимать голову ликвидаторами, постановка тов. Сталиным партийной работы имеют, разумеется, общероссийское зна-

³ «Бакинский рабочий». 1931. 25 апреля.

ченне. Такой же общероссийский масштаб принимает и литературная деятельность тов. Сталина.

В 1910 г. тов. Сталин пишет свои известные «Письма с Кавказа».

В письме, помещенном 7 июня (24 мая) 1910 г. в № 2 «Дискуссионного листка» (приложение к «Социал-демократу»), он на примере тифлисских меньшевиков вскрыл сущность общероссийского ликвидаторства, поддержанного троцкизмом и разгромленного только после ожесточенной борьбы большевиков в течение ряда лет.

В другом «Письме с Кавказа» тов. Сталин затрагивает вопросы печати. Приведем заключительную часть «письма».

«Положение организации. Ввиду некоторых специфически бакинских условий на промыслах (некоторая возможность собираться, не вполне еще уничтоженная администрацией, существование промыслово-заводских комиссий) положение организации в Баку выгодно отличается от такового в др. частях России. Кроме того наличие так называемых легальных возможностей тоже облегчает работу. Ввиду этого связей у организации довольно много. Но связи остаются неиспользованными вследствие недостатка сил и средств. Нужна уст-

ная, и, главным образом, печатная агитация на татарском, армянском и русском языках, но за недостатком средств (и сил) приходится ограничиться русским языком, между тем как, например, мусульмане-рабочие занимают важнейший пост в производстве (тартание) и их относительно больше в количественном отношении чем русских или армян. «Бакинский пролетарий» (орган бакинского комитета), издающийся на русском языке, три месяца уже не выходил за неимением, главным образом, средств. На последнем своем заседании бакинский комитет принял предложение тифлисского комитета об издании общего органа, по возможности на четырех или трех языках (русский, татарский, грузинский, армянский). Членов (в строгом смысле слова) у нашей организации не больше 300. Объединение с тт. меньшевиками (около 100 членов) еще не перешло в сферу осуществления, пока замечаются только пожелания, ну а одни только пожелания еще не ликвидируют раскола... Пропаганда идет только в высших кружках, называемых у нас «собеседованиями». Система лекционная. Чувствуется большой недостаток серьезной пропагандистской литературы... Плохо действует на партийную массу оторванность от партии, полная неосведомленность о делах партийных организаций в России. Общерусский орган, регулярно устраиваемые общепартийные конференции и систематические объезды членов ЦК могли бы помочь делу. Из решений общеорганизационного характера, принятых бакинским к-том, наиболее важными являются два: об общепартийной конференции и общерусском органе. По первому вопросу бакинский к-т считает необходимым возможно скорее созыв конференции для разрешения назревших, главным образом организационных, вопросов. Наряду с ней бакинский к-т считает также необходимой конференцию большевиков для ликвидации создавшегося за последние месяцы ненормального положения внутри фракции. По второму вопросу бакинский к-т, констатируя разобщенность организаций друг от друга и полагая, что только общерусский орган, издающийся в России, мог бы связать партийные организации в единое целое, предлагает партии заняться организацией такой газеты. «К. С.»¹.

Письмо это четко увязывает все вопросы

За
начальник
Тифлисскаго
губернскаго
Андагискаго
управления

14 октября 1910

С. М. Сталин

Гор Тифлис

10419
С р о ч н о .
Секретно.

В дополнение сообщения от
14 октября за № 13308 уведомляю,
что «Коба» часто посещает в Тиф-
лисе типографию Грузинского Товари-
щества по Ранской улице и работа
лава тов. Михаила Гогвадзе, через
которого получает корреспонденцию
из Баку по адресу: Тифлис в ти-
пографию Грузинского товарищества,
внесшая тов. Михаилу Гогвадзе пере-
дать корреспонденцию за Кобой необходимо ус-
ловить строгое наблюдение бывшаго
филиарма Андагискаго губернскаго суд-
леви Коба известность подъ кличкой

Донесение тифлисского жандармского управления
о тов. Сталине. 1909 г.

¹ «Социал-демократ» № 11, от 26(13) февраля 1910. К. С. — подпись Сталина.

партийной жизни с вопросами развития партийной печати. Тов. Сталин здесь ясно показывает линию партии в деле развития национальной печати.

Поднятый тов. Сталиным вопрос о необходимости создания общерусского органа, издающегося в России, имел величайшее значение. Если вспомним, что эти слова были написаны в декабре 1909 г. а в декабре 1910 г. в Питере уже вышел первый номер легальной революционной «Звезды», предшественницы «Правды», то убедимся, насколько поставленный тов. Сталиным вопрос был злободневен и важен.

Систематические аресты и ссылки вызывают перебои в его активной революционной деятельности, но в перерывах между побегам и новыми ссылками он возвращается к революционной деятельности и вместе с ней к партийно-литературной работе.

В 1910 г.—очередной арест на Кавказе и после нескольких месяцев заключения—ссылка в Сольвычегодск.

В 1911 г.—побег из ссылки для работы в Петербурге по поручению ЦК. В том же году—новый арест и ссылка в Вологду, а в конце года—очередной побег.

В 1912 г. тов. Сталин работает в питерском подполье как член ЦК, избранный на Пражской конференции. В дни ленских забастовок тов. Сталин руководит газетой «Звезда». На страницах «Звезды» тов. Сталин посвящает ряд статей ленскому расстрелу. Мы находим в них глубокий анализ нового этапа рабочего движения. Тов. Сталин намечает очередные задачи борьбы за партию, ставя между прочим уже в апреле 1912 г. вопрос о подготовке к выборам в IV Думу, которые должны были происходить осенью. Участию рабочих в выборах партия в тех условиях придавала огромное значение.

Когда новый бурный под'ем рабочего движения поднял рабочую печать на невиданную до того высоту, когда, по образному выражению Ильича, революционная волна вынесла на своем гребне «Правду», одним из руководителей и организаторов «Правды» явился тов. Сталин.

В своих воспоминаниях к десятилетию «Правды» тов. Сталин писал:

«Это было в середине апреля 1912 г., вечером, на квартире у т. Полетаева, где двое депутатов Думы (Покровский и Полетаев), двое литераторов (Ольминский и Батурич) и я, член ЦК (я как нелегальный сидел в «бесте» у «неприкосновенного» Полетаева),

Тов. Сталин в туруханской ссылке. 1915 г.

сговорились о платформе «Правды» и составили первый номер газеты»¹.

Таким образом в составлении первого номера «Правды» тов. Сталин участвовал непосредственно. Но систематически с самого начала руководить газетой ему не удастся. В апреле 1912 г. он был уже снова арестован и выслан в Нарымский край. В отсутствие тов. Сталина «Правда» не имеет того боевого тона, какого требовал от нее Ленин, особенно по отношению к ликвидаторам. Но летом того же года тов. Сталин снова бежит из ссылки и тотчас принимает за выправление линии «Правды».

Тов. Крупская в книжке «Ленин—редактор и организатор партийной печати» отмечает ту исключительную роль, которую сыграл тов. Сталин в работе «Правды».

«12 сентября (1912 г.) приехал в Питер Сталин и стал помогать «Правде» в прозедении правильной партийной линии. После

¹ И. Сталин. К десятилетию «Правды». Сб. «Пролетарская печать — орудие соц. строительства». Партиздат. 1932, стр. 38.

отъезда Сталина за границу опять стали выходить с «Правдой» всякие неполадки. Трудно было выяснить даже, в чем дело, но у Ильича создалось впечатление, что редакция относится к загранице «глухо-враждебно». Ильич считал, что надо перестроить редакцию, посадить туда редактора с большим партийным опытом, который только этим бы делом и занимался, а то совершенно было неясно, кто за что в редакции отвечает, получалась какая-то обезличка. Это было вполне понятно, если принять во внимание ту роль, которую играл там Малиновский, пугавший карты, о провокации которого тогда еще никто не знал. В начале февраля 1913 г. было совещание в Кракове, на котором был Сталин, с которым Ильич подробно уговорился о реорганизации руководства «Правдой». Фактическим редактором предполагалось сделать приехавшего Я. М. Свердлова... На февральском совещании Ильич договорился со Сталиным детально о реорганизации в «Правде». По возвращении в Россию Сталин начал проводить реорганизацию...» (Н. К. Крупская «Ленин — редактор и организатор партийной печати»).

Ленин всячески поддерживал работу тов. Сталина в «Правде» и проводимые им по

прямому поручению Ленина реформы в редакции. 19 февраля 1913 г. Ленин пишет: «Сегодня узнали о начале реформы в «Дне» и т. е. «Правде». — И. Б. Тысячу приветов, поздравлений и пожеланий. Наконец-то удалось приступить к реформе. Вы не можете вообразить, до какой степени мы истомились работой с глухо-враждебной редакцией»¹. Еще через два дня Ленин поздравляет редакцию «Правды» «с громадным улучшением во всем ведении газеты, которое видно за последние дни»².

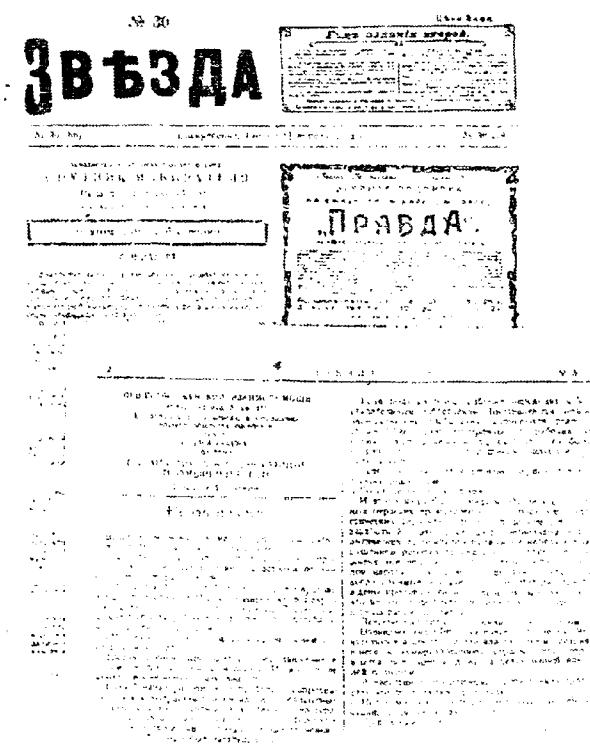
Когда в начале марта тов. Сталин снова был арестован, Ленин, понимая, какой удар наносится этим «Правде», дает директиву депутатам-большевикам «слотаться, организоваться и дружнее вести вместе работу вообще, особенно над «Днем»»³.

До прихода тов. Сталина в «Правду» особое негодование Ленина вызывалось применением большинства петербургских редакторов «Правды» к ликвидаторам. С приездом тов. Сталина в Питер в сентябре 1912 г. произошел решительный перелом: «Правда» повела энергичную борьбу с ликвидаторством. Это встретило горячую поддержку со стороны Ленина.

Работа тов. Сталина в «Правде» имела исключительное значение. «Петербургский пролетариат, его старшее поколение с чувством удовлетворения вспоминает его работу в «Правде», организацию избирательной кампании в IV Думу и т. д.»⁴.

Тов. Сталин вернулся в Питер как раз к моменту, когда развернулась выборная кампания. Под его руководством «Правда» осенью 1913 г. превратилась в штаб избирательной кампании. Здесь не только писались статьи, разъяснявшие рабочим значение участия в выборах, формулировавшие лозунги партии и разоблачавшие ликвидаторов, — в помещении редакции происходили собрания и встречи с представителями районов и предприятий, отсюда шло партийное руководство всей этой работой.

Тов. Сталиным был написан и знаменитый «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату». Чрезвычайно сжато и популярно изложенный наказ фактически явился политической платформой партии. Революционные требования рабочего клас-

№ 30 «Звезда» 5 (28) апреля 1912 г. со статьей тов. Сталина «Новая полоса» (позднейшая перепечатка).

¹ Из эпохи «Звезды» и «Правды». Вып. 3-й.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Сб. «Сталин». Статья М. И. Калининна, стр. 23.

са выражены в нем со всей принципиальной четкостью и твердостью, несмотря на то что «наказ» был составлен применительно к легальным возможностям опубликования в тогдашних условиях. «Наказ» приведен в книге т. Бадаева «Большевики в Государственной думе»¹.

Как только кончились выборы, тов. Сталин начал работу по формированию и организации думской фракции. И здесь тов. Сталин связывает большевиков-депутатов с «Правдой», через «Правду» — с рабочей массой. Тов. Бадаев в своих воспоминаниях рассказывает о работе под руководством тов. Сталина, о встрече с ним в редакции «Правды», о том, как при ежедневных посещениях редакции большевик-депутат связывался с представителями рабочих организаций и узнавал настроения рабочих масс.

Все это обеспечило «Правде» огромную роль в сплочении рабочего класса вокруг большевиков и в воспитании целого поколения рабочих-большевиков — «правдивцов».

«...В центре этой борьбы за партийность, за создание массовой рабочей партии стояла «Правда». Она была не просто газетой, подводящей итог успехам большевиков в деле завоевания легальных рабочих организаций, — она была вместе с тем организующим центром, сплачивающим эти организации вокруг подпольных очагов партии и направляющим рабочее движение к одной определенной цели. Тов. Ленин писал еще в «Что делать?» (1902 г.), что хорошо поставленная общерусская боевая газета должна быть не только коллективным агитатором, но и коллективным организатором. Именно в такую газету превратилась «Правда» в период борьбы с ликвидаторами за сохранение подполья и завоевание легальных рабочих организаций. Если верно то положение, что без победы над ликвидаторами не было бы у нас той партии, сильной своей сплоченностью и непобедимой своей преданностью пролетариату, которая организовала Октябрь 1917 г., то столь же верно и то, что упорная и самоотверженная работа старой «Правды» в значительной мере подготовила и ускорила эту победу над ликвидаторами. В этом смысле старая «Правда» была, несомненно, предвестницей будущих славных побед русского пролетариата» (И. Сталин «К десятилетию «Правды». Сб. «Пролет-

Товарищ Сталин

тарская печать — орудие соцстроительства», стр. 40).

Уже в старой, дореволюционной «Правде» тов. Сталин выступает и по вопросам борьбы пролетариата за границей. Его перу принадлежит статья «Уроки бельгийской стачки». В ней тов. Сталин показывает, как господство оппортунизма и реформизма среди бельгийских социалистов (особенно парламентариев) и слабость рабочей партии в Бельгии мешали борьбе, привели к весьма незначительным результатам и даже частичному неуспеху такого крупного выступления рабочих, как всеобщая политическая забастовка в Бельгии в 1913 г.

Отсюда выводы: «Поменьше смотреть на либералов, поменьше доверять им, побольше веры в самостоятельную, беззаветную борьбу пролетариата — вот первый урок бельгийской стачки...

Побольше внимания социалистической пропаганде, побольше работы над сплочением крепкой, принципиально-выдержанной и верной социализму, строго-партийной орга-

¹ Партиздат. 1932, стр. 37—38.

² «Борьба классов» № 4.

низации — таков второй урок бельгийской стачки»¹.

Эта статья рельефно вскрывает линию большевизма по важнейшим вопросам международного рабочего движения.

Работа, которую проводил тов. Сталин в «Правде», и его оценка роли «Правды» в общероссийской партийной работе встречали полную поддержку Ленина, специально писавшего по этому поводу в Петербург:

«Крайне жаль было услышать, что вы полагаете, будто Василий (Сталин) преувеличивает значение «Дня» (конспиративное название «Правды». — И. Б.). На самом деле именно в «Дне» и его постановке теперь гвоздь положения»².

Вообще литературная деятельность тов. Сталина встречает систематическую поддержку и одобрение Ленина, который неоднократно в переписке и в печати подчеркивает достоинства статей и работ тов. Сталина.

Еще по поводу «Писем с Кавказа» он отмечает правильность обвинений, выдвинутых Сталиным против ликвидаторов: «Тов. Ан (Ной-Жордания. — И. Б.) — писал Ленин, — своей статьей подтверждает самые тяжелые обвинения автора «Письма с Кавказа» т. К. С. (Сталина. — И. Б.), хотя и называет это письмо пасквилем»³.

14/1 сентября 1911 г. в № 23 «Социал-демократа» помещена корреспонденция тов. Сталина (за подписью К.) «Из лагеря Столыпинской «рабочей партии», вызвавшая высокую оценку со стороны Ленина.

«Корреспонденция тов. К. заслуживает величайшего внимания всех, кто дорожит нашей партией. Лучшее разоблачение «голосовской» политики (и голосовской дипломатии), лучшее опровержение взглядов и надежд наших «примирителей и соглашателей» трудно себе представить.

Исключителен ли случай, описанный тов. К.? Нет, это типичный случай деятелей столыпинской рабочей партии, ибо мы прекрасно знаем, что ряд литераторов «Нашей зари», «Дела жизни» и т. п. уже не первый год систематически проводит именно эти ликвидаторские идеи. Не

всегда эти ликвидаторы попадают к рабочим партиям, очень редко об их позорных выступлениях партия получает такие точные сообщения, за которые мы должны быть благодарны. К., но всегда и повсюду проповедь группы независимцев-легалистов ведется именно в этом духе»⁴.

Чрезвычайно характерно, что эту точную, разоблачающую ликвидаторов корреспонденцию Ленин тут же противопоставляет приемам, «которые пускают в ход люди вроде Троцкого, кричащие о «соглашении» и о своей вражде к ликвидаторству... Реальное значение подобных приемов очевидно. Посредством фразы прикрываются действительные ликвидаторы и делаются всяческие попытки мешать работе антиликвидаторов... Троцкий и подобные ему «троцкисты и соглашатели» вреднее всякого ликвидатора»⁵.

Ленин подчеркивает, как особое достоинство корреспонденции Сталина то, что в ней говорится не о случайном явлении, а о типичном, основном вопросе, она вскрывает главную опасность, против которой партия должна была в то время бороться. Это умение подхватить основной вопрос и заострить на нем бдительность партии является, как мы знаем, отличительной чертой тов. Сталина. Наряду с этим Ленин отмечает и точность корреспонденции, подчеркивая, что лучшее разоблачение ликвидаторов трудно себе представить. И в самом деле, в сжатой форме (на 49 газетных строках) тов. Сталин точно и ясно формулирует платформу ликвидатора, описывает позицию рабочих-партийцев и выявляет свое партийное отношение к ликвидаторству одной фразой, кратким замечанием в скобках высмеивая и уничтожая «надежды» оппортунистов. Все это отличительные черты тов. Сталина как большевистского литератора.

В 1913 г., в условиях готовящегося к мировой схватке империализма, национальный вопрос приобретает особое значение. Тов. Сталин берется за разработку этой актуальнейшей темы, выступает на международной арене с развернутой платформой взглядов большевизма по национальному вопросу, пишет свою известную работу «Марксизм и национальный вопрос», которая разоблачила оппортунизм национальной

¹ «Правда» № 104, от 8 мая 1913 г.

² Сб. «Из эпохи «Звезды» и «Правды». Вып. 3-й.

³ Ленин. Т. XIV, стр. 317.

⁴ Ленин. Т. XV, стр. 217.

⁵ Там же, стр. 217—218.

О СОЗДАНИИ НАУЧНОЙ ИСТОРИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И РАБОЧЕГО КЛАССА СССР

«... всю историю надо начать изучать сызнова»
(Энгельс. Письмо к К. Шмидту. 1890 г.)

1

Предшествующая деятельность научно-исторических учреждений и отдельных исследователей, работающих над историей пролетариата, политические задачи, стоящие перед историческим фронтом, выдвигают теперь перед нами вопрос о создании капитальных исследований в области истории рабочего класса СССР.

Одних документальных публикаций и журнальных статей исследовательского характера теперь уже совершенно недостаточно. Мы обязаны пойти дальше, в направлении создания ряда подлинно научных специальных монографий и больших работ обобщающего характера, больших и мастерски исполненных исторических полотен. Почти полное отсутствие работ этого типа — крупнейший недостаток нашей исторической науки в целом. Он остро ощущается и пишущими историю и читающими ее.

Отставание исторической науки от гигантских темпов развития нашей страны все еще не ликвидировано. Необходимо напрячь все усилия к тому, чтобы покончить с этим отставанием, поднять историческую науку на уровень великих событий нашей эпохи. Одним из решающих шагов в этом направлении может и должно явиться создание

крупного исторического произведения, посвященного пролетариату.

Это одна из центральных задач марксистской историографии, задача, на которой с наибольшей глубиной, доказательностью и блеском может быть продемонстрирована сила и зрелость нашей исторической науки, ее превосходство не только в области методологии — здесь ищется и вседоказательности буржуазной исторической мысли разоблачены уже давно, — но и в области конкретного исторического исследования.

Крупнейшие буржуазные исторические школы в Западной Европе первой половины XIX столетия сложились и выросли именно на истории представляемого ими класса, на истории его происхождения, развития, победы и торжества. В сущности, на этой основе и возникла современная буржуазная историческая наука. В центре ее внимания стояла буржуазия — класс, в одних странах Европы уже утвердивший тогда свое господство на развалинах феодального общества, в других — шедший к тому утверждению. Содержание ее основных и оставивших по себе наиболее прочный след произведений — апология буржуазии.

Маколей в Англии, Тьер и Гизо во Франции создали свои лучшие произведения на изучении истории идейной, материальной и политической эмансипации буржуазии. И для той эпохи их произведения были действительным шагом вперед. Как указывал Маркс, именно названные французские историки впервые — и не без успеха, возможно в границах буржуазного мирозерцания — попытались взглянуть на исторический процесс как на процесс борьбы классов. Эта относительная научность и прогрессивность буржуазного исторического знания была возможна только потому, что сама буржуазия была тогда еще восходящим классом, полным оптимизма, достаточно уверенным в завтрашнем дне и потому достаточно еще радикальным в исследовании прошлого.

Тайна XIX столетия, говорил Маркс, — эмансипация пролетариата. Для буржуазии и ее идеологов до революции 1848 г. не существовало этой тайны. Тайна всей истории для них заключалась в эмансипации самой буржуазии, в установлении ее господства, которое отныне представлялось вечным и неизблемым, возведенным в своего рода «естественный» закон. С этим умонастроением буржуазные историки и приступали к созданию литературного монумента своему классу. В прошлом они были способ-

ны видеть острую социальную борьбу, будущее же рисовалось ими как гармоническое, лишённое крупных социальных битв развитие, увенчанное господством буржуазии.

1848 год навсегда похоронил эту иллюзию.

Буржуазная наука вообще и в частности историческая наука круто повернули к реакции. Если раньше своим острым историческая наука была направлена против феодальной аристократии и абсолютизма, то теперь ее главным врагом становится пробудившийся в борьбе пролетариат. Буржуа начинает отказываться от своего революционного прошлого, и это находит отражение в исторических писаниях его идеологов. Тьерри, «потрясенный вдвойне как гражданин и как историк катастрофой 1848 г.», «чувствуя упадок духа», прерывает свой последний крупный труд, знаменитый «Опыт истории третьего сословия», на эпохе Людовика XIV. Он не находит в себе желания довести «Опыт» до эпохи Великой революции включительно. В свете 1848 г. самая эта революция расценивается им уже иначе чем прежде, в более ранних произведениях. Он выносит обвинительный приговор XVIII в., «подготовившему роковой разрыв между третьим сословием и королевской властью».

В предисловии к «Опыту», написанном в 1853 г., он, пытаясь опереться на историю, воюет с социализмом, или, как он выражается, «с предрассудками и системами, которые стремятся разделить массу нации, ныне единую и однородную, на взаимно враждебные классы...»¹. Тень июньских баррикад легла не только на упомянутое предисловие, но и на самый «Опыт», окончательная подготовка к печати которого происходила уже после событий 1848 г.

Поворот к реакции—отнодь не индивидуальная черта Тьерри. В том же направлении и еще более решительно шли Гизо, Тьер и вся эта историческая школа. То же в сущности происходило и в Англии, где пролетариат еще до 1848 г. громко заявил о своем существовании чартистским движением, одним из страстных врагов которого был Маколей. В качестве врага пролетариата Маколей зарекомендовал себя и как политик и как историк. В обеих этих областях он представлял партию вигов. Его «История Англии», писавшаяся под акомпа-

¹ О. Тьерри «История происхождения и успехов третьего сословия», стр. 34. М. 1899.

нимент событий 1848 г. должна была доказать историческую личность, и законность политических притязаний буржуазии, и страшную опасность для судеб «цивилизации и свободы» политических и социальных притязаний «грубых и невежественных рабочих классов». И, действительно, это произведение было широко использовано английской буржуазией в ее политической борьбе.

Но с наибольшей яркостью вражда Маколей к пролетариату, его страх перед движением этого класса выразились в его на шумевшем в свое время письме по поводу будущности САСШ, написанном в 1857 г. Это письмо—одно из самых ярких свидетельств влияния революции 1848 г. и последовавших за ней событий на историческое сознание буржуазии. В нем Маколей грозит Америке пролетарской революцией².

После 1848 г. и в особенности после Парижской коммуны в буржуазную историографию широкой волной хлынул более или менее тонко завуалированный мистицизм, достигший теперь, в условиях угасания и гниения буржуазной культуры, максимального расцвета. И чем острее становилась борьба пролетариата против буржуазии,

² Придет время,—пишет он своему американскому корреспонденту,—когда новая Англия будет так же густо заселена как и старая Англия. Заработная плата будет так же низка и будет так же колебаться у вас как и у нас. Вы будете иметь ваши Манчестеры и ваши Бирмингамы, и в этих Манчестерах и Бирмингамах сотни тысяч работников, вероятно, будут иногда без работы. Тогда-то наступит час испытания для ваших учреждений. Бедствие везде делает работника недовольным и наклонным к мятежу; он с жадностью слушает агитаторов, которые говорят ему, до какой степени несправедливо и неестественно, чтобы один человек имел миллионы, а другой не знал, чем пообедать».

«Придет время,—пишет далее Маколей,—когда в Нью-Йоркском штате станет избирать законодательное собрание толпа людей, из которых ни один не будет иметь более чем половину завтрака и не будет ожидать более чем половину обеда. Тогда,—пророчит он,—у вас могут произойти дела, которые сделают невозможным возвращение прежнего благосостояния. Или какой-нибудь Цезарь или Наполеон захватит кормило правления в свою крепкую руку; или же ваша республика будет так страшно разграблена и опустошена в XX столетии, как Римская империя разграблена и опустошена была в V столетии, но с той разницею, что гунны и вандалы, которые разоряли Римскую империю, пришли извне, а ваши гунны и вандалы будут порождены в вашей собственной стране...» (Маколей. Полное собр. соч. Том I, стр. 36—37). Нужно ли пояснять, что «гунны и вандалы XX столетия»—это восставший пролетариат.

тем более удалялась буржуазная историография от подлинно научных позиций и тем более она спешила прикрыться той абсолютной беспристрастностью и объективностью. То же происходило и, как указывал Маркс, не могло не происходить во всех общественных науках. Словом, с выступлением на историческую арену революционного пролетариата «пробил смертный час» для научной буржуазной экономики, истории, философии¹. Буржуа не мог уже бесстрашно смотреть в будущее и потому не мог не исказить прошлого.

«Низость» мысли, более или менее тонкая фальсификация истории, в особенности истории социальных движений, стали неизбежным уделом буржуазной исторической науки, поскольку она не стояла на почве чистой прагматики, а пыталась создавать те или иные широкие концепции². Да и в области простого собирания чисто фактического материала эта «низость» мысли сказывалась с достаточной силой. И естественно, что Энгельс требовал в конце прошлого столетия начать изучение истории сызнова.

Естественно, что могильщику буржуазии — пролетариату — не было места в буржуазных исторических концепциях, во всяком случае, как субъекту истории. В буржуазной исторической литературе и поныне нет крупных произведений, посвященных пролетариату.

Впрочем, с течением времени, начиная примерно с последних десятилетий прошлого века, совершенно игнорировать пролетариат буржуазная историография уже не могла. Но в трудах буржуазной истории рабочего класса искажалась до неузнаваемости; достаточно упомянуть здесь известные писания Зомбарта и Brentano. Да если бы даже буржуазный историк вознамерился самым искренним и беспристрастным образом изобразить историю пролетариата, то из этого все равно вышло бы мало толку. Идеолог гибнущего класса не в состоянии создать подлинно научную историю класса восходящего, а революционно-марксистские исторические силы на Западе пока еще невелики.

¹ Маркс «Капитал». Изд. 1930. Т. I, стр. XXXVI.

² О «глубокой низости мысли» буржуазной общественной науки в условиях поднимающегося рабочего движения Маркс говорит много раз и в «Капитале» и в исторических своих работах. Но с наибольшей силой оттенял он этот момент в «Теориях прибавочной ценности». Изд. 1924. См. т. II названной работы, стр. 204 — 207.

Исключительно ценные руководящие идеи для такой истории заключены в трудах Маркса и Энгельса, в их переписке, в работах Ленина. Более того: у основоположников научного социализма мы имеем немало страниц, посвященных и конкретной истории пролетариата (не говоря уже о специальной работе Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и XXIV главе «Капитала»). На этой именно основе должна будет создаваться конкретная история западноевропейского пролетариата, но пока этой конкретной истории еще нет.

2

До Октября история пролетариата России разрабатывалась еще менее чем история рабочего класса Западной Европы.

До 80 — 90-х гг. прошлого века для дворянской и буржуазной историографии России эта проблематика даже и не существовала. Искать в русской исторической литературе той эпохи не только специальные работы, но хотя бы специальные страницы в общих трудах, посвященные пролетариату, — неблагоприятное занятие. И проблематика и хронологические рамки исторических писаний того времени исключали пролетариат. Творцы известных многотомных «Историй России» не шли дальше XVIII столетия, да и занятие им считали не совсем безопасным. В монографиях же и общих очерках, трактовавших о XIX веке, пролетариат, если и упоминается, так только в том смысле, что его в России нет, а если и есть, то он настолько незначителен, что и говорить о нем нет необходимости.

В мелкобуржуазной народнической историографии проблема пролетариата, конечно, тоже не была научно разработана. И не только полупублицистом Флеровским, но и профессионалом-историком В. И. Семевским, крупнейшим народническим историком в России. Правда, еще в начале 80-х гг. Семевский начал пропаганду идеи создания истории «четвертого сословия» России, долженствовавшего, по его мысли, повлечь за собой коренную перестройку всей русской истории. Но, во-первых, в действительности широких размерах это предприятие ему осуществить не удалось, во-вторых, при ближайшем рассмотрении, как и следовало ожидать, его «четвертое сословие» — синоним не пролетариата, а крестьянства. Из его писем и даже из его специальной рабо-

ты по истории сибирских золотопромышленных рабочих это явствует с полной несомненностью. Да и не могли народники с их вульгарной теорией классов, в которой пролетариат и крестьянство рассматриваются как единое «четвертое сословие», «трудовой народ», подняться до правильной постановки вопроса об истории пролетариата. У Семевского «герой русской истории—мужик». Для того времени и это было относительно прогрессивным шагом, ибо тогдашняя историческая литература в большинстве своем игнорировала крестьянство, составлявшее свыше 70% всего населения страны. Но от этого шага до истории пролетариата—дистанция огромного размера.

Если до 90-х гг. буржуазно-дворянская историография в России игнорировала пролетариат потому, что еще не видела в нем исторической силы, то после возникновения российской социал-демократии, в особенности после революции 1905 г., эта историография избрала тактику замалчивания пролетариата именно потому, что боялась его. Напомним, что здесь речь идет об исторических работах, а не о публицистических выступлениях буржуазных историков. В качестве буржуазных политиков Милюковы, Кизеветтеры, Струве и К° после 1905 г. уже никак не могли игнорировать пролетариат. Буржуазия—даже самая либеральная, кадетская ее часть—искала в это время обеспечения своей будущности на путях «последовательных компромиссов с исторически сложившейся властью», т. е. с самодержавием. Ее историки и убивали всю силу своей изобретательности на историческое обоснование необходимости и возможности таких компромиссов между «обществом», т. е. буржуазией, и самодержавием. 1905 год неразрывно связал судьбы русской буржуазии с судьбами монархии, и для буржуа это не было тайной. В страхе перед только что задушенным могучим рабочим движением 1905 г., в страхе перед грядущей пролетарской революцией, буржуа готов был пойти на самый жалкий компромисс с царизмом. Поэтому незримо пролетариат присутствовал и в исторических писаниях буржуазной школы, вышедшей в период между двумя революциями.

Довольно многочисленные попытки писать историю пролетариата в разные времена делали меньшевики.

И в их творениях подлинное лицо революционного русского пролетариата искажено. В их писаниях пролетариат изображается по их собственному образу и подо-

бию, так что в нем невозможно узнать класса, героически боровшегося на баррикадах 1905 г., свершившего величайшую из всех революций—Октябрьскую революцию. Меньшевики фальсифицировали историю пролетариата. И еще в эпоху революции 1905 г. Ленин учил срывать с них маски. Общеизвестна его статья по поводу меньшевистской «истории» декабрьского вооруженного восстания. Характерной чертой работ по истории пролетариата, вышедших из-под пера историков меньшевистского толка, является замазывание или грубое искажение истории революционной классовой борьбы пролетариата, истории партии—этой высшей формы классовой организации пролетариата.

Меньшевистские историки тщательно выхолащивали, замазывали руководящую роль пролетариата в революционном движении конца XIX и XX вв., выдвигая либеральную буржуазию как основную силу революции, преувеличивая революционную роль городской мелкой буржуазии.

В этих работах внимание концентрируется преимущественно на узко экономической стороне дела (положение рабочих, рабочее законодательство) и на чисто профессиональном движении. Но на трактовке и этих вопросов лежит печать примитивного «экономического материализма».

Настоящую научную историю пролетариата могли бы создать только большевики, но их силы были сосредоточены на огромной практической революционной работе, на общетеоретической борьбе за ортодоксальный марксизм. Наконец, большевики в силу подпольного или эмигрантского своего положения были физически отрезаны от главного источника материалов для такой истории—от архивов. Революционеру, да еще пролетарскому, доступа к ним в те времена не было да и не могло быть. Но именно в большевистской литературе и прежде всего в работах Ленина мы находим многочисленные и ценнейшие принципы и указания, которые должны быть положены в основу научной истории пролетариата. А в таких работах, как «Развитие капитализма в России», в ряде статей, посвященных стачечному движению и революциям 1905 и 1917 гг., собран и блестяще обработан и огромный фактический материал: даны образцы подлинной научной трактовки истории пролетариата.

После Октября началась разработка истории пролетариата, но она довольно дол-

гое время не имела широкого и планового характера. Да и не сюда в первые годы после Октября были направлены главные силы историков-марксистов. Минувший период в развитии марксистской исторической науки был по преимуществу периодом беспощадной критики и разрушения всех схем и теорий, созданных почти вековым развитием дворянской и буржуазной историографии.

Эта критико-разрушительная работа была абсолютно необходимой, и она составляет самую сильную сторону минувшей полосы развития марксистской исторической науки. Чтобы начать строить новую, действительно научную историю, необходимо было расчистить поле деятельности, камня на камне не оставив от «наследства» антинаучной и враждебной коммунизму буржуазно-дворянской историографии. Это была, конечно, одновременно и созидательная работа, но эта ее сторона выглядит менее рельефно. Новое, подлинно марксистское здание русской истории еще не возведено, и это—дело ближайшего будущего. Пока мы располагаем только самыми общими контурами этого здания, не облеченными еще в необходимой степени в плоть и кровь фактического материала. Самый этот материал не подвергнут еще необходимой предварительной обработке. Одним из первых крупных шагов в направлении возведения нового здания истории России должна стать история промышленности и пролетариата.

Только тогда новая и новейшая русская история—XVIII—XX вв.—примет надлежащий вид, когда в свете ленинского учения будет разработана на огромном (архивном и печатном) материале конкретная история капитализма и пролетариата в России. Необходимость этой работы осознана уже давно. Еще в 1928 г. в одной из своих речей М. Н. Покровский указывал на нее. «Настоящий пролетарский историк будет тот,—говорил он,—кто изобразит процесс развития нашего рабочего класса, как он возник, как он сформировался в класс в тисках царского режима, как он разломал этот царский режим, как он взял власть. Вот когда эту грандиозную картину перед вами нарисуют, то такого человека можно будет назвать пролетарским историком... А людей, которые только перестроили под революционно-марксистским углом зрения тот материал, который обрабатывался в курсах русской истории всегда,—их можно

назвать только еще предтечами и даже не Иояки, а предтечами самого Иояка»¹.

С 1929—1930 гг. разработка истории рабочего класса стала принимать все более широкие и организованные формы. В Институте истории Коммунистической академии образовалась специальная секция истории пролетариата, публикующая свои работы в журнале того же названия. Ценные публикации материалов выпустили Централхив и Историко-археологический институт Академии наук. Наконец, огромный интерес и значение для истории капитализма и пролетариата имеют книги, издаваемые созданной в 1931 г. постановлением ЦК ВКП(б) Главной редакцией истории фабрик и заводов. Огромный и первоклассного научно-политического значения материал, относящийся к истории пролетариата эпохи Октября и гражданской войны, разрабатывается и в Главной редакции «Истории гражданской войны».

По вышедшим уже книгам по истории заводов—а они в качестве первого опыта, конечно, не шедевр—видно, какую значительную роль могут сыграть эти издания для собирания материала к будущей большой истории пролетариата, не говоря уже об их пропагандистском значении. Нужно только добиться того, чтобы источники, собираемые на местах и входящие обычно лишь незначительной частью в самые книги, были сохранены и приведены в порядок.

Итак, предпосылки, минимально необходимые для успешного начала работы по созданию большого исследования по истории промышленности и рабочего класса СССР, существуют, и нет оснований медлить с этой работой.

На громадном и почти неизученном материале должна быть создана подлинная картина того, как в стране господства крепостничества и абсолютизма возникли и развивались крупная промышленность и индустриальный пролетариат. Как этот класс сформировался в ходе промышленной революции и вырос в грозную революционную силу. Как он, руководимый великой партией Ленина, поднялся до положения господствующего класса на одной шестой части земного шара. Это исследование должно показать, почему именно в России, где вплоть до революции господствовал самый свирепый на европейском континенте политиче-

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». ГИЗ. 1933. Вып. 2-й стр. 302.

ский режим, воплотились в жизнь величайшие идеи гениев революционного человечества Маркса и Ленина, те самые идеи, которые реакционные классы всего мира объявляли «утопией» и «химерой». Это исследование должно противопоставить капиталистическому миру историю нового социалистического мира.

В знаменитом предисловии «К критике политической экономии» Маркс писал, что с уходом с исторической арены буржуазного общества завершается прелюдия истории человечества¹. Начало этому всемирно-исторического значению повороту положено Октябрьской революцией. Набросать картину перехода от «прелюдии» к собственно человеческой истории — задача исключительной сложности и ответственности, но зато и исключительного интереса и значения.

Это такая тема, которая вправе приковать к себе внимание лучших сил нашей исторической науки. Произведение, в котором он найдет свое должное отражение, легко проложит себе путь ко многим десяткам тысяч читателей. Создать такое произведение, повторяем, нелегко. Но создать его необходимо.

3

Уже из сказанного выше видно, как мало научно разработаны многие из тех вопросов, которые должны стоять в центре внимания исследования. В частности очень мало разработана история экономики России, без которой невозможно по-настоящему написать историю рабочего класса. Между тем в этой области иногда приходится встречаться с мнениями странными и прямо нелепыми. Так например еще недавно некоторые историки, считаящие себя совершенно искренно марксистами, утверждали, что промышленной революции в России вовсе не было, другие, — что она была, но началась никак не ранее середины 90-х гг. прошлого века. Люди, исповедывавшие подобные взгляды, повидимому, совершенно не замечали, что с их позиции невозможно подойти к ленинскому пониманию всей пореформенной истории России. В слабой изученности экономической истории нашей страны — одна из причин долговременной жизни некоторых, теперь уже похороненных антиленинских представлений о харак-

¹ К. Маркс «К критике политической экономии», стр. 13. ГИУ. 1923.

тере русского империализма, революции 1905 г. и т. д. Но немало пугающих «концепций» по этой самой причине и поныне провозглашает призывки жизни.

Без научной истории промышленности не может быть создана и научная история пролетариата. Ясно также, что историю и той и другого нельзя ни понять, ни написать, если абстрагироваться от социальной структуры той страны, в которой они существуют, от экономических и политических связей этой страны с другими странами.

При таком абстрагировании не могут быть правильно поставлены и разрешены такие, например, вопросы, как вопрос о первоначальном накоплении капитала и рабочей силы, о формировании пролетариата, его социальных истоках, о влиянии континентальной блокады на промышленность России, о промышленных кризисах 60-х и 80-х годов, о влиянии колониальной политики самодержавия на индустрию и пролетариат, о состоянии промышленности России в эпоху мировой войны. Все это, конечно, не значит, что история промышленности и пролетариата должна превратиться в историю России вообще. Всей международной и внутренней обстановки можно и должно касаться только под углом зрения основных тем, только в границах действительно необходимого.

Центральная задача такого научного конкретно-исторического исследования — показать историческую подготовку диктатуры пролетариата, подвести к ленинскому пониманию Октябрьской революции как социалистической революции, подготовленной всем предшествующим ходом мировой и русской истории. Нужно, как этому учат Ленин и Сталин, показать глубочайшую закономерность этой революции. Нужно на громадном конкретном историческом материале вскрыть и показать всю глубину предательства, пошлости и кретинизма героев II интернационала и ренегатов от коммунизма, изображавших дело так, что будто бы в 1917 г. в России не существовало минимально необходимых предпосылок для победоносной социалистической революции и потому рабочий класс России, идя под руководством большевиков на штурм в Октябре, будто бы сходил с почвы марксизма. Теперь уже и в этом лагере не решаются отрицать успехов социалистического строительства в СССР, но врага надо неустанно разоблачать и бить всеми видами оружия, в том числе и оружием истории.

Проблематика истории промышленности и рабочего класса пооктябрьской эпохи еще более остра, исторически обработанного материала еще меньше при горах материала сырого, архивного и печатного. Блестящую методологическую и политическую канву для истории этого периода дают работы Ленина и Сталина и решения партии.

Нужно показать гигантскую творческую силу пролетариата, ставшего господствующим классом. Необходимо изучить развитие нашей индустрии до эпохи первой пятилетки включительно, тщательно прослеживая действующие здесь закономерности и резко противопоставляя социалистическую индустриализацию Советского союза капиталистической индустриализации на той же территории в эпоху царизма. Нужно, наконец, показать ведущую роль нашей партии во всем этом, не имеющем прецедентов, великом строительстве.

Чтобы создать документальную базу для всей работы, нужно проработать десятки архивных фондов. И здесь с самого же начала тоже должны быть установлены довольно тесные границы, иначе даже крупный авторский коллектив рискует не овладеть материалом, утонуть в бумажном море. Нужно, чтобы Централхив принял активное участие в этом научном предприятии и поставил на надлежащий уровень дело изыскания источников, их копировки и пр.

Громадный фактический материал, на базе которого только и может быть создана подлинно научная история, должен быть конденсирован и мастерски обработан. С одной стороны, нужно избежать загромождения работы третьестепенными мелочами,

с другой — совершенно необходимо, чтобы подобная работа не превратилась в простой социологический скелет, лишенный живой ткани конкретно-исторического материала, а следовательно, и доказательности.

Такого размаха работа, конечно, может быть выполнена только мощным коллективом историков и экономистов. При правильной ее организации в этой работе могут вырасти молодые исторические кадры, ибо любой из сколько-нибудь значительных вопросов, подлежащих разрешению в этой работе, вполне может быть превращен в предмет самостоятельного монографического исследования.

Из опыта всех коллективных работ хорошо известно, что им только тогда гарантирован успех и ценность построения, когда раньше, чем приступить к писанию, создается тщательно и всесторонне продуманный подробный план всего исследования. К разработке такого плана для первого выпуска (XVIII—XIX вв.) Институт истории уже приступил. Этот первый выпуск, для написания которого уже создан авторский коллектив, обнимает историю промышленности и рабочего класса примерно с петровской эпохи до конца прошлого столетия, т. е. до завершения промышленной революции, начала массового пролетарского движения и образования пролетарской партии.

Необходимость в создании такой работы по истории промышленности и рабочего класса СССР вполне назрела. При правильной организации и серьезной подготовке к ней подобная работа вполне может быть выполнена в течение нескольких ближайших лет.

П. Бутырина

ИЗ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

Грузинские меньшевики были одной из наиболее оппортунистических разновидностей меньшевизма. Получив в результате Февральской революции маленькую страну—Грузию, они сделали ее ареной для проведения в жизнь своих идей. Осуществляя эти идеи, меньшевики наглядно доказали всю свою контрреволюционную сущность.

После Февральской революции измученное феодально-крепостническим гнетом крестьянство Грузии тщетно ждало облегчения от новой власти. Улучшения не наступало.

Между тем телеграф приносил известия о победах рабочих и крестьян в России и о декретах советской власти.

В корреспонденциях «Кавказского рабочего» из провинции писалось: «Декрет о земле и мире, изданный новой властью, нашел множество приверженцев».

Популярность декретов советской власти среди грузинского крестьянства пугала меньшевиков, и они стремились парализовать это действие злостной клеветой на власть советов.

Но вопреки этой клевете крестьянство Грузии большевизировалось под влиянием известий о мероприятиях советского правительства.

Рост дороговизны, развитие спекуляции, неустойчивость валюты вели к голоду, холоду и обнищанию рабочего класса. Уже ле-

том 1917 г. на всех предприятиях возникали конфликты между рабочими и предпринимателями. Неизбежным последствием этих конфликтов были увольнения наиболее «строптивных» рабочих, аресты, высылки за пределы «демократической республики» и т. д.

К союзам, пытавшимся защищать интересы рабочих, применялись суровые меры. Меньшевики, защищая интересы буржуазии, внушали рабочим мысль о необходимости свято выполнять свои обязанности перед капиталом. Это приводило к тому, что борьба рабочих с предпринимателями за улучшение экономического положения перерастала в борьбу с правительством, защищающим интересы буржуазии. Рабочие под руководством коммунистической партии большевизировались.

Национальный вопрос был одним из подводных камней, о который разбился меньшевистский корабль.

В Грузии почти 35% составляло негрузинское население: абхазы, аджарцы, армяне, русские, осетины и т. д.

Во время власти меньшевиков во имя интересов грузин, господствующей нации, угнетались все остальные национальные меньшинства. Против Аджаристана, Абхазии, Югоосетии, отстаивавших право национального самоопределения, посылались экспедиции и жестокие усмирители.

Эта политика очень скоро дала свои результаты. Недовольство рабочих и крестьян возрастало, принимая все более и более угрожающий характер для господствующих классов, оно вылилось в победоносное восстание, установившее диктатуру пролетариата.

Южная Осетия в борьбе с грузинскими феодалами и царскими колонизаторами

Суровая природа Кавказского хребта, острое малоземелье гнали его обитателей—осетин—на южные склоны, где они попадали в кабалу к грузинским феодалам. Размеры этой кабалы никем не ограничивались. Каждое осетинское семейство обязано было давать помещику ежегодно по 3 барана или по 3 руб. серебром. С каждого саком-

Тов. В. Хубаев с женой — активные участники революции 1905 г. в Ю. Осетии. В период реакции (1906 г.) Хубаев был убит, жена тяжело ранена.

ле¹ земли от 15 до 20 дневных паханнй² взыскивалось в пользу помещика, или по одной корове, или по 5 руб. серебром, или же по 5 баранов.

Ежегодно за каждое сакомле помещик получал подарок в виде одного быка ценою в 10 руб. Кроме того осетинские села обязаны были давать помещикам:

а) в сырную неделю с дыма 2 фунта масла или 1 литр³ сыру ценою в 40 коп.; б) в великий пост — чива или других продуктов на 1 руб.; в) две коды⁴ ячменю; г) один день в год целым селением пахать помещичью землю, сеять хлеб, жать и доставлять в дом помещика; д) снабжать помещика лесом; е) оказывать помещику услуги⁵.

¹ Сакомле — землеучасток, принадлежащий одной семье.

² День пахания равнялся 900 кв. саженей.

³ Литр — старая грузинская весовая мера, равная 10 ф.

⁴ Кода — грузинская мера сыпучих тел, около 4 пудов.

⁵ Акты. Т. VI. Ч. 1-я.

Не довольствуясь этими огромными натуральными и денежными повинностями, грузинские помещики изыскивали самые разнообразные способы для ограбления осетинского крестьянства.

У приезжающих на базар осетин отбирали все продукты, в ущельях гор помещики устраивали специальные засады, мимо которых осетины не могли проходить без риска жизнью. Подземелья помещичьих замков нередко являлись для них могилой.

Путешественник, посетивший одну из таких темниц в Ксанском ущелье, «видел в ней заржавленные цепи, разбросанные кости и пожелтевшие черепа, в которых гнездились ядовитые змеи»⁶.

Помещики не только грабили и заживо хоронили осетин, но и продавали их на невольничьи рынки. Тяжелая, беспросветная жизнь осетинского крестьянства стала еще невыносимее с приходом русских колонизаторов.

Русское самодержавие, видя в грузинских феодалах свою опору, расширяло их права в отношении крепостных. Эта политика приводила к окончательному разорению осетинского крестьянства. Даже официальный царский историк должен был признать, что «осетины бедны, почти голы или до последней степени плохо одеты, живут в землянках или развалившихся башнях и даже в оставленных укреплениях»⁷.

С целью еще большего порабощения осетин русские колонизаторы решили обратить их в христианскую веру.

Созданная для проведения этой работы особая осетинская комиссия не за страх, а за совесть обращала тысячи «идолопоклонников» в христианскую веру. За один только год было окрещено 14 тыс. человек.

Такому головокружительному успеху удивлялся даже сам генерал Ермолов. Он недоумевал, каким образом население, не знающее грузинского языка, могло воспринять «от проповедников слова божия христианскую веру»⁸. Но этот успех проповедников объяснялся весьма прозаически: всем принявшим христианство обещалось избавление от крепостной зависимости. Подкупали крестьян также клочки материи, которые выдавались им при крещении «на зу-

⁶ Потто «Кавказская война». Т. V.

⁷ Дубровин «История войны и владычества русских на Кавказе». Т. I, стр. 287. Изд. 1871 г.

⁸ Акты. Т. VI. Ч. 1-я.

бок». Мануфактура в Осетии ценилась очень дорого, и крестьяне, остро в ней нуждаясь, соглашались проделать процедуры обряда крещения.

Для большей убедительности агитации проповедников в распоряжение комиссии был предоставлен отряд казаков. Где не помогало «слово божие», выручала казацкая нагайка.

Осетинское крестьянство ответило на такую политику рядом восстаний против помещиков и русских завоевателей. Русские генералы беспощадно расправлялись с повстанцами, предавая их села огню и мечу.

Наиболее сильно пострадала Осетия при подавлении восстания генералом Ренненкампом (1830 г.). Не даром он хвастался, что зашел с своей экспедицией так далеко, куда «отважнейшие воины грузинских царей в продолжение почти столетия не смели показываться»¹.

В результате этих экспедиций «непокорные были наказаны оружием и истреблением их жилищ».

Военно-полевому суду было предано 118 активных участников восстания, имущество их было конфисковано, пашни и дома уничтожены, 21 человек были наказаны шпицрутенами²:

2 через 1000 чел.—по два раза; 4 через 500 чел.—по три раза; 15 через 500 чел.—по два раза³.

Ренненкампф, опасаясь, что расстрел виновных не произведет впечатления на горцев, привыкших с детства к оружию, решил применить новый способ—повешение.

Казнь производилась в присутствии старшин на месте жительства повстанцев с целью «назидания для населения».

Цель была достигнута. Расправа произвела настолько сильное впечатление, что «южные осетины помнили ее до последних дней умиротворения Восточного Кавказа и с трепетом передавали о ней и новому поколению»⁴.

Но несмотря на страшные воспоминания Южная Осетия не раз еще восставала против своих угнетателей.

В 1841 г. вновь вспыхнуло восстание, ко-

¹ Кавказский сборник. Т. XIII, стр. 51.

² Шпицрутен—длинная тонкая палка для телесных наказаний. Осужденный должен был пройти сквозь строй солдат, вооруженных шпицрутенами. Каждый солдат наносил удар по обнаженной спине или груди осужденного. Это наказание нередко кончалось смертью осужденного.

³ Кавказский сборник. Т. XIII, стр. 69.

⁴ Там же.

торое было подавлено не менее свирепо экспедицией полковника Андроникова. Башни, где укрывались повстанцы, были подожжены и стали огненной могилой их обитателей, в числе которых были женщины и дети.

Не довольствуясь созданием опоры в лице грузинских феодалов, русские колонизаторы пускали свои шупальцы в горные осетинские районы в поисках агентов из среды самих осетин. Они находили себе верных прислужников в лице духовенства, спекулянтов, ростовщиков и т. д.

Из зажиточной верхушки осетин назначались старшины, охранники, даже царские телохранители. Таким образом, трудящимся Южной Осетии приходилось бороться не только с русскими завоевателями и грузинскими феодалами, но и с их верными пособниками из кулацкой части Осетии.

Но революционное движение в Южной Осетии продолжало развиваться. Пролетаризирующаяся часть крестьянства, уходя на заработки в промышленные центры: Баку, Тифлис, Батум, Чиатуры, Садонские рудники и т. д.—в большинстве случаев не теряла связи с деревней. Возвращаясь на родину, рабочие приносили с собой революционные идеи, которые находили живой отклик в обнищавшей горской деревне.

Наряду с различной нелегальной литературой в Южную Осетию проникла, подготавливая революционное пламя, и ленинская газета «Искра».

В 1905 г. движение в Южной Осетии сразу приняло широкий размах и носило не только экономическую, но и политическую окраску.

Одним из лозунгов движения было «Дзиро Николоз!»⁵.

Уже 12 марта в докладе тифлисского губернатора главнокомандующему на Кавказе отмечалось:

«В Цхинвалах 9 марта толпа ходила по селению с криками «ура» и «эртоба» (единение), производя выстрелы из револьверов»⁶.

13 марта в селении Ахалгори собралось до 1500 крестьян Ахалгорского района, которые ходили с красными флагами, крича: «Да здравствует свобода и единство!».

В Цхинвальском участке была разгромлена канцелярия дикого сельского общества и уничтожены все дела. Пристав и стражники были разоружены. В селении Белоти была разбита канцелярия и уничтожены дела.

⁵ «Дзиро Николоз!» — «Долой Николая!»

⁶ Центрархив Грузии. Архивный фонд 31. Дело № 3021. 1905. Л. 21.

Повстанцы разоружали помещиков, имущество последних отбиралось, и им объявлялся бойкот.

Бойкотировались также должностные лица. Крестьяне отказывались от выполнения их распоряжений и расправлялись с представителями власти так же как и с помещиками.

Устанавливалась крестьянская власть. Ротмистр корпуса жандармов в секретном донесении писал: «В каждом сельском обществе агитаторами был организован местный комитет, в руках которого сосредоточивалась судебная и административная власть». Избирались сотские, десятские, судьи. Перепуганные помещики подняли вопль, прося защиты у наместника и губернатора.

12 апреля князь Амилахвари жаловался тифлисскому губернатору, что восставшими крестьянами «не уважаются права и собственность дворян», что войска заняли «наблюдательное положение» и спокойно смотрят на крестьян, проходящих с «красными тряпками на палках» и с «возмутительными» речами.

Виновниками происходящих событий Амилахвари считал «агитаторов» и живущих на его земле осетин.

2 июня князя Павленовы и дворяне Татиевы телеграфируют Воронцову-Дашкову об убийстве князя Амилахвари, дворянина Утнелова, о разгроме князей Павленовых и дворян Татиевых.

Телеграмма заканчивается воплем: «Простим немедленно покровительства, защиты или все погибнем». На выручку «погибающим» помещикам были посланы казаки, драгуны и пехота.

Началась экзекуция, в которой активную роль играли черные сотни, составленные дворянами при поддержке осетинского духовенства и кулачества.

Империалистическая война, вызвавшая усиление налогового пресса и мобилизовавшая все трудоспособное население на фронт, окончательно подорвала хозяйство югоосетинского крестьянства.

Усилился нажим и со стороны помещиков. Они сгоняли крестьян с земель, занятых ими с незапамятных времен, произвольно увеличивали размер натуральной аренды, взыскивали ее по два раза и т. д. Пользуясь неурожаем и невозможностью взыскать галу¹

¹ Гала — натуральный оброк, доля урожая, взимаемая помещиком с крестьян.

натурой, помещики переводили ее на деньги, а в случае отказа крестьян от уплаты угоняли скот, описывали домашний скарб и продавали его с молотка.

В поисках защиты крестьяне обращались не только к представителям местной власти, но и к наместнику, губернатору и т. д.

Крестьянин Петр Дижикаев жаловался, что с него взыскивают галу одновременно два помещика: Палавандов и Амираджиби и «он уже третий раз вынужден платить двойную галу»².

В 1916 г. крестьяне селения Торманеули жаловались наместнику, что до сих пор они всегда своевременно платили своему помещику князю Эрестову галу в размере 4 коды с десятины, но в данное время ввиду гибели кукурузы, плохого урожая, а также ухода в армию рабочих рук они не в состоянии уплатить помещику требуемую норму.

Крестьяне писали: «При таком насильственном взыскании нам чинят всяческие притеснения и несправедливости, забирая для удовлетворения своих претензий все, что попадает: рабочую скотину, мелкий и крупный рогатый скот и пр., не считаясь при этом с тем, сколько с кого причитается, причитается ли им столько, сколько они забирают».

Крестьяне просили рассрочить взыскание повинностей, взяв только часть и «оставив взыскание остальной части до окончания войны и возвращения односельчан».

Правительство, защищая интересы помещиков, оставляло жалобы крестьян без последствий.

Помещики в свою очередь обращались к представителям власти за содействием по взысканию с крестьян повинностей.

Помещик Варлам Палавандов жаловался мировому посреднику, что жители селения Бекмари Иван и Арчил Кехоевы не уплачивают ему повинностей, выражающихся в следующем: «Два гостинца или два рубля деньгами, десять фунтов сыру или 1 руб. 80 коп. Двадцать четыре рабочих по 50 коп. каждый, всего деньгами 12 руб., всадника на 12 руб., всадника на 1 месяц или 15 руб., одну арбу торкальника³ или 2 руб. 50 коп., одну голову мелкого скота стоимостью в 3 руб. 50 коп. Всего же вышеуказанные

² Материалы взяты из Центрархива Грузии. Дела «Губернского по крестьянским делам присутствия» за 1916 г.

³ Торкальник — подставка для виноградных лоз.

повинности составляют деньгами сумму (40 руб.) сорок рублей»¹.

Палавандов просит взыскать с крестьян эти недоимки.

Помещик Иван Мачабели также жаловался, что жители села Хода отказываются от добровольного взноса галы, которую он исчислил за участок земли в 145 дней пахания в 2465 руб. 31½ коп., и просит взыскать галу насильно.

На жалобы помещиков представители власти отзывались немедленно. Неуплаченная крестьянами гала взыскивалась административным путем.

На этой почве происходили кровавые эксцессы (сел. Эдиси, Кешельта и др.).

Экономическое положение крестьян при меньшевиках

Февральская революция смела самодержавие, но положение крестьян Южной Осетии не изменилось. От имени «Исполнительного комитета, принявшего временное управление Тифлисской губернией в лице комиссариата А. И. Хатисова, Н. Н. Жордания и Д. М. Попова», послана была на места, мировым посредникам, директива: «Немедленно объявить населению о совершившемся перевороте в России и разъяснить, что для блага родины—свободной России—и победы над врагом необходимо сохранить полное спокойствие, исполнение лежащих на них обязанностей как относительно отбывания воинской повинности, так и взноса денежных платежей».

Помещики попрежнему бесчинствовали, требуя от крестьян «добросовестного» выполнения своих обязанностей.

Князь Георгий Мачабели постановлением «Присутствия по крестьянским делам» от 25 сентября 1917 г. получает разрешение взыскать земельные повинности с крестьян «в размере 2 код и 2 чанахов² зерна с каждого дневного пахания, а равно взыскать недоимки по этим повинностям с 1911 по 1916 г. включительно»³.

Крестьяне окончательно разорялись. Голод и нужда привели к массовым заболеваниям. Вспыхнувшая эпидемия испанки свободно разгуливала по Осетии. Кроме того свирепствовали тиф, дизентерия, трахома и т. д. Скот погибал от чумы, ящура и других болезней. Полное отсутствие медицин-

¹ Дела «Губернского по крестьянским делам присутствия» за 1916 г. Центрархив Грузии.

² Чанах — 23 фунта.

³ Архив «Крестьянского присутствия» за 1917 г.

Первый подпольный окружной комитет южноосетинской организации большевиков в 1919 г.

ской помощи приводило к огромной смертности населения.

Даже на страницах меньшевистского органа «Борьба» помещались такие корреспонденции:

«Люди мрут без числа, скот подыхает поголовно. Ежедневно в чьем-нибудь доме поминки. Больной скот прирезывается и затем целыми тушами с'едается поминальщиками. Мрачно, грустно сейчас в Цхинвальской Осетии: нет помощи ниоткуда». Член меньшевистского парламента Климиашвили сам признавал, что «одно село, например, вымерло поголовно».

Тяжелое экономическое положение Осетии усугублялось политическим бесправием. После Февральской революции в Осетию был назначен диктатор Коста Казишвили, прозванный крестьянами Кази-беком за свою разнузданность и жестокость.

Острое малоземелье вынуждало многих осетин искать побочный заработок. В этом отношении их положение несколько облегчалось правом пользования лесом и продажи собираемых в нем дров, хвороста, торфяника и т. д.

Меньшевистская власть запретила крестьянам пользоваться лесом. Весь собран-

ный ими лесной материал отбирался, а крестьяне штрафовались.

Цхинвальское восстание

Видя произвол со стороны помещиков, крестьяне сделали правильный вывод: новая власть как и старая защищает помещиков.

Глухое недовольство крестьян быстро нарастало. Нужен был незначительный толчок, который превратил бы это недовольство в восстание.

Таким толчком послужили события в сел. Корниси.

Корнисские помещики, князя Херхулидзе, пользуясь покровительством меньшевистского комиссара, организовали черную сотню и приступили к сбору с крестьян недоимок.

Вернувшиеся с фронта корнисцы в конце декабря 1917 г. разогнали меньшевистский исполнительный комитет, объявили советскую власть и предложили князьям разоружиться. В ответ на это предложение князья начали стрельбу, в результате которой было убито двое крестьян. 2 февраля 1918 г. князя Херхулидзе были убиты крестьянами.

Тогда в Корниси прибыла карательная экспедиция «народногвардейцев» во главе с Казишвили, предложившая крестьянам сдать оружие. От сдачи оружия крестьяне отказались и заставили народногвардейцев отступить.

Цхинвальский район был объявлен на военном положении. Власти приступили к планомерному нападению на села с целью разоружения крестьян.

Вооруженные крестьяне группировались в то время вокруг «Революционного крестьянского союза», организованного (14 августа 1917 г. в сел. Ортеви) фронтовиками и возглавляемого большевиками.

12 марта 1918 г. народная гвардия во главе с Казишвили и князем Мачабели налетела на Эредви (грузинское селение) и потребовала сдать оружие. Чтобы запугать крестьян, народногвардейцы подняли стрельбу из пушки. Но этот метод произвел обратное действие. Крестьянин Териашвили Нико давал следственной комиссии такое показание: «Когда Мачабели выстрелили из пушки, то вооруженные страшно разозлились. Почти все вооруженные были из военных. Первый выстрел из пушки не только не напугал народ, но еще сильнее обозлился, и начали ругать Мачабели. Если он был хо-

роший человек, то почему он позволил стрелять в народ из пушки».

Жители Эредви решили оружие не сдавать, будучи убеждены в том, что «безоружному народу господа опять сядут на шею» (показание Ртвеладзе).

«Все были убеждены, что если восторжествуют князья, то они наложат на нас старое ярмо» (показание Териашвили).

Чтобы обезопасить себя от выстрелов со стороны вооруженных крестьян, Казишвили собрал 200 человек невооруженных и послал их впереди своей народной гвардии, заявив: «Если начнут в нас стрелять вооруженные, прежде всего умрете вы».

На просьбы крестьян не стрелять во избежание жертв Казишвили заявил: «Имею право расстрелять 10 или 100 человек».

Правительство послало на помощь еще один отряд, которому дало строгий наказ: «Привести в повиновение восставших, арестовать убийц и разоружить всех».

Не будучи в состоянии продолжать дальнейшую борьбу, повстанцы были вынуждены заключить перемирие. Но отношение к меньшевистскому правительству оставалось враждебным. Недаром меньшевистская сельская комиссия жаловалась, что после событий в Цхинвали пропагандистам никак не удастся проникнуть в Осетию вследствие «большевистской, шовинистической и всякой другой агитации»¹.

События в Цхинвали послужили началом самой злостной травли Осетии. Несмотря на то что наряду с осетинами выступали и грузины, что события в Эредви подняли на ноги и ряд грузинских сел, виновниками восстания были объявлены осетины. Восстанию придали национальную окраску, чтобы посеять раздор между крестьянами-осетинами и грузинами и этим нанести удар Осетии.

Началась организованная травля осетин на страницах официальной меньшевистской прессы. 23 марта «Борьба» в своей передовице писала: «Что произошло в Цхинвалах? Осетинские темные массы, поддержанные частью хулиганских элементов грузинского населения, разрушили Цхинвали, начали грабеж окрестных сел и деревень. Грабеж во имя грабежа. Разрушение во имя разрушения—вот характер цхинвальских событий: такими кажутся они с первого, поверхностного взгляда.

¹ Протоколы заседания Бюро Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов г. Тифлиса.

Расстрел меньшевиками 13 коммунаров в Цхинзали. Июнь 1920 г.
Картина худ. М. Туганова, хранится в г. Сталиноаре (б. Цхинзали), в Доме культуры.

Но, конечно, причины здесь глубже: это один из эпизодов борьбы реакции с демократией... Реакция мобилизуется, должна мобилизовать свои силы и революция».

Те же песни поет и «Эртоба»: «Против знательной Грузии восстала Бандея¹. Необходимо ее обуздать и спасти страну».

Осетинский отряд в Гори был разоружен. одна гвардия устроила охоту на осетин. инское население арестовывалось и бросалось в тюрьмы без предъявления обвине-

оюде митингов, устраиваемых крестьян-осетинами совместно с грузинами, вынось резолюции протеста против напавших грузин на осетин, подчеркивая граничная связь между осетинскими и грузинскими крестьянами, выносились резолюции против арестов без суда и след-

ствительное правительство про-

— провинция во Франции, известная своим ионным восстанием крестьян под руководством помещиков в эпоху французской революции (1793—

должало разжигать национальную рознь с целью разгрома Осетии. К этому времени Осетия поставила вопрос о своем выделении в особую административную единицу и открыто высказывала свои симпатии к советской власти. На предложения представителей меньшевистского правительства выразить доверие правительству и признать грузинскую демократическую республику крестьяне отвечали отказом, мотивируя его тем, что правительство может призвать их к выступлению против русских большевиков, чего они не хотят².

Борьба с меньшевистской диктатурой

Меньшевики упорно добивались от осетин признания независимости Грузии. С этой целью на с'езды Югоосетии посылались члены правительства. На Джавский с'езд, происходивший в конце мая, прибыл И. Рамишвили.

Настроение на с'езде было большевистское. Недаром Рамишвили, делаясь своими впечатлениями о поездке в Осетию, подчер-

¹ Газета «Эртоба» № 145. 1918 г.

... тема, трактуемая в
большевизм¹. Заслушав доклад о
текущем моменте, съезд отказался обсуж-
дать вопрос об отношении к Грузинской
республике и перенес его решение на сле-
дующий съезд. Рамишвили уехал, не добив-
шись цели. Вопрос о признании меньшевист-
ского правительства оставался открытым.

Коммунистическая партия, ведя упорную
борьбу по разоблачению меньшевиков и эсе-
ров и отвоеванию трудящихся из-под их
влияния посылала на съезды Осетии своих
лучших представителей. На джавском съезде
от краевого комитета партии присутствовал
т. Махарадзе Филипп.

Работа большевиков во время съезда до-
ставила Рамишвили немало огорчений. При-
чиной своего провала на съезде он вынужден
был признать наличие «темной комнаты»,
в которой приехавшая из Тифлиса группа
во главе с Филиппом Махарадзе обсуждала
во время занятий съезда все вставшие перед
ними вопросы и давала директивы своим
сторонникам².

¹ Газета «Борьба» № 86. 1918 г.

² Газета «Борьба» № 87. 1918 г.

15 — 17 июня в селе Цунари (около
Цхинвали) состоялся IV съезд Югоосетии,
на который прибыл другой представитель
правительства, И. Г. Церетели.

После доклада о текущем моменте Цере-
тели предложил резолюцию: «Съезд призна-
ет пагубным всякие выступления против
власти правительства Грузинской респу-
блики и выбирает комиссию для выработки
проекта основания самоуправлений насе-
ленных осетинами районов Грузинской рес-
публики».

Резолюция эта позорно провалилась,
собрал всего лишь три голоса.

Съезд принял следующую резолюцию:

1. Окончательное решение вопроса о са-
моопределении южноосетинского народа от-
ложить до следующего съезда.

2. Войти в сношения с Северной Осети-
ей по вопросу о самоопределении.

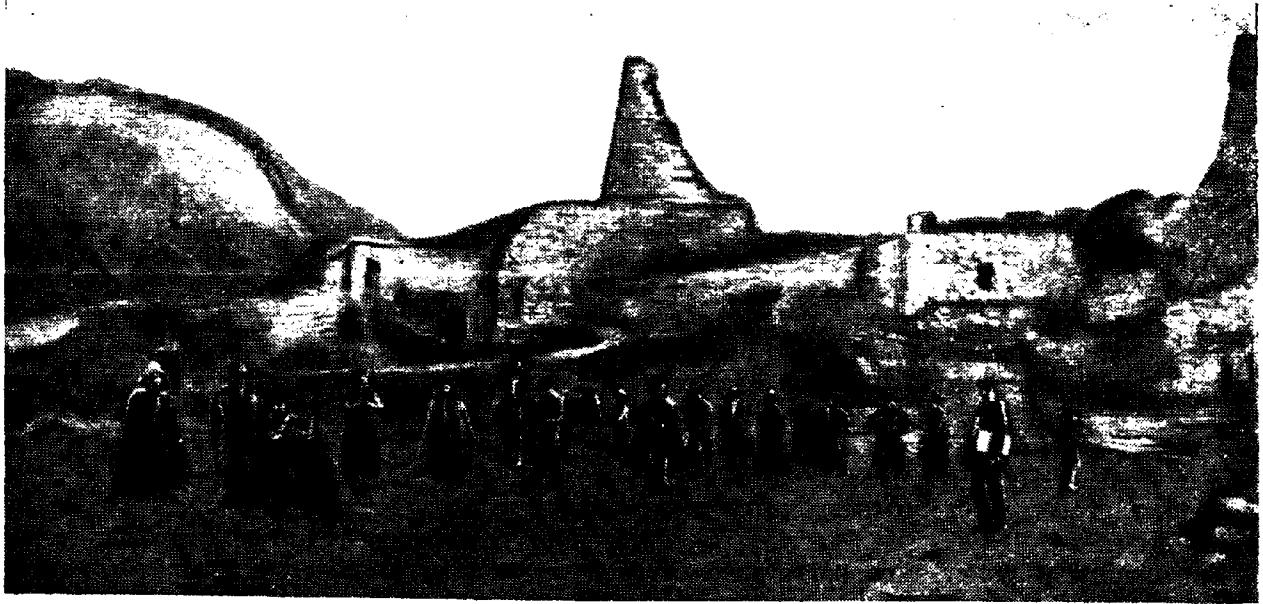
Таким образом, Осетия вторично дала от-
пор меньшевистскому правительству и от-
крыто выказала свои симпатии советскому
Северу.

Меньшевистская пресса усилила травлю
осетин, помещая прямо провокационные

пение южан на снежный перевал в 1920 г.

Картина худ. М. Туганова. Хранится в г. Орджоникидзе.

Южная Осетия Село Ходжа после разгрома в 1920 г.

статей, в которых осетины изображались грабителями и разбойниками.

В докладе горийского комиссара грузинскому правительству о положении в Южной Осетии прямо говорилось, что Осетия представляет убежище врагов грузинской демократической республики, что она превратилась в «арену нападений и разбоев».

Правительство окончательно вышло из себя, когда Осетия вынесла решение бойкотировать выборы в учредительное собрание Грузии.

Начали с разгрома национального совета Осетии. В начале 1919 г. осетинский национальный совет был объявлен вне закона за «действия, выходящие из пределов его компетенции».

Национальный совет разогнали, разгромили его канцелярию и для «водворения порядка» направили в Осетию экспедицию во главе с генералом князем Кораловым и Карцивадзе. Большевистские диктаторы решили все же создать себе ширму и созвали съезд для выборов нового национального совета. Выборы происходили под нажимом, и резолюции принимались под диктовку Карцивадзе. Но несмотря на это и здесь резолюция о признании грузинского правительства была отвергнута.

Параллельно с нажимом на Осетию со стороны вновь назначенных диктаторов продолжалась провокационная работа меньшевистской прессы. На страницах «Борьбы» (№№ 122 и 123) рисовалась картина страшных разрушений, которым подверглась Се-

верная Осетия со стороны генералов Деникина и Ляхова: «Нет в Осетии ни одного революционера, кто не был бы или повешен, или расстрелян, или избит нагайками до смерти, или не бежал.

В селах и городах виселицы; расстреливают пачками, трупы валяются по три дня не убранными.

Казни, убийства, погромы, уничтожение целых сел. Северная Осетия гибнет, Ляхов задался целью уничтожить ее».

С какой же целью изображались так подробно все ужасы Северной Осетии? Исключительно с целью назидания для Южной Осетии.

«Руководители южноосетинских селений, — поучала «Борьба», — должны учесть урок судьбы, постигшей их северных братьев. Они должны понять, насколько велики блага (?!), полученные Южной Осетией от неразрывной государственной связи с нашей демократией... Но если в их среде возродятся политические тенденции недавно покончившего свое существование (разогнанного. — П. Б.) южноосетинского национального совета, на их плечи ляжет вся тяжесть ответственности за судьбу Южной Осетии. А какова будет судьба, об этом не может быть споров: «Южная Осетия разделит в этом случае участь Северной Осетии».

Угроза эта впоследствии была приведена в исполнение. Южная Осетия подверглась неслыханному разгрому грузинскими меньшевиками — союзниками русской контрреволюции.

VIII съезд Югоосетии, состоявшийся в Джваре 20 — 24 сентября, обсудив создавшееся положение, констатировал, что меньшее правительство не только не приступает к разрешению наболевших вопросов, но, оказывая постоянное давление на национальный совет, лишая его элементарных прав, мешает и ему заняться разрешением этих вопросов.

19 октября 1919 г. национальный совет Югоосетии вновь обратился к грузинскому правительству с просьбой приступить к разрешению неотложных нужд Осетии, так как наличие ненормальных явлений «вселит в осетинском народе убеждение, что существующий ныне в республике Грузии курс политики угрожает самым насущным интересам его».

Национальный совет выражал надежду, что правительство наконец «изменит свое отношение к нуждам осетинского народа». Увы, эти вопли оставались гласом вопиющего в пустыне!

Под руководством большевистской организации вновь поднялось крестьянство Южной Осетии.

Восстание 1920 г.

Начиная с апреля 1918 г. при помощи краевого комитета партии в Южной Осетии создаются большевистские организации. 30 июля было создано первое организационное бюро РКП(б) в составе: Санакоева Владимира — председателя, Гаглова Сергея — секретаря — и Пилиева Арона.

К концу 1918 г. и началу 1919 г. Южная Осетия была уже покрыта сетью большевистских организаций. Существовали районные комитеты: рокский, джавский, кемультский, понский, кодарский, цхинвальский, цунарский, корнисский, оксанский, ортево-белотский и андоретский.

12 июня 1919 г. на первой подпольной конференции был избран южноосетинский окружной комитет в составе: 1) Санакоева — председателя, 2) Гаглова Сергея — заместителя, 3) Джаитева Алекса. — секретаря, 4) Пилиева Арона, 5) Абаева Александра.

К этому времени в Южной Осетии насчитывалось до 960 членов большевистской партии и свыше 3 тыс. сочувствующих.

В сентябре 1919 г. организовался коммунистический союз молодежи «Спартак», группировавший вокруг себя революционную молодежь. Спартаковцы сыграли большую роль в восстаниях, поставляя пулеметчиков, лазутчиков и т. д.

Подготовка к восстанию велась с лета 1919 г.

К этому времени из Северной Осетии, занятой Деникиным, прибыли дигорские керменисты¹ во главе с Симоном Токаевым, Мамсуровым, Кесаевым Карамурза, Арсаговым, Векузаровым и Гадиевым Николаем.

Получив это подкрепление, южноосетинская организация широко развернула работу среди революционного крестьянства. В октябре месяце в Рокском районе вспыхнуло восстание, в результате которого была установлена советская власть.

В Осетию прибыла экспедиция во главе с полковником Химшиашвили. Войска пошли по трем направлениям: Ортези, Джава, Корниси.

Отсутствие достаточного количества боевых припасов и угроза со стороны Северной Осетии, занятой Деникиным, лишали повстанцев возможности продолжать борьбу.

Революционный отряд был распущен, и все активные участники и руководители восстания: Джатиев, Санакоев Мате, Санакоев Владимир, Гаглов и др. — ушли через снежный перевал в Северную Осетию, где скрывались в Закинском и Гинатском ущельях.

Новая попытка Осетии освободиться от меньшевистского ига и установить советскую власть кончилась поражением.

К началу 1920 г. разложение контрреволюционной власти проявлялось все больше и больше. С другой стороны, советская власть в России одерживала новые победы.

Успехи ее укрепили веру рабочих и крестьян Грузии в то, что только советская власть в состоянии вывести страну из кризиса. Почва под ногами меньшевиков накалялась все сильнее и сильнее.

В Южной Осетии большевики вели большую работу среди революционного крестьянства, направляя его борьбу в одно русло с борьбой рабочих и крестьян всей Грузии против меньшевистской диктатуры.

В апреле 1920 г. начались партизанские выступления в Рокском районе. Повстанцы одержали победу. В начале мая в Рокском ущелье провозглашена была советская власть.

Для руководства восстанием южноосетинский партийный комитет, находившийся в то время во Владикавказе (уже советизированном), направил в Южную Осетию гг. Джатиева Александра и Гадиева Николая.

¹ Революционная крестьянская организация, принимавшая участие в гражданской войне на стороне советской власти.

К началу июня прибыли из Северной Осетии революционные отряды, сформированные из отступивших туда (в 1919 г.) революционных частей Южной Осетии. Командиром полка был т. Санакоев Мате. Выступление началось (в начале июня) с Рокского района.

Революционные части одержали победу. 7 июня заняли Джаву и взяли в плен меньшевистский отряд в 500 чел. и весь штаб. 8 июня был занят Цхинвали, и в Осетии провозглашена советская власть.

Оперативная сводка меньшевистского генерального штаба за 9 июня гласила:

«В Цхинвальском направлении противник, пользуясь своей многочисленностью, 8 июня обошел оба наши фланга, в результате чего наши части принуждены были оставить Цхинвали»¹.

Правительство Грузии решило нанести окончательный удар Осетии: оно перебросило туда войска не только из Тифлиса, но и с Азербайджанского фронта.

Под напором врага, превосходящего не только количественно, но и технически лучше оснащенного, революционные повстанческие отряды принуждены были отступить.

Пиррова победа грузинских меньшевиков

Осетия неоднократно служила ареной кровавых битв. Но побоище, устроенное меньшевиками в 1920 г., превзошло все предыдущие. Меньшевики окончательно сбросили с себя маску «социалистов» и показали свое контрреволюционное нутро.

Ярой ненавистью к осетинам запыхала меньшевистская продажная пресса. Забрызгали ядовитой слюной «Борьба» и «Эртоба».

Восстание революционного крестьянства квалифицировалось как «нападение на республику грабительских, анархических, воспитанных на средневековой психологии грабежа и насилия элементов»².

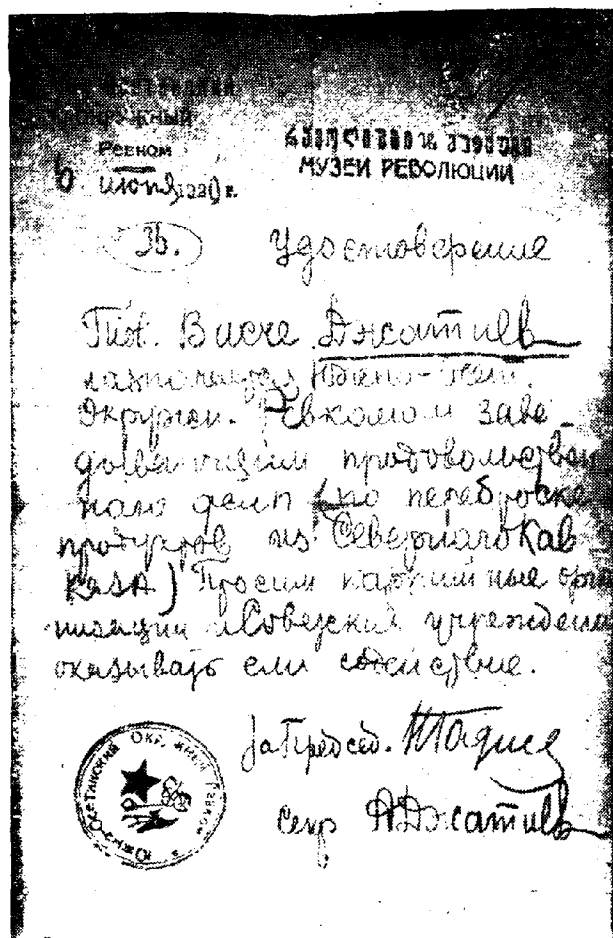
Восстание, по мнению «Борьбы», не имеет «ни национальных, ни социальных лозунгов». Это просто стремление «отсталого горного населения пограбить Грузию».

Отсюда призыв — принять решительные меры, «чтобы эта пограничная область республики не служила больше источником анархических всплесков».

Передовица «Борьбы» от 12 июня, характеризуя все три выступления Югоосетии

¹ «Борьба» № 128. 1920 г.

² «Борьба» № 129. 1920 г. Передовица.

Удостоверение о назначении т. В. Джатиева заведующим продовольственным делом. 1920 г.

(1918, 1919, 1920 гг.), подчеркивает, что осетины — природные грабители, что на протяжении всей истории Грузии осетины как и, вообще все остальные горные народы «жили наполовину теми набегами, которые они совершали на ближайшие долины более плодородной, более развитой богатой страны... Все три восстания носят, таким образом, характер грабительских нашествий старых времен».

Охарактеризовав восстание как «поход средневековой темноты и отсталости против современной демократии», как «Вандею Грузии», меньшевистский орган призывает правительство сделать соответствующие выводы: «Твердой и решительной рукой обуздать навсегда джавских повстанцев».

Не отставала в растространении гнусной клеветы на Осетию и «Эртоба».

Эта махровая провокация нужна была меньшевикам для того, чтобы оправдать перед широкой общественностью свои действия. Надо было изобразить осетин граби-

телями, отрицать наличие в их высуглени-ях политических задач для того, чтобы со спокойной совестью направить прогиз них броневики, аэропланы, чтобы во имя «демократии» стереть с лица земли революционную Осетию, осмелившуюся установить у себя советскую власть.

Прикрываясь злостной клеветой, правительство в лице военного министра Лордкипанидзе выпускает обращение к «грузинским войскам—защитникам родного очага».

Правительство призывает: «Не щадить изменников, ядовитых змей с их змеенышами, которые должны быть уничтожены. Этого требует благоденствие грузинского народа. Твердая воля всего грузинского народа и непреклонное решение его правительства — железной метлой очистить и вымести гнезда измены и раскаленным железом удалить с нашего национального тела гнойники и нарывы, которые угрожают всему организму отравлением и гибелью».

Железная метла в виде 8 батальонов конного полка, 2 горных батарей и аэропланов вручена была правительством начальнику народной гвардии В. Джугели.

Не за страх, а за совесть принялся Джугели выполнять директиву правительства — «не щадить изменников-иуд».

Разоряя Осетию, он дошел до садизма: он упивался ее страданиями, наслаждался видом пылающих сел.

Истории угодно было сохранить дневник Джугели, этот документ, характеризующий всю глубину падения грузинского меньшевизма, всю его контрреволюционность.

12 июня в Цхинвали он записал:

«Теперь ночь. И всюду видны огни!.. Это горят дома повстанцев... Но я уже привык и смотрю на это почти спокойно».

13 июня: «Мы служим делу освобождения рабочего класса. И в интересах борющегося рабочего класса (?!), в интересах грядущего социализма (?!) мы будем жестоки. Да, будем! Я уже скрепил сердце. Я со спокойной душой и с чистой совестью смотрю на пепелище и клубы дыма».

И здесь, свершая черное дело, Джугели старался ухватиться за революционное знамя социализма для прикрытия своей контрреволюционной наготы.

14 июня: «Горят огни. Дома горят! С огнем и мечом... А огни горят и горят!.. Осетины бегут и бегут. Бегут в горы, на снеговые горы. И там им будет холодно. Очень холодно».

15 июня, Джава.

«Джава — южноосетинская столица. Это

очень богатая и живописная деревня. Она сердце Южной Осетии. Винновница всех интриг, всех восстаний. И это сердце надо вырвать».

Цель была достигнута».

В сводке событий за день (в газете «Грузия») сообщалось: «21 июня грузинские войска заняли Рокский и Дзедский (со стороны Они) перевалы, очистив таким образом всю территорию республики от осетин».

Подводя итоги своим успехам, Джугели 25 июня писал: «Деревня Роки совершенно пуста. И все деревни кругом опустели! Большинство населения бежало за перевал, оставшиеся укрылись в лесах и горах».

Меньшевикам легко достался полный разгром Осетии. Несколько убитых, два десятка раненых с их стороны — небольшая жертва для того, чтобы «вырвать сердце» революционного крестьянства.

Если правильно было пророчество Джугели, что осетины никогда не забудут этой войны, то с уверенностью можно сказать, что эта война окончательно убедила не только осетин, но и всех трудящихся Грузии в контрреволюционности меньшевистского правительства, в необходимости его свержения и установления советской власти.

Встревоженные судьбой своих братьев осетины-рабочие г. Тифлиса на собрании 18 июня избрали делегацию к правительству с протестом против разгрома Осетии. Делегация требовала принятия энергичных мер против нечеловеческих страданий осетинского народа, подвергающегося массовым расстрелам, изнасилованиям, репрессиям и грабежу.

Правительство молчало.

29 июня делегация вторично подала заявление с просьбой ответить на первое заявление и поставить в известность делегацию о мероприятиях, намечаемых правительством в отношении осетин-рабочих г. Тифлиса.

В начале августа министр внутренних дел Рамишвили отправился в Осетию для ознакомления с положением на месте.

Возвратившись из этой поездки, министр вынужден был констатировать, что «во время экспедиции действительно имели место некоторые эксцессы».

«Повстанцы Джавского ущелья, — сообщал Рамишвили, — покинули Грузию и переместились в Северную Осетию. Остатки их в спешном порядке продолжают эвакуацию. Освобожденные участки занимают пере-

селенцами из Рачинского, Душетского и даже Озургетского уездов».

В общем в Осетии, по мнению министра, «удовлетворительное положение»¹.

Расправляясь с Осетией, меньшевистское правительство усилило травлю большевиков.

Изображая цхинвальские события как нападение на демократию «грабительской шайки» Джавского ущелья, прикрывающейся «большевистским флагом», меньшевики требовали от коммунистов Грузии решительного осуждения «анархического нападения на республику».

Коммунистическая партия Грузии, не боясь преследований, высказала свое отношение к событиям в Осетии.

Газета «Коммунист» разоблачала меньшевистскую клевету, доказывая, что Осетия борется за советскую власть, что политика меньшевиков в отношении национального меньшинства есть преступление перед Интернационалом, программа которого включает принцип национального самоспределения.

«Если существует право национального самоопределения, если меньшевики не вычеркнули из своей программы это право, у них нет никакого основания оправдывать насилие над Осетией. Этого требует не только социализм, но и простой принцип демократизма. Этого требуют также интересы самой независимости Грузии, в то время когда этой независимости грозит опасность со стороны внешних врагов»².

Протестуя против применения насилия к осетинскому восстанию, «Коммунист» предупреждает, что «вся ответственность за кровопролитие между братскими народами ложится на меньшевистскую партию».

Не довольствуясь преследованием повстанцев, ушедших в горы, меньшевики приступили к кровавой расправе с населением, не успевшим уйти. Наиболее ярким моментом, характеризующим эту дикую оргию, является расстрел меньшевиками 13 коммунистов-осетин, захваченных ими в Цхинвали.

20 июня генерал Кониев назначил военно-полевой суд над осетинами, содержащимися под стражей. По приказу меньшевиков накануне расстрела местными лавочни-

ками была вырыта на краю кладбища огромная могила.

На рассвете приговоренные к смерти коммунары были выведены из места заключения под предлогом перевода в горийскую тюрьму. Арестованных сопровождал отряд пехоты и кавалерии.

Но, когда вышли за город, стало ясно, куда и зачем ведут. Один из арестованных, 15-летний мальчик-пулеметчик, заплакал и отказался идти. Его начали бить прикладом и силой потащили.

Коммунар Андрей Джиев (бывший сельский учитель) уговаривал товарищей не бояться смерти. Обращаясь к меньшевикам, он сказал: «Все равно, не сегодня — завтра придут сюда наши товарищи, и знамя советской власти будет развеваться на этих горах».

Коммунары бодро подошли к вырытой для них яме. К ним приблизился священник с крестом и чашей. Осужденные с негодованием отвернулись, а Джиев Андрей выбил из рук священника чашу и крест и стал топтать ногами.

Раздался залп. Все упали. Джиев оказался легко раненым и пустился бежать в хлебные поля. Но верховой гвардеец Артем Лохов догнал его, размозжил ему голову прикладом, привязал труп к хвосту своей лошади, приволок к месту расстрела и бросил в яму.

Осетия была варварски разгромлена.

4775 чел. убитых, расстрелянных и погибших при отступлении, не поддающееся учету количество изнасилованных женщин, издевательства над стариками, свыше 80% погубленного скота, уничтожение посевов, разрушение целых сел, сплюснотый грабеж осетинского населения — таковы результаты разрешения меньшевиками национального вопроса.

Звериный шовинизм, обуявший меньшевиков, заставил их сбросить маску и выразить свой «интернационализм» языком пушек и пылающих осетинских сел.

Но горящие осетинские села были погребальными факелами над окончательно опозорившим себя в глазах рабочих и крестьян правительством меньшевиков.

Дни меньшевистского господства были сочтены. Рабочие и крестьяне Грузии большевизировались, сбросили правительство предателей народа и установили советскую власть.

¹ Газета «Слово» № 173. 1920 г.

² Газета «Коммунист» № 10. 1920 г.

БОРЬБА

ТРУДЯЩИХСЯ ГОРЦЕВ за Октябрь

1

Горские области Северного Кавказа до Октябрьской революции были объектом колониальной эксплуатации со стороны господствующих классов России. Капиталисты и помещики России были заинтересованы только в том, чтобы выкачивать из горских областей различного рода сырье на основе полукрепостнической и капиталистической эксплуатации трудящихся масс. Поэтому горские области были экономически и культурно отсталыми.

Промышленности, за исключением грозненской нефти, в горских областях почти не было. Царское правительство и не стремилось ее развивать. Кадры рабочих из горских национальностей не создавались. Те горцы, которые вынуждены были уходить из аулов в город на заработки, использовались лишь на самой тяжелой и неквалифицированной работе.

В земельном отношении горцы так были стеснены казаками и крупными землевладельцами из среды самих горских народов, что земля не обеспечивала им даже полуголодного существования.

Когда у бедняка-горца спрашивали, сколько у него земли, то он отвечал: «Столько, сколько помещается под моей буркой».

В Терской области, по данным «Терского календаря» за 1914 г., в 1913 г. насчитывалось 1 135 223 чел. Горского населения и степных народов насчитывалось:

чеченцев	245 538 чел.
осетин	139 787 »
кабардинцев	101 189 »
ингушей	56 367 »
кумыков	34 292 »
ногайцев	35 152 »
калмыков	1 792 »
Всего	614 064 чел.

Сельского же населения в казачьих отделах было 379 511 чел. Превышая по своей численности почти в два раза население казачьих отделов, горцы владели меньшим количеством земли: в казачьих отделах было земли 3 519 783 десятины, а в горских округах — 3 065 829 десятин¹. Еще яснее станет соотношение в землепользовании казаков и горцев, если мы возьмем количество земли, падающее на одну душу мужского населения.

По Сунженскому району в 1913 г. на казака падало 10—13 десятин земли, на горца—4, да и то большая часть ее не была пригодна для хлебопашества, а могла быть использована только под пастбище. В процессе колониального завоевания Кавказа лучшие, наиболее плодородные земли горцев были разными путями отняты и переданы казакам и русским дворянам-офицерам (в награду за «походы»).

Загнанные в голые скалы и глухие ущелья горские трудящиеся массы систематически восставали против русского самодержавия и своих собственных эксплуататоров. Эти восстания начались еще с Кавказской войны и длились вплоть до Октябрьской революции. Восстания носили различные формы: это было и массовое национально-освободительное движение в эпоху Кавказской войны и разрозненные партизанские нападения на представителей русского самодержавия в виде «абречества».

Только Октябрьская революция освободила горские народы от колониального гнета и гнета, Ленинская национальная политика вывела трудящиеся массы гор на путь экономического и культурного роста. Этот рост определялся прежде всего усиленным капитальным вложением в хозяйство горских областей. Промышленность национальных областей в прошлом составляла лишь 15% ко всей промышленности края, теперь она составляет 35%.

Бурными темпами развивается социалистическое строительство горских районов. За годы первой пятилетки вырос ряд новых крупных электростанций, проложены нефтепроводы: Грозный—Туапсе, Грозный—Махач-Кала, выстроены крекинги, трубчатки, кубовые батареи; в Карачаевской области заложена первая шахта; в г. Орджоникидзе пущен первый в СССР завод электролитного цинка; пущены авторемонт-

¹ Ст. Н. Лихницкого в работе тов. Борисенко «Сов. республики на Северном Кавказе» Т. II, стр. 16.

ные мастерские и ацетиленово-кислородный завод в Грозном, механические мастерские и поташный завод в Адыгее и т. д. и т. д.

По коллективизации сельского хозяйства некоторые области вышли в первые ряды. В Адыге коллективизировано 84,5% хозяйств, в Кабардино-Балкарии — 82,4%, Северной Осетии — 80,6%, Черкесии — 65,1%, Ингушетии — 70,5%, в Карачае — 35,9%, в Чечне — 32,4%, в Дагестане — 21%.

В прошлом большая часть горского населения Северного Кавказа была неграмотна. В 1915 г. начальной школой было охвачено всего лишь 8 тыс. детей, причем учились преимущественно дети туземных детей и дворян. Сейчас во всех автономных областях и Дагестане введено всеобщее начальное обучение. В 1933 г. начальными школами было охвачено 170 тыс. детей. До Октябрьской революции в средних школах обучалось несколько сот человек молодежи из привилегированных слоев населения. Теперь в школах-семилетках обучается 21 тыс. детей трудящихся горцев.

В результате неуклонного проведения в жизнь ленинской национальной политики благосостояние трудящихся масс горцев неизмеримо поднялось, особенно в связи с колхозными формами ведения сельского хозяйства.

Трудящиеся горцы стали жить лучше. Об этом они сами свидетельствуют всюду: в печати, на собраниях, с'ездах.

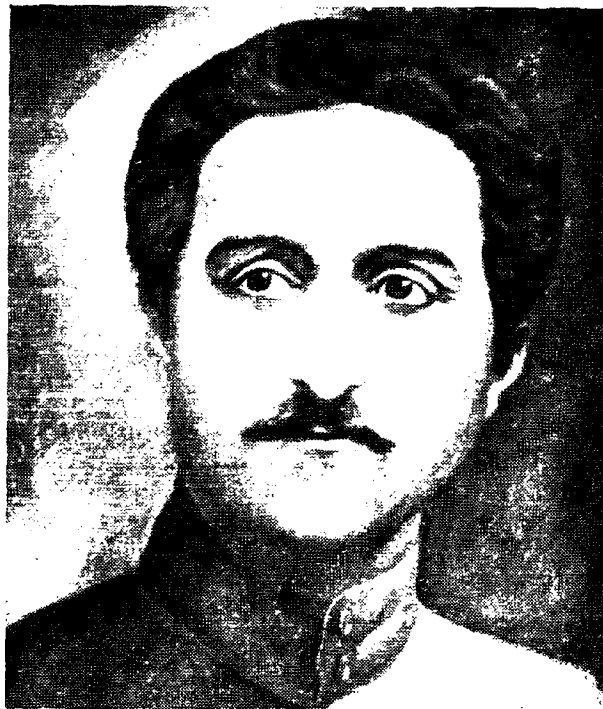
Вот что рассказывал, например, горец, колхозник Чечни Абдул Висаитов, на с'езде колхозников-ударников:

«Мы стали жить лучше. Об этом говорят десятки фактов. Об этом говорит мое сегодняшнее хозяйство. Все — от новых сапог до нового тозовского плуга — говорит об этом.

Раньше я имел один урд, сейчас в поле 96 га и, таким образом, на меня падает до трех урдов. Каждый год я получаю от продажи кукурузы государству несколько сот рублей.

Зайдите ко мне в саклю. На деньги, заработанные в колхозе, я купил несколько кошм. У меня есть теперь две хороших кровати. Они покрыты теплыми одеялами. Мое хозяйство имеет сейчас все необходимые вещи. На полках блестит новая посуда».

Таких примеров можно было бы привести сколько угодно. Коренное улучшение жизни трудящихся масс горских областей было обеспечено победой Октябрьской революции и всей последующей борьбой за со-

Серго Орджоникидзе, чрезвычайный комиссар Юга России в период гражданской войны на Северном Кавказе.

циализм под руководством большевистской партии и ее ленинского ЦК.

2

Как же горцы-трудящиеся боролись за Октябрь, за диктатуру пролетариата?

После Февральской революции в горских областях образовались различные национальные учреждения и организации, ставившие своей целью развитие революции в буржуазно-национальных рамках.

Тов. Сталин по этому поводу писал:

«В эпоху буржуазной революции в России (с февраля 1917 г.) национальное движение на окраинах носило характер буржуазно-освободительного движения. Веками угнетавшиеся и эксплуатируемые «старым режимом» национальности России впервые почувствовали в себе силу и ринулись в бой с угнетателями. «Ликвидация национального гнета» — таков был лозунг движения. Окраины России мигом покрылись общенациональными учреждениями. Во главе движения шла национально-демократическая интеллигенция»¹.

«Речь шла, — писал дальше тов. Сталин, — об освобождении от царизма как

¹ И. Сталин. Октябрьский переворот и национальный вопрос. Сб. «Об Октябрьской революции», стр. 3. Партиздат. 1932.

«основной причины» национального гнета и образовании национальных буржуазных государств. Право нации на самоопределение толковалось, как право национальной буржуазии на окраинах взять власть в свои руки и использовать Февральскую революцию для образования «своего» национального государства. Дальнейшее развитие не входило и не могло входить в расчеты упомянутых выше буржуазных институтов».

Горские верхи образовали особое правительство, так называемое «Временное терско-дагестанское правительство». В него входили такие видные представители горской контрреволюции, как Тапа Чермоев, Бамматов, Коцев и др. Под флагом «самостоятельного государства» ими проводилась борьба против большевиков и сочувствующих им широких трудящихся масс горских областей, которые шли против «своих» правительств.

Национальные горские буржуазные организации до Октября поддерживали Временное правительство, а после его свержения перешли на службу всероссийской и международной контрреволюции.

В 1917 г. дагестанский национальный комитет выпустил воззвание «к народу», в котором писал:

«Подчинитесь Временному правительству, сохраняйте среди себя порядок и благоуст-

Н. Гикало, руководитель красных партизанских отрядов в Чечне в 1918 г.

ройство и, думая об общих народных интересах, не нарушайте спокойствия».

Осетинские национальные съезды в 1917 г. проходили под руководством осетинской буржуазной интеллигенции, поддерживавшей Временное правительство и войну до «победного конца».

Съезд уполномоченных Северной и Южной Осетии в июне 1917 г. во Владикавказе заявлял в резолюции:

«Объединенный съезд Северной и Южной Осетии приветствует носителя единой революционной власти Временное правительство. Съезд верит, что правительство найдет в себе силы удержать революционную волну в берегах и приведет страну в самом недалеком будущем к Учредительному собранию. Выражая готовность принести поддержку революционных завоеваний все организованные силы своего народа, объединенный съезд Осетии взоры свои обращает к Учредительному собранию, единому справедливому решителю судеб России и малых народов».

Таким образом буржуазные деятели «национального единения» старались «держать революционную борьбу в берегах», тем временем закрепляя власть буржуазии. Эта позиция—задержать революцию на буржуазном этапе—ярко отразилась в решениях по земельному вопросу I общегорского съезда во Владикавказе.

«Признавая в принципе,—говорилось в резолюции съезда,— что земля должна принадлежать трудящемуся населению, съезд полагает окончательное разрешение аграрного вопроса предоставить Учредительному собранию, ввиду серьезности момента и сложности аграрного вопроса».

Дальше подчеркивалось, что земли горских районов должны принадлежать «горским племенам», но ничего не говорилось о том, чтобы отнять земли у крупных землевладельцев и передать их горской бедноте.

Широкие массы трудящихся поняли, что им нечего ждать от «национальных правительств», и сами старались разрешить в той или иной степени свои насущные задачи. Так, в сентябре 1917 г. жители селения Гойты, в Чечне, начали порубку и захват частновладельческих лесов и земель. В ответ на это чеченский национальный совет послал карательный отряд из солдат 111 полка с пулеметами. Но солдаты, находившиеся под влиянием большевиков, отказались усмирять крестьян. Такие факты наглядно разъясняли крестьянам контрреволю-

ционную суть политики горских верхов, этих агентов Временного правительства.

Большевистская агитация проникала и в далекие горские аулы. Рабочие Грозного, железнодорожники и пролетарии немногочисленных городов Северного Кавказа были застрельщиками назревающей пролетарской революции.

К осени 1917 г. на Тереке уже имелись крепкие кадры большевиков, которые вели неустанную работу по сплочению и организации масс, по высвобождению их из-под влияния буржуазно-дворянских и исламистских националистов.

Во Владикавказе в это время работали С. М. Киров, Ной Буачидзе, М. Орахелашвили, Будагов, Г. Цаллагов, Е. Полякова и др. На группах Минеральных вод—Анджиевский, Малыгин, Булле, Юрий Фигатнер, Тюленев; в Грозном—Анисимов, Носовы, Н. Гикало, П. Беляков, Сафонов и др. В Кабарде—Калмыков, теперешний секретарь кабардинобалкарского обкома ВКП(б). В Дагестане революционной организацией масс занимался Уллубай Буйнакский, впоследствии расстрелянный белыми. В Чечне организатором горской бедноты был Асланбек Шерипов, ставший после Октябрьской революции в ряды большевиков и убитый в бою под Воздвиженской в 1919 г.

Большевики неустанно разоблачали контрреволюционность русского Временного правительства и его агентуры на Северном Кавказе, буржуазно-дворянский, реакционный характер «национальных» горских организаций «Союза объединенных горцев», «Терско-дагестанского правительства» и т. п. К концу 1917 г. подавляющая масса горской бедноты уже активно боролась за власть советов.

Это особенно ярко выявилося в Северной Осетии, где к тому времени образовалась революционная партия «Кермен»¹, которой удалось организовать значительные массы Северной Осетии на борьбу против помещичьих и буржуазных организаций в горских областях.

Так, когда 31 декабря 1917 г. банда горского правительства произвела налет на

¹ Партия «Кермен» организовалась в 1917 г. Кермен—это имя легендарного осетинского героя, боровшегося с князьями-феодалами. Программа партии отражала интересы мелкобуржуазных элементов горского населения. В период гражданской войны «керменисты» вели энергичную борьбу с контрреволюцией. В 1920 г. значительная часть «керменистов» вошла в ВКП(б).

Бюст Уллубая Буйнакского, расстрелянного белыми, одного из выдающихся руководителей революционной борьбы против белых в Дагестане.

Владикавказский совет, арестовала его руководителей и приговорила их к расстрелу, отряды «корменистов», вошедшие в город, освободили арестованных. Затем объединенными силами всех революционных элементов, шедших за большевиками, бандиты были выгнаны из города.

Трудящиеся массы Кабарды на всем протяжении 1917 г. вели борьбу со своими помещиками-коннозаводчиками и скотоводами. Кабардинские князья, дворяне все время пытались вернуть себе спорные земли, отобранные у них крестьянами еще в марте 1917 г. и распределенные между аулами. Кабардинская знать говорила:

«Все те аулы, которые отобрали насильственно землю, жестоко поплатятся за это. Расправа с повстанцами-крестьянами в 1912 году покажется шуткой по сравнению с той расправой, которая ожидает теперь революционные аулы. Они ответят за это своим существованием»².

² Б. Калмыков. Очерки революционного движения в Кабарде, стр. 8. Речь идет об общественных пастбищах, захваченных в 1912 г. кабардинскими коннозаводчиками. Восстание кабардинских крестьян, которое произошло в связи с захватом помещиками этих пастбищ, было подавлено. В 1917 г., еще до Октябрьской революции, крестьяне возвратили себе эти пастбища и боролись за них вплоть до победы пролетарской революции.

Но кабардинские большевики не даром провели огромную работу среди трудящихся масс. Население не испугалось угроз разъяренной знати.

Деятели казачьей и всероссийской контрреволюции не удалось их втянуть в войну против революционных воинских частей и против других национальностей. Еще на апрельском съезде трудящиеся-кабардинцы ответили своим контрреволюционным верхам:

«Русские солдаты—наши товарищи. Они освободили нас от самодержавия. Они нас освободили от узденей и кулаков».

В Дагестане ко времени Октябрьской революции также существовал национальный комитет, руководимый князьями, помещиками и шейхами. После победы Октябрьской революции, в декабре, дагестанские большевики создали военно-революционный комитет, который сформировал национальный полк красной гвардии и захватил власть в г. Петровске (теперь Махач-Кала).

Поддержка большевиков широкими массами трудящихся всполошила дагестанскую контрреволюцию и подняла ее на ноги. Дагестанский областной исполнительный комитет отдает приказ всем войсковым частям двигаться на Петровск и установить там «законный порядок».

В распоряжении командиру 2-го Даге-

Асланбек Шерипов, большевик, руководитель чеченской Красной армии в период гражданской войны. Убит в бою с белыми в 1919 г.

станского конного полка по этому поводу предписывается:

«Сообщаю Вам, что в гор. Петровске возникли организации (красная гвардия и интернациональный полк), которые самочинно захватили в свои руки всю полноту власти в гор. Петровске и управляют этим городом по своему усмотрению... Посему преписываю Вам быть в гор. Петровске начальником гарнизона, ликвидировать самоуправство названных организаций и восстановить парализованную деятельность органов областной административной власти»¹.

Объединенным силам контрреволюции удалось тогда (в марте 1918 г.) вытеснить большевиков из Петровска. Но поддержанные рабочими Баку и Астрахани, большевики скоро вернулись, и в конце марта 1918 г. в Петровске, а затем и в Темир-Хан-Шуре была установлена советская власть.

В Чечне развивал свою контрреволюционную деятельность атаман Караулов при поддержке единомышленников из состава терско-дагестанского правительства. Путем провокационных убийств чеченцев они сумели вызвать враждебное отношение чеченцев к грозненским рабочим. «Национальный» съезд в ауле Старосунженском потребовал вывода войсковых частей из Грозного и разоружения рабочих. Затем в город вошли части «дикий дивизии». Рабочие стали эвакуироваться, большевики ушли в подполье. Запылали грозненские промысла. Грозненскому совету, поддержанному чеченской беднотой, стоило многих усилий сохранить основные кадры революционных рабочих. Только после Октябрьской революции в центре России в Грозном установилась власть советов, а в Чечне руководство движением осуществлял «Гойтинский народный совет», во главе с Асланбеком Шериповым.

В Кабарде, Карачае, Северной Осетии, Ингушетии, Адыгее и во всех других горских областях борьба за победу Октября проходила в сложных условиях национальной вражды и значительного влияния исламистских элементов. Лишь после пятигорского «учредительного съезда», в марте 1918 г., были организованы так называемые «народные советы», проводившие в жизнь принципы советской власти.

На I моздокском съезде, происходившем в феврале месяце, контрреволюционное каза-

¹ Центр. архив. управл. ДАССР. Фонд № 317, дело № 13.

Бой партизанских отрядов тов. Гикало с белыми у с. Воздвиженского в 1919 г., в Чечне.

чество, офицерство и кулачество пытались агитировать за военные действия против горских народов и под видом национальных столкновений вести борьбу против социалистической революции. Но большевикам тогда удалось отколоть революционные и демократические элементы с'езда от контрреволюционных верхов. Моздокский с'езд признал необходимым создание органов советской власти.

Пятигорский с'езд, также проходивший в обстановке ожесточенной борьбы революционных и реакционных элементов горских областей, стал твердо на сторону советской власти. Горские делегаты на этом с'езде защищали интересы горской бедноты и широких масс трудящихся. Один из руководителей с'езда, тов. Булле, в своих воспоминаниях пишет о составе с'езда:

«Характерно, что горцы как и казаки послали из каждой станицы, из каждого аула представителей своих верхов вместе с представителями самой обездоленной бедноты»¹. И горская беднота, с самого нача-

¹ Булле. Учредительный с'езд горской республики. Сб. «Октябрь во Владикавказе», стр. 52.

ла с'езда, разуверившаяся в обещаниях своих «национальных» вождей, потребовала действительных прав.

Так, представители Ингушетии заявили, что они «приехали искать своих человеческих прав и требуют возврата их отцовских земель, захваченных царскими казаками».

Ахриев, представитель ингушской делегации, говорил: «Вывести нас из создавшегося положения, может, очевидно, только признание Совета народных комиссаров».

Асланбек Шерипов от имени чеченской делегации заявил:

«Вы знаете, что во время самодержавия всем было тяжело, но постоянными пасынками императорской России были чеченцы и ингуши. И вполне понятно поэтому, что после революции их желания и требования пошли по национальной линии. Но когда оба эти народа подошли к разрешению социальных вопросов, то они увидели, что, помимо национального объединения, есть еще международное социалистическое.

В то время как верхи наши говорили: «Идите бить тех, кто вас когда-то обижал, берите землю ту, которая нам когда-то принадлежала», — в самом народе началось дви-

жение, и народ, чувствуя, что дело здесь в чем-то ином, стал метаться в поисках иного выхода. Здесь мы заявляем, что когда надо будет, мы покажем, как бороться за свободу. И если теперь вы не найдете среди нас мюридов газавата, то найдете мюридов революции, которые пойдут умирать за свободу».

По вопросу о власти представители горской бедноты были единодушны: нужно признать власть Совета народных комиссаров. Об этом со всей справедливостью заявил председатель осетинской делегации Борукаев:

«Осетинская группа,—сказал Борукаев,—обсудив этот вопрос, пришла к таким выводам: вся власть должна принадлежать трудовому народу и только ему. Согласно этому и участие в организации должен принимать только трудовой народ и на тех основаниях, которыми руководствуется Россия. Для того, чтобы можно было закрепить завоевание революции, необходимо признать Совет народных комиссаров».

От Кабарды о признании советской власти выступал Ахохов, от Балкарии—Энеев, от Чечни—А. Шерипов.

Все это говорило о том, что трудящиеся массы горских областей стали твердо на сторону большевиков, на сторону советов, на путь классовой борьбы со своими угнетателями.

Но установление советской власти не ограничивалось только признанием ее горцами на съездах. Провозглашение советской власти проходило в условиях ожесточенной вооруженной борьбы. В Адыгее, Кабарде, Чечне и других горских областях революционные отряды беззаветно боролись с контрреволюцией всех мастей и оттенков и в результате героических сражений там провозглашалась советская власть.

Однако русская контрреволюция, организовавшаяся на Дону и Кубани, расширяя свою базу, начала наступление на Северный Кавказ, объединяясь с местными контрреволюционными силами. Начался длительный период гражданской войны.

3

Чеченская беднота, руководимая северокавказской большевистской организацией, показала в борьбе против контрреволюции образцы исключительного мужества и героизма.

Осенью 1918 г. казачьи части окружили

Грозный—главный промышленный и пролетарский центр горских областей. Здесь разгорелись упорные, жестокие бои. 11-я армия, испытывавшая недостаток в снарядах, патронах, медикаментах, снаряжении и питании, с'едаемая сыпняком, таяла с каждым днем. Насколько тяжела в эти дни была обстановка, говорит телеграмма тов. Орджоникидзе Ленину в Москву: «Одиннадцатой армии нет. Она окончательно разложилась. Противник занимает города и станции почти без сопротивления. Ночью стоял вопрос—покинуть всю Терскую область и уйти на Астрахань. Нет снарядов и патронов. Нет денег. Владикавказ, Грозный до сих пор не получили ни копейки денег».

Сообщая об этом Ленину, тов. Орджоникидзе дальше заверял: «Владимир Ильич, сообщаю Вам об этом, будьте уверены—мы все погибнем в неравном бою, но чести своей не опозорим бегством... Среди рабочих Грозного, Владикавказа непоколебимое решение сражаться и не уходить. Симпатии горских народов на нашей стороне».

И это было действительно так. Грозненские рабочие выдерживали осаду города на протяжении трех месяцев (с августа по ноябрь). Это был известный в истории гражданской войны грозненский «стодневный бой». Грозненских рабочих поддерживала чеченская беднота. Она снабжала их продовольствием, патронами, производила партизанские нападения на белогвардейские части. Здесь наиболее ярко проявлялась общность интересов чеченской бедноты и грозненских рабочих в их жестокой борьбе с классовым врагом.

В начале 1919 г. при активной поддержке «национального» горского правительства и английских интервентов, деникинщина захлестывала контрреволюционной волной горские области. В Чечне в это время образовалась из бедняцких элементов чеченская красная армия, мужественно боровшаяся против войск Деникина.

В делах 3-го Горско-Моздокского полка за 1919 г. мы находим, например, следующее сообщение:

«Командиру 3-го Горско-Моздокского полка. Сообщаю для сведения телеграмму генерала Шатилова: «Разведывательная. После решения представителей Чечни в Шалях выдать скрывающихся у них красноармейцев, среди чеченцев происходит волнение, так как часть их не желает выдачи большевиков. Иногда дело доходит до вооруженного столкновения. В стороне Атаги и Гойты слышна оружейная стрельба. Гроз-

ный, 28 февраля 0,49 Шатилов. Полковник Барон Майдель»¹.

Интересна телеграмма от 10 марта, говорящая о численности чеченской красной армии и районе ее формирования:

«Из захваченных большевистских документов видно, что из чеченцев большевиками сформирована красная армия. Всего в 18 селениях района Алды, Ачхой, Мартан, Герменчук было собрано около 2 500 человек чеченцев-красноармейцев, добровольцев, несших службу пешими и конными. Наибольшее количество дало селение Гойты—520 человек, составлявшие гойтинский отряд, наименьшее — Шатой»².

Таковы свидетельства самих белогвардейцев о симпатиях чеченских трудящихся масс к советской власти.

В сентябре 1919 г. в горах Чечни образовалось так называемое «Северокавказское эмирство», возглавлявшееся шейхом Узунхаджи. Эмирство было провозглашено под протекторатом турецкого султана и имело свой совет министров, губернаторов, командующих армиями, свои денежные знаки и т. д. Временно столицей эмирства был аул Ведено. Организаторы стремились к созданию самостоятельного мусульманского государства. Вместе с разгромом контрреволюции в горских областях Северного Кавказа была сметена и эта опереточная монархия.

Осенью 1918 г. белогвардейские силы окружили Владикавказ. Банды полковников Соколова и Беликова ворвались в город. Завязался бой, длившийся несколько дней. Белогвардейцы получили перевес: они заняли Владимирскую и Осетинскую слободки, а затем захватили центр города. Красные войска были вытеснены на окраины. Начались грабежи и расправы с большевиками и керменистами. В эти дни погибло много стойких защитников советской власти, в том числе Николай Кесаев, один из основателей партии «Кермен». О зверствах и издевательствах белогвардейцев в эти дни С. Такоев рассказывает:

«Сотня керменистов отступила по направлению к селению Ольгинскому. Их заманили в это селение под предлогом накормить их самих и лошадей. Когда они сняли с себя оружие, то их окружили, направили на них пулеметы и объявили пленными. Раздели их и сдали начальнику штаба в станице

¹ Дело № 53 3-го Горско-Моздокского полка Терского казачьего войска «С оперативными телеграммами».

² Там же.

Батал Калмыков, организатор и руководитель красных партизанских отрядов Кабарды и Балкарии в 1918—1920 гг.

це Архонской. Здесь над ними издевались две недели. Морили их голодом и жаждой, в день давали по одному соленому огурцу с небольшим куском хлеба, а затем отпустили»³.

В станице Змейской в это время были расстреляны полковником Кибировым виднейшие руководители советской власти на Терекке: председатель терского совнаркома Пашковский, комиссар путей сообщения Долобоко, делегаты 4-й сессии народного совета Хейфец и Анна Блюменталь, председатель кисловодского совета Тюленев и др.

Но хозяйничать белым во Владикавказе пришлось недолго. Большевики во главе с тов. Орджоникидзе собрали на помощь красноармейским частям ингушские партизанские отряды, керменистов и др. и объединенными силами повели наступление на занятые белыми станицы. Ингушские отряды выбили контрреволюционные части из станиц: Тарской, Аки-Юртовской, Сунженской и Фельдмаршальской, а затем вместе с керменистами красноармейскими частями заняли Владикавказ. Советская власть в городе была восстановлена. Но еще долго пришлось выбивать отдельные белогвардейские отряды из разных станиц.

После разгрома белых во Владикавказе, в М. Кабарде был сформирован красный отряд в 1000 сабель, который успешно опери-

³ С. Такоев. К истории компартии на Терекке. Сб. «25 лет борьбы», стр. 272.

ровал в районе Змейской, Александровской, Пришибской, Екатериноградской станиц и Моздока, не давая возможности противнику концентрировать свои силы вокруг Владикавказа. Красные партизанские части в конце августа заняли город Нальчик, а затем вели постоянные бои то с отрядами ротмистра Серебрякова в Большой Кабарде, то с отрядами Шкуро и Бичерахова в районе Минеральных Вод и Георгиевска. В то же время отряды тов. Калмыкова отбивались от белогвардейцев в Малой Кабарде.

За последние месяцы 1918 г. Нальчик несколько раз переходили из рук в руки. Заурбек Даутоков (Серебряков), который именовал себя вождем партии «свободная Кабарда», а на самом деле был одним из главных организаторов контрреволюции, трижды за это время производил выдачу оружия кабардинцев. Но они каждый раз снова вооружались, собирались в боевые красные отряды и упорно боролись с бандами Серебрякова и Бичерахова, с частями Шкуро, Покровского и Улагая.

В эти дни напряженнейших боев белогвардейский генерал Шкуро выпускает воззвание к терским казакам и осетинам, в котором этот погромщик призывает к национальной резне:

«Мы, кубанцы, пришедшие на Терек в со-

Б. Шеболдаев, один из активных руководителей революционной борьбы против белых в Дагестане в период гражданской войны.

ставе Российской добровольческой армии, боремся не с национальностями, а только с большевиками. Несмотря на это ингушский народ пошел с большевиками против нас и, ведя с нами переговоры, предательски начал против нас общую мобилизацию и открыл против нас враждебные действия. Поэтому мы объявили им беспощадную войну и уничтожим все их аулы. Братья терцы и дружественные нам осетины! Настало время отомстить ингушам за причиненные ими вам вековые обиды, настало время сторицей расплатиться с ними за все их злодеяния.

Поднимитесь же все как один человек против злодеев-ингушей и исполните ваш долг перед предками и потомками. Уничтожьте дружным ударом этот разбойный народ!»

После занятия белыми Владикавказа значительные массы красноармейцев уходят в горы Ингушетии и Чечни. В Ингушетии скрываются и руководители советской власти на Терек: тт. Орджоникидзе, Элердов, Ф. Махарадзе, Гегечкори и др. Ингушские партизанские отряды первыми выступают против деникинцев, и Ингушетия первая испытывает ужасы деникинской контрреволюции: все селения, в районе которых деникинцы встречают упорное сопротивление, подвергаются беспощадному разгрому. Селения Сурхохи и Экажево сожжены. Селение Христиановское в Осетии разрушено и разграблено. После этого генерал Деникин предъявляет Ингушетии следующий ультиматум:

- «1. Свободный пропуск частей добровольческой армии через Ингушетию в Грозный.
2. Уплата терским казакам всех убытков, причиненных им за время революции.
3. Выдача всех служивших в красной армии ингушей.
4. Согласие на мобилизацию всех способных к ношению оружия в возрасте от 18 до 40 лет для отправки их в Центральную Россию против большевиков.
5. Согласие на назначение в Терской области генерал-губернатора из казаков»¹.

Срок для решения всех этих вопросов давался короткий—одна ночь. Революционная Ингушетия отвергла генеральские требования, и Деникин подверг ее беспощадному разгрому. Но и тогда ингушская беднота не сдалась. Она пошла в партизанские отряды

¹ Отношение дипломатического представителя Горского правительства команд. британскими войсками. Край-Арх. Бюро. Арх. Баева. Папка 10, лист 15.

и боролась с деникинщиной вплоть до окончательной ее ликвидации.

Героические страницы в историю борьбы с деникинской контрреволюцией вписала и осетинская беднота. В период наступления деникинцев на Владикавказ особенное упорство в борьбе проявили трудящиеся горцы селения Христиановского. Чтобы овладеть этой революционной крепостью, генерал Шкуро двинул туда свои лучшие части. Бой длился несколько дней. Участник событий С. Такоев рассказывает:

«Бои продолжались днем и ночью. Дрались и женщины. Кровники, которые по обычаю не должны встречаться, в этих боях сидели рядом в окопах.

Так, кровники Такоев и Уруймагов на передовых линиях одновременно убиты почти рядом. В боях принимало участие все население, кроме кулаков... На второй день белые ворвались в селение и заняли нижний квартал, а бойцы-христиановцы отошли в южную часть селения. На следующий день белые двинулись с новыми силами. У христиановцев уже патроны были на исходе. Селение было занято, и началась расправа. Керменисты отступили в горы. Один керменист-коммунист, Георгий Колоев, задержался в селении. Его встретил на улице офицер с отрядом и потребовал от него винтовку: Колоев со словами: «Вам винтовку?»—выстрелил в офицера и уложил его; убил он и другого, а третьего ранил. Казаки буквально подняли Колоева на штыки, и он через некоторое время умер»¹.

Энергичную деятельность развивали отряды под руководством Данилы Тогоева, наносившие контрреволюционным частям значительный урон. Только после длительных боев селение Христиановское перешло к белым и было разгромлено.

Белые господствовали в горских областях на протяжении всего 1919 г. Правда, не всюду они решались показываться. Горные районы для белых были недоступны: там крепко держались красные партизаны, и

¹ С. Такоев. История революционного движения на Тереке. Известия Осетинского ин-та краеведения. Т. II, стр. 270. Владикавказ. 1926.

всякая попытка белых проникнуть туда кончалась для них плачевно.

К осени 1919 г. борьба трудящихся горцев с контрреволюцией стала принимать формы организованного наступления под руководством Северокавказского краевого комитета партии большевиков. Был создан штаб терских повстанческих войск с тов. Гикало во главе. Разрозненные прежде отряды объединялись для решительного и окончательного наступления на белых.

В одном из писем тов. Хорошеву, представителю командования 11-й армией, тов. Гикало писал:

«Сообщаю Вам для сведения, что по всей территории горских народов ведется самая усиленная, интенсивная партийная работа по подготовке восстания. В Ингушетии, Осетии, Кабарде и Балкарии образованы краевым Кавказским комитетом революционные комитеты, которые в военном отношении подчиняются моему штабу. В общем работа налаживается, и надеемся в небольшой промежуток времени охватить всю территорию Терской области»².

Действительно, в начале 1920 г. началось всеобщее наступление всех горских партизанских отрядов против деникинских войск. В марте белые, разгромленные буденновской конницей, были сбиты со всех своих позиций, а затем окончательно уничтожены.

Горские трудящиеся массы под руководством партии большевиков боролись за победу Октября с беспримерным мужеством и исключительным героизмом. Бесправные, угнетенные в прошлом, они сознавали, что единственный путь для них—это путь, указываемый партией большевиков-коммунистов.

Руководимые этой партией в дни социалистического строительства как и в дни гражданской войны горские области Северного Кавказа выходят в ряды передовых районов Советского союза.

² № 1. Штаба терских повстанческих войск, стр. 57, в копии хранящаяся в Горском краевом научно-исследов. институте, Ростов на Дону.

Л. Потапов

КЛАССОВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ У АЛТАЙЦЕВ ДО ОКТЯБРЯ

1.

В южной части Сибири, в горах Алтая, располагалась организованная в 1922 г. Ойратская автономная область. Коренное население этой области составляют мелкие тюркские племена: ойраты, теленгаты, тубалары, кумандинцы, телеуты, известные под общим названием «алтайцы».

В русских исторических документах XVII и XVIII вв., а также в описаниях путешественников XIX в. алтайцы называются «калмыками».

Общая численность населения Ойратской автономной области на 1 января 1931 г. составляла 124 420 лиц обоего пола, из них алтайцев 43,65 %.

До Октябрьской революции алтайцы занимались главным образом кочевым скотоводством и охотой. Мясо и шкурки зверей служили предметом уплаты налога—ясака—и предметом натурального обмена. Земледелием занималось не более 50% хозяйств.

Алтайцы разводили лошадей, овец, крупный рогатый скот, коз, сарлыков (як) и частично верблюдов. Уход за скотом был весьма примитивен. Круглый год скот пасся на

подножном корму, кочуя под открытым небом, меняя зимние и летние пастбища. Заготовка сена производилась нерегулярно и в небольших размерах. Траву резали кривым ножом, подсушивали и свивали в длинные толстые жгуты, которые вешали на деревья, подпуская к ним зимой скот. В 60-х годах прошлого столетия русские миссионеры привезли в Алтай косу-горбушу. К 70-м годам русские заносят к алтайцам косу-литовку. С появлением литовки увеличились заготовки сена. Несмотря на простоту и дешевизну этого незатейливого орудия, литовка в условиях алтайской жизни долгое время являлась средством эксплуатации.

Зимой и летом скот пребывал на открытом воздухе. Молодняк зимой держали в юрте. В семьях бедняцких и среднего достатка телята и ягнята жили вместе с хозяевами в одной юрте.

Примитивный способ ведения хозяйства ставил скотовода под угрозу всяких стихийных бедствий (эпизоотия, затянувшаяся весна, снежная зима и т. д.). Все это разоряло мелких скотоводов и пополняло ряды бедноты.

Техника звероловческого, охотничьего

хозяйства также отличалась крайней отсталостью. В таежных местах Алтая охота была пешей, на лыжах. Русские завоеватели застали алтайцев, охотящихся с луком. Это подтверждается официальными документами кузнецких воевод, которые в отписках московскому государю упоминают, что при сборе ясака у неплатежеспособных туземцев брали «луки и таганы железные».

Ружье было известно алтайцам до перехода их в русское подданство. Рапорты русского пограничного начальства (XVIII в.) показывают, что при переходе в подданство алтайцы имели ружья, называемые в документах «турками», чугунные пули, свинец, порох, а также луки, стрелы и копья. Охотничье ружье получило распространение после утверждения русского господства.

Алтайские племена сами изготовляли пули и даже порох. По показанию урянхайца Чеобу (1760 г.), кочующие близ озера Кеньги алтайцы умели делать порох из горючей серы и селитры и ковали пули из железа¹. Ядринцев сообщает: «Порох выдѣлывают алтайцы на Башкаусе и Чолушмане сами, он весьма крупный»². Его приготовление кратко описывает Я. Попов в статье «Алтай».

«Каменные стены пещеры как бы потеют, — описывает он пещеру Бий Шебези, — эта отпоть селитренного свойства, она застывает и осыпается; цвет ее темносерый. Говорят, что из этой отпоти калмыки (алтайцы. — Л. П.), сделав порошок, варили в воде с серой и углем и получали из этой смеси порох; прибавляя медвежью или сурковую жолчь»³.

Приемы и способы обработки земли говорят о чрезвычайно ранней ступени развития земледельческого труда у алтайцев, на которой они еще долго удерживались благодаря колониальной политике царизма. В литературе нередко можно встретить ничем необоснованный взгляд об отсутствии земледелия у алтайцев до прихода русских. Это неверно. Земледелие существовало у алтайцев и до прихода русских, но в чрезвычайно отсталой, первобытной форме, пережитки которой сохранились до наших дней. Алтайцам были известны два простейших орудия для разрыхления земли: «абыл» и «андазын».

¹ Материалы для истории Сибири. Чтения О-ва истории и древностей России 1866 г. Кн. 4-я, стр. 114.

² Н. Ядринцев «Об алтайцах и черневых татарах». Изв. ИРГО 1881 г. Вып. 4, стр. 239.

³ «Томские губернские ведомости» № 41. 1858.

Пастух-алтаец.

Абыл представлял собой маленькую мотыгу, состоящую из железной лопатки, закругленной или от долгого употребления треугольной формы, насаженной на согнутую под углом палку. Обработка пашни абылом производилась вручную и давала крайне низкую производительность труда. Абылом один человек обрабатывает один «загон»⁴ около 10 дней, говорят алтайцы.

Андазын — более совершенное орудие, рассчитанное на применение тягловой силы животного. Это простейший вид сохи, представляющий собой изогнутый корень дерева, острый конец которого, предназначенный для разрыхления почвы, снабжен железной треугольной пластинкой или, в более сложном типе, железным наконечником. Андазын имеет поперечную деревянную палку, вроде дышла, за которую привязывается

⁴ 1/11 га.

Алтайка толчет талкан.

Шаман у больной.

аркан. Аркан прикрепляется к седлу верховой лошади. Глубина вспашки 1—1½ вершка, ширина борозды 2—3 вершка. Чтобы удовлетворительно разрыхлить зем-

Жертвоприношение у алтайцев.

лю, по одной борозде нужно пройти 3—4 раза. Поле вспахивалось андазыном вдоль и поперек. Производительность труда при такой работе была крайне низка.

Бороньба производилась при помощи ветвей сухого дерева, на которые сверху для тяжести клали камни. Вместо жатвы колосья выдергивали руками, связывали в пучки, подсушивали на жердях, вместо молотьбы обжигали на огне. Наряду с этим молотьба производилась и деревянной, изогнутой колотушкой «токпок» на специально устроенном маленьком гумне. Позже выдергивание колосьев заменилось срезыванием их ножом и, наконец, жатвой при помощи русского серпа.

Хранили зерно в яме «коктыг», стенки которой выстилались берестой и сухим сеном для предохранения от сырости. Сверху яма покрывалась жердями, берестой и засыпалась землей. В Северном Алтае зерно ссыпали в большие берестяные сосуды, туясы и ставили их на деревянных четырехугольных помостах на пашне.

Естественно, что при такой технике да еще в трудных горных условиях земледелие у алтайцев не получило большого распространения и сколько-нибудь значительные посевы производили только зайсаны (князья) и баи (богачи), пользуясь трудом зависимых от них алтайцев. Сеяли преимущественно ячмень, из которого посредством поджаривания в котле, толчения в деревянной ступе и растирания на ручной каменной мельнице— «наспак» — получали ячменное толокно, «талкан». Талкан ели, насыпая в чай, сваренный с молоком, солью и иногда кусочками бараньего жира.

В скотоводческих районах начинала развиваться выделка войлока и седел; в лесных районах, где были известны приемы добычи железа из руды,—изготовление кузнечных изделий. Однако с проникновением в край русских и завозом туда железных изделий кузнечное ремесло у алтайцев стало приходить в упадок. Исчезла и плавка руды. Между тем известно, что племена, населявшие Северный Алтай, уже давно умели добывать и плавить железную руду и платили джунгарскому хану дань железными котлами и таганями.

Русские железные изделия вытеснили рудное и кузнечное ремесло у алтайцев. Русский топор быстро занял место алтайского «керги» (тесло). Русские котелки и чайники вытеснили изготовление чугунных котлов. Домашняя промышленность алтайцев, еще не оторвавшаяся от скотоводства, характеризо-

валась такой же рутинностью, такой же раздробленностью и примитивностью, как и мелкое патриархальное скотоводство. Совершенно отсутствовали гончарство, прядение и ткачество, и только у горцев Северного Алтая существовал примитивнейший ткацкий станок, посредством которого вырабатывалась ткань из волокон растения кендыря.

Стало быть, производительные силы алтайцев находились на весьма низком уровне развития. Слабость и раздробленность мелких производителей, составляющих основное население, их низкий культурный уровень, гнет двойной эксплуатации (русской буржуазии и своих зайсанов), наконец, крайне слабая техническая вооруженность хозяйства не давали алтайцам возможности подчинить себе природные условия Алтая: распашать долины и засеять их, использовать лесные и рудные богатства гор, использовать пышные пастбища и дуга для разведения породистого и более рентабельного скота и т. д.

Буржуазные ученые пытались объяснить это неспособностью алтайцев к усвоению более высокой культуры, а низкий уровень производительных сил алтайцев приписывался особенностям национальной алтайской культуры. Получалось, что первобытность техники, жилища, примитивность питания, одежды и т. д. являются расовыми особенностями алтайцев, а не следствием многовекового гнета двойной эксплуатации трудящихся алтайцев. Вместо того чтобы все эти особенности объяснить тяжелым экономическим и общественным положением угнетенных слоев алтайского общества, буржуазия писала о «праазиатской» или «дрезнатурецкой» культуре алтайцев. Октябрьская революция, уничтожив царскую Россию, — эту тюрьму народов, освободила алтайцев от ига эксплуататоров, дала им возможность выделиться в самостоятельную автономную область и оказала в лице пролетарского государства конкретную и реальную помощь. Жизнь алтайцев изменилась до неузнаваемости. За 16 лет трудящиеся алтайцы сделали такой прыжок, который оставил далеко позади путь, пройденный во многие сотни веков. От свивания сена в жгуты алтайцы перешли к силосованию зеленых кормов, от мотыги — к трактору, от устной передачи новостей — к радио и телефону. Из среды трудового алтайского крестьянства вышли инженеры, врачи, агрономы, художники и т. д. «Экзотика», «первобытность» как «национальная особенность» алтайской

Обряд камлания.

культуры — это миф, выдуманный буржуазными учеными в целях оправдания колониального угнетения алтайцев.

Буржуазные исследователи преимущественно описывали, а не изучали алтайцев.

В айле алтайца.

Старые дороги.

Описывали жилище, одежду, пищу, свадебные и религиозные обычаи. Подобными писаниями, смакующими экзотику алтайской жизни, подменялось подлинное научное историческое исследование. Миссионеры считали, что алтайцы вообще не имеют истории. По этому поводу они писали: «Алтайцы — племя, едва вышедшее из первобытного состояния, не имеющее истории, кроме немногих красивых легенд»¹. Буржуазные ученые особенно усердно подчеркивали дикость, первобытность алтайцев, биологическую обреченность их на вымирание, и это носило определенный смысл. Для мероприятий колониальной политики царизма необходимо было научное обоснование. Его давали великодер-

¹ Отчет Алтайской духовной миссии за 1915 г., стр. 59.

Роды у алтайки.

жавная наука и православная церковь. Известный исследователь турецких народов, академик В. Радлов, описывая в 70-х годах угнетение и разорение алтайцев русскими торговцами, отмечал: «Здесь та же борьба за существование как повсюду, где встречаются цивилизованный человек и дитя природы. Как в Северной Америке беднеют краснокожие, вымирают и погибают, так и в Сибири туземные племена. Сначала снижаются их богатство и социальное положение: из князей делаются деревенские старшины, из владельцев стад — нищие, грызущие коренья. С ухудшением питания раса постепенно слабеет, в конце концов медленно умирает. Это может причинить боль филантропам и огорчить хорошего человека, когда он наблюдает насилие и несправедливость более сильной расы. Но они соответствуют законам природы, и откровенно нужно признаться: чудные долины Алтайа слишком хороши для номадов, которые не умеют поднять богатство края»² (разрядка моя. — Л. П.).

Классовый эксплуататорский смысл колониальной политики Радлов затушевывал, подменял «законами природы», биологическими категориями. Циничное признание крупнейшего исследователя содержит в себе одновременно «научное» биологическое обоснование колониальной великодержавной политики российского царизма, служит оправданием этой политики и является «научным» прогнозом на будущее алтайцев как расы, обреченной на вымирание неумолимыми «законами природы». Раса у него подменила классы и классовую борьбу.

Заниматься подлинно научным исследованием алтайского общества не входило в интересы царских ученых. Анализ исторического процесса заменялся поэтому категорическим утверждением, что алтайцы жили «родовым строем» или «родовым бытом». Буржуазные исследователи утверждали, что у алтайцев родовой строй, и упорно не хотели замечать классового расслоения. Тот же Радлов писал про телесов: «Весь народ походит на одну большую семью и не знает сословных различий... Даже демичи не занимают более высокого положения»³. О ро-

² В. Радлов «Путешествие через Алтай на Телецкое озеро и Абакан». Напечатано в Берлине, в Архиве научных сведений о России. Т. XXIII, стр. 275.

³ «Из Сибири». Т. I, стр. 285. Лейпциг. 1893. (на нем. языке).

довом строе у алтайцев писали Вербицкий, Ядринцев, Швецов и др.

Вслед за Швецовым утверждали наличие родового строя у алтайцев Н. С. Гуляев и Н. Семьянов, составившие по заданию Г. Н. Потанина работу «Алтайские инородцы», которая имела целью разжечь национал-шовинистические чувства алтайской интеллигенции после Февральской революции и бросить ее в объятия эсеровщины. Эта компилятивная работа, задуманная в историческом плане и претендующая на роль источника по истории алтайцев, имеет специальную главу, посвященную «родовому строю», где все доказательства сводятся только к тому, что у алтайцев сохранились родовые названия, и даются списки этих названий.

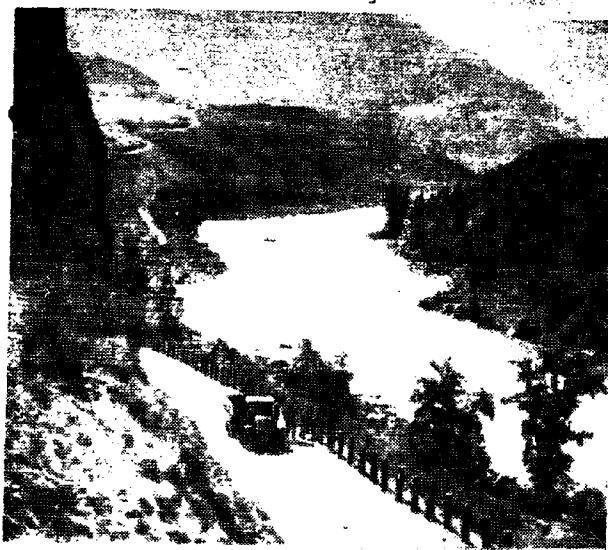
Теория родового строя у алтайцев прочно утвердилась в научной литературе. Даже в советский период появились некоторые работы, отстаивавшие эти положения или исходившие из них. Достаточно сослаться на работу Л. П. Мамета «Ойратия»¹. В плену у буржуазной науки находился некоторое время и такой крупный знаток советской Ойратии, как П. Я. Гордиенко², который в своей хорошей и политически заостренной книге об Ойратии не дал отпора теории родового строя, а молчаливо принял ее, хотя это никак не увязывается с его в общем правильной характеристикой общественных отношений у алтайцев до Октября.

Н. П. Дыренкова даже в 1926 г. печатно заявляла: «Турецкие племена Алтая—алтайцы—живут еще до сих пор родовым бытом, основанным на кровном родстве по отцовской линии». Партийная организация Ойратии уже не первый год вела упорную борьбу с зайсанско-байской феодальной и кулацкой верхушкой, а представительница науки писала о «родовом» быте. Для большей убедительности Дыренкова извращает факты. Она пишет, что главную роль в хозяйственных вопросах алтайцев играет старший в роде и только в отдельных семьях уже теперь главенствует отец³. Она приводит

¹ Работа Л. П. Мамета содержит ряд грубых политических ошибок, которые были разъяснены его рецензентами и признаны самим Маметом. См. М. Тайшина в «Правде» № 95 от 6/IV 1931 г.; А. Ошарова в журнале «Революция и национальность» № 3, 1930 г., рец. в журнале «На ленинском пути» № 1—2, 1931 г.; письмо Мамета в «Правду» от 24/IV 1931 г.; ошибочная и примиренческая рецензия у А. Шестакова. «Историк-марксист» № 15.

² П. Я. Гордиенко «Ойратия». Новосибирск, 1931.

³ «Род, классификационная система родства и

Новые дороги советской Ойратии.

ничем не подкрепленное утверждение, что члены одного рода до последнего времени землей пользовались сообща. Даже в тех местах, где земледелие было подсобным занятием, работали у сородичей поочередно; скот пасся вместе и в более отдаленное время был общей собственностью рода. В недавнее же время лишь более близкие сородичи имели общий скот⁴.

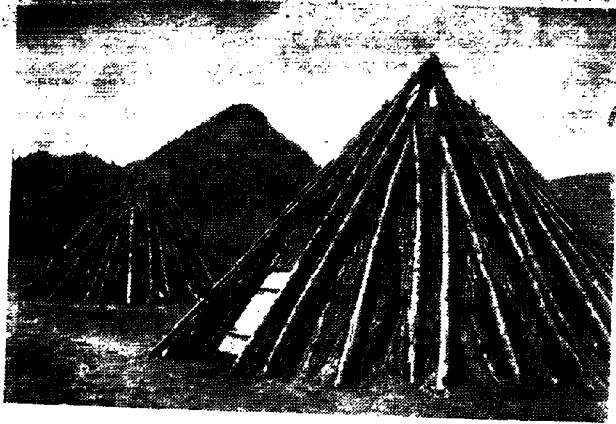
Дыренкова распространяется о «родовой помощи» и отмечает, что «сейчас этот обычай, под влиянием русских, местами выходит из употребления». Правильнее было бы сказать: не под влиянием русских, а под

брачные нормы у алтайцев и телеутов». Сборник Дыренкова «Материалы по семейно-родовому строю народов СССР», стр. 249. Ленинград, 1926.

⁴ Там же, стр. 250.

Ойратия. Санаторий Чомал.

Вид аула.

влиянием советской власти, так как ниже мы увидим, что представляла собой эта «родовая помощь», а также, как «мирно» и «поочередно» работали алтайцы друг у друга.

Для чего же это делалось? Какой смысл был в утверждении родового строя для алтайцев? Ответить на это нетрудно. Подлинно научное определение родового общества предполагает такое общество, при котором хозяйство «ведется на коммунистических началах», причем основной хозяйственной единицей является род, объединяющий людей по принципу кровного родства. «Величие родового строя,— писал Энгельс,— но вместе с тем и его ограниченность проявляются в факте, что здесь нет места для господства и угнетения», нет «места для расслоения племени или рода на различные классы»¹.

Родовой строй — общество доклассовое, где нет эксплуатации, где коллективное производство и потребление, где коллективная собственность на средства производства.

¹ Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Ойратия. Конец кочевью.

Стало быть, утверждая у алтайцев родовой строй, мы тотчас же должны признать все перечисленные признаки этого строя, должны признать отсутствие эксплуатации, отсутствие частной собственности, отсутствие классов и т. д. Такое признание перечисленных признаков выгодно и нужно тем, кто стремится затушевать классовое строение общества, замаскировать эксплуатацию идеализацией «родовых» отношений, замолчать противоречивое распределение средств производства и т. д. Утверждение родового строя у алтайцев означает самое бесцеремонное извращение действительности, самое антинаучное обращение с фактами.

Теория родового строя у алтайцев чревата и политическими последствиями. Усвоив эту псевдонаучную теорию из этнографической литературы об алтайцах, некоторые партийные работники Ойратии объясняли, например, успех коллективизации в Ойратии не результатами упорной и длительной работы коммунистической партии, а тем, что алтайцы до революции жили «родовым строем» и имели навыки к коллективному труду и быту. Отсюда—отрицание кулака в Ойратии правоуклонистами, которые не прочь были принять алтайского бая за «невинного» члена первобытной коммунистической общины.

О каком же наступлении на кулачество можно говорить, если у алтайцев и классово не было? Не значит ли это, что партийное руководство в Ойратии сражается с ветряными мельницами? Не пустить ли тогда кулаков в колхозы? Вот куда неизбежно должна привести теория родового строя у алтайцев.

В действительности же алтайцы до Октябрьской революции переживали стадию развитого классового, феодального общества. Это общество покоилось на основах частной собственности, на неравномерном, антагонистическом распределении средств производства, благодаря которому в руках немногочисленной феодальной зайсанско-байской верхушки сосредоточивалось подавляющее большинство скота и лучших пастбищных земель. Это раскалывало общество у алтайцев на классы с резко противоположными интересами. Антагонистическое распределение основных средств производства у алтайцев удерживалось потому, что класс крупных собственников скота, класс зайсанов и баев, сосредоточивал в своих руках все средства угнетения и насилия, экономического и внеэкономического по-

рядка. Другими словами, этот класс крупных собственников имел в своих руках аппарат административного управления в виде зайсаната с его судом. Зайсанское управление было тесно связано с царским самодержавно-крепостническим, колониальным аппаратом.

2

Из методов эксплуатации у алтайцев, как-то: различные формы отработок (ясак — налог пушниной, натуральные приношения зйсанам и баям), торговая прибыль (русских и своих торговцев), свободный наем сел.-хоз батраков — рассмотрим первую группу, отражающую специфические условия кочевого скотоводческого хозяйства, в среде которого она выросла и оформилась.

Наиболее распространенной формой отработки являлась «польш»¹, выросшая в условиях кочевого скотоводческого хозяйства, на основе частной собственности на скот, сосредоточенный в главной массе у зайсанов и баев.

Возможно, эта форма удержалась с того времени, когда алтайцы жили родовым строем. Однако содержание ее ничего общего с родовой помощью не имеет. Сущность польш состояла в том, что богатый, имеющий много скота, раздавал его нуждающимся, малосостоятельным хозяевам в аренду «бесплатно» с тем, чтобы берущий прокормил корову в течение года, отвечал за ее сохранность и вернул хозяину приплод в годовом возрасте, кроме того, «иногда» помог баю в работах по хозяйству. Таким образом за право пользоваться молоком в течение 4—5 месяцев бедняк-алтаец обязывался не только пасти корову, но и кормить ее весь год, сверх того помогать «благодетелю»-баю в работах по хозяйству (сено косить, дрова заготавливать, смотреть за табунами и т. д.). Некоторые баи отдавали коров в доение только на летний период за косьбу и уборку десятины покоса (90 × 30 сажений).

Бай Кыйтык, живший в Усть-Канском районе, раздавал в польш до 600 коров ежегодно. Старики-алтайцы рассказывали мне, что в старину баи давали скот в польш только за прокорм и за обязательство вырастить приплод, который возвращался баю взрослым. Работать у себя в хозяйстве бай не заставлял. Но если приплод погибал бай обязывал взявшего польш

¹ Польш — помощь.

Ремонт сельскохозяйственного инвентаря. На заднем плане совхоз Чемал.

уплатить стоимость погибшей скотины пушниной или отработать на себя.

В польш раздавали и лошадей на тех же условиях, что и коров. С развитием денежных отношений в Алтае лошадей стали давать в польш за 5—6 руб. в год. Более обычной платой было обязательство — поставить владельцу лошади определенное количество копен сена, т. е. уплатить работой, так как косили обычно на байских покосах. Овец брали у баев в польш середняцкие и бедняцкие семьи, нуждающиеся в шерсти, и за это выполняли для бая различные работы по хозяйству, часто целой семьей.

По существу польш — это сдача в арен-

Ойратия. Совпартшкола в Улале.

ду средств производства по преимуществу за отработки. Польш для бая являлся одновременно и способом обеспечить свой скот кормом и средством обеспечить свое хозяйство рабочей силой. Польш доставлял баю пастухов, обеспечивал заготовку сена, давал наездников («емдикчи») для обучения диких лошадей и т. д. Польш для малообеспеченного алтайца — кабала, ибо, давая ему возможность кое-как сводить концы с концами, польш закреплял его у бая. Боясь разорения своего хозяйства, цепляясь за хозяйственную самостоятельность, мелкий производитель-алтаец видел в польш мнимое спасение, надежду поправить, поднять свое разрушающееся хозяйство и не замечал того, что этим самым он затягивал на своей шее петлю, радушно накинутую ему баем-«благодетелем». Польш прикреплял

Ойратия. Маслозавод.

производителя-алтайца к хозяйству бая. Бай же под видом помощи закабалял бедняка, создавал себе и укреплял авторитет помогающего человека, благодетеля. Действительно, среди алтайцев такие богачи слыли как «польшту бай» (помогающие баи) в противоположность «карам бай» (скупому баю), не пользующемуся отношениями польш. В отдельных случаях баи оказывали бедноте и настоящую материальную помощь, правда, случалось это в крайне редких случаях и носило определенный смысл. Таким путем бай укреплял необходимый ему авторитет «благодетеля», но выступал в этой роли тогда, когда производителю грозило окончательное разорение, что не входило в интересы зайсанско-байской верхушки в условиях натурального хозяйства. Условия натурального хозяйства не позволяли поглощать высвобождавшуюся в процессе разорения производителей рабочую силу. Поэтому баю было выгоднее в данных условиях поддержать самостоятельное существование производителя. Бай освобождал себя от обязанности кормить и одевать работника и платить ему за работу хотя бы мизерную заработную плату, и в то же время он обеспечивал себе регулярное присвоение чужого труда и продукта.

Польш можно сравнивать с «крестьянскими арендами из нужды». Эти аренды, по исследованию Ленина, есть аренды крестьянина, который уже не в силах сопротивляться превращению его таким образом в сельскохозяйственного наемного рабочего¹. В этой аренде проявляются феодальные отношения. Бай давал скот в аренду для того, чтобы алтайцы работали на него. Отсюда всего лишь один шаг до капиталистических отношений, так как польш давал возможность расширения воспроизводства байского хозяйства, обеспечивая его дешевой рабочей силой. Байскому помещицкому хозяйству нужен был только толчок, чтобы вступить на этот путь, что и произошло впоследствии, с развитием товарных отношений.

Итак, в отношениях польш мы имеем следующие моменты: 1) натуральный «обмен услуг» между баем, владельцем средств производства, и производителем, нуждающимся в средствах производства; 2) эксплуатация в форме отработок, осуществляемая путем двойного прикрепления производителя, а именно: прикрепления к соб-

¹ Ленин. Т. III, стр. 147.

ственному мелкому хозяйству производителя и к байскому хозяйству; 3) личную зависимость производителя от бая, «внеэкономическое принуждение» (Маркс), так как бай, пользуясь кабальным положением производителя и «родовыми» традициями, делали переход закабаленного производителя от одного бая к другому весьма затруднительным.

К отработкам же мы должны отнести и «древний обычай», по которому «дючина» (административная единица), управлявшаяся зайсаном, обязана была давать зайсану двух постоянных работников в год для обслуживания личного хозяйства зайсана. Работники эти назывались «ярчи» — дровосеки (от слова «яр» — колоть).

Довольно распространенной формой отработок являлась еще «тен улеш» (равная доля) — своеобразная издольщина. На условиях тен улеш бай давали выкашивать свои покосы, давали в аренду свои косы-литовки, которые при отсталой технике алтайского хозяйства также являлись средством эксплуатации. На условиях тен улиш бай снаряжал малоимущих алтайцев собирать кедровый орех, промышлять зверя. Давая лошадь, сестные и огнестрельные припасы, а иногда и ружье, бай обязывал зависимых от него промышленников отдавать ему половину добытой пушнины бесплатно, за «помощь» средствами производства (лошадь, ружье) или продуктами питания. Оставшуюся пушнину бай забирал иногда за деньги, чаще всего за товар. На условиях тен улеш нанимали пастухов, получавших за год пастбы половину приплода стада. Однако и это баю казалось много. Тен улеш давал возможность некоторым пастухам выбиваться в самостоятельные хозяйства. Последнее было крайне невыгодно. Бай в таких случаях прибегали к операции своеобразного кровопускания окрепшего хозяйства. С этой целью они поручали своим людям (джигитам) уничтожить хотя бы половину скота встающего на собственные ноги пастуха, и в темные ночи наймиты бая делали свое гнусное дело. Этим особенно отличался известный бай Аргымай Кульджинов, владевший десятками тысяч голов скота, поставлявший лошадей для дворца Николая II.

Если же бай отдавал косить покос или вспахать поле для ячменя, он делал это на условиях «ортокто» (от слова «орток» — общий). Ортоктор — это типичная издольщина. Бедняк обрабатывал землю бая своим плугом и давал свою лошадь в упряжь. Бай в

Колхозники Ойратии на демонстрации.

качестве тягловой силы давал столько же лошадей, сколько и бедняк, и после уборки ячменя, которую производил тот же бедняк, обмолоченный ячмень делили пополам, причем бай забирал себе, кроме половины зерна, также солому и мякину.

Кроме указанных форм у алтайцев были отработки за «денежную ссуду» для уплаты «калана» (денежная подать), взятую у бая, зайсана или демича, из-за «уважения» к богатству и знатности бая или зайсана, за угощение или приглашение к баю на пир и т. д. Например существовала отработка «айбы кунь» (день долга, день приказания). Бай, оказывающий населению различные мелкие услуги, получал «благодарность» за них в виде работы по хозяйству, чаще всего по покосу. Бай оповещал население, что у него состоится «айбы кунь», и все чем-либо обязанные ехали к нему на покос, захватывая, у кого имелись, косы и везя вино, выкуренное из молока. Ехал тот, кто собирался попросить о чем-нибудь бая, ехали и ничем не обязанные ему бедняки из «приличия», из-за боязни обидеть бая, ехали из-за уважения к богатству и силе бая. Бай варил мясо, выкуривал вино и угощал собравшихся, которые в течение одного дня выкашивали покос или стреливали и укладывали в стога сено. Случалось, что бай приглашал к себе работать на условиях «одуш кунь», заимообразно. Отноше-

ния одуш кунь были кое-где распространены и среди бедняков и середняков. Маломощный хозяин шел к такому же маломощному соседу и просил помочь покосить ему покос на условиях «одуш», т. е. с уплатой долга работой же. Это была система соседской взаимопомощи. Но когда на условиях одуш приглашал работать бай, то он, разумеется, никогда не отдавал долга работой, а вместо этого дарил «подарок», например: шкуру овцы, связку «сырчика» (сушеный сыр) и т. д.—словом платил какой-нибудь натурой.

Насколько широко применялись отработки у алтайцев в повседневной жизни, можно судить уже по тому, что малосостоятельный жених вместо уплаты калыма за жену отработывал тестю от года до десяти лет, предварительно украв невесту¹. Эта своеобразная форма отработки носила название «сельбик иш» (прибавочная работа, добавочная работа). У тубаларов эта форма отработки называлась «кюэ иш» (работа зятя). Если такой зять не крал невесты, то он приходил в дом будущего тестя, договаривался о сроке отработки за жену.

Основные и наиболее распространенные виды отработки, как-то: «полыш», «тен улеш», «ортокто», «айбы кунь», наконец, работа на зайсанов — «ярчи» — необходимо отнести к категории отработочной ренты, которую производители-алтайцы обязаны были доставлять баям и зайсанам как собственникам главных средств производства. Отработки для байства были способом обеспечения своих хозяйств даровой рабочей силой. Для бедноты же, для малоимущих алтайцев эта аренда из нужды, кабала у кочевого помещика, означала агонию хозяйственной самостоятельности, предвещающую превращение мелких самостоятельных хозяев в сельскохозяйственных рабочих. Отработки «полыш», «ортокто», «айбы кунь», «ярчи» — это выросшая в условиях кочевого скотоводческого хозяйства, своеобразная форма русской барщины. Подобно тому как в земледельческом хозяйстве крестьянин за право пользования помещичьей землей обрабатывал землю и для помещиков своим инвентарем, так и в скотоводческом хозяйстве крестьянин-алтаец за право пользования байским скотом или его

продуктами работал на бая (пас скот, заготовлял сено) также со своим инвентарем, хотя скудным и крайне примитивным (лошадь, седло, аркан, нож для срезывания травы и т. п.). Разница заключается в том, что в условиях феодализма, выросшего на базе земледелия, основным средством производства являлась земля, а в условиях феодализма, выросшего у алтайцев на базе кочевого скотоводства, при наличии огромного количества свободных земель основным средством производства был скот. Байи и зайсаны были собственниками табунов, исчислявшихся тысячами и десятками тысяч голов, а крестьяне-скотоводы имели у себя такое количество скота, которое не позволяло прокормить семью и заставляло крестьян брать скот в пользование у бая и платить ему за это отработками. Зайсаны и байи маскировали эксплуататорскую сущность отработок, подделывая ее под «родственную», под «родовую помощь», которой и восторгались некоторые этнографы. Несомненно, что тен улеш (как и полыш и др.) остался у алтайцев со времени господства коллективного производства, когда каждый участвующий в той или иной общей работе получал и «равную долю». Еще до последних дней трудящиеся охотники-алтайцы выходят на промысел артелями, с общим заласом с'естного, живут в тайге одним станом, вместе промышляют и поровну делят между собой добычу, наделяя паем и того, кто несет только заботы по присмотру за станом (обычно старики), и это уравнильное распределение добычи называется также тен улеш, что, собственно, и соответствует настоящему смыслу этих отношений. Но бай совершенно иначе пользуется отношениями тен улеш. Он посылает бедняков-охотников в тайгу на промысел зверя, снабжая производителя ружьем, лошадью, припасами, и за это забирает от них пушнину. Здесь форма отношений старая, но содержание ее изменилось. Из отношений уравнильного распределения, вытекающего из коллективного способа производства, тен улеш превратилась в отработку для эксплуататора-бая. То же самое можно сказать и про отношения одуш кунь, обратившиеся в руках байской феодальной верхушки в форму эксплуатации.

Пролетарская революция ликвидировала власть феодалов, власть буржуазии. Из отсталой, полуфеодальной страны Ойратия, минуя капиталистический путь развития, строит вместе со всем СССР социалистическое хозяйство.

¹ Г. Спасский также отмечает, что у телеутов браки через похищение практикуются чаще среди бедняков. См. ст. «Телеуты или белые калмыки». Журнал «Сибирский вестник». Ч. 15-я. 1821.

С. Петров

БОРЬБА

С

ДУТОВЩИНОЙ*

(ПЕРВЫЙ ЭТАП 1917 и 1919 гг.)

Социально-экономический переплет Оренбургской губернии

Ареной выступления полковника Дутова явилась Оренбургская губерния, одна из «окраинных» губерний, со слабо развитой промышленностью, с большим процентом угнетенных националов: киргизов и башкир и со значительной концентрацией контрреволюционных сил верхов «оренбургского казачьего войска» и местной буржуазии. В Оренбурге перед Октябрьской революцией были два кадетских корпуса, юнкерское училище, школа прапорщиков. Туда заблаговременно были стянуты верные Дутову казачьи части (в составе 3 отделов: Оренбургского, Верхнеуральского и Троицкого), там же концентрировалось бегущее из революционных центров офицерство.

Оренбургское зажиточное казачество, выступая в качестве орудия российского военно-феодалного империализма, захватило в свои руки наиболее плодородные земли, оттесняя киргизов, башкир и татар в засушливые, безводные степи.

Эта зажиточная часть казачества, владевшая значительными участками земли, была благоприятной почвой для развертывания контрреволюционных выступлений. Однако, будучи втянуто как и все остальное население России в общий капиталистический товарооборот страны, казачество

* Настоящая статья представляет собой значительно сокращенный нами очерк тов. Петрова, присланный редакцией «Истории гражданской войны». — Редакция.

неизбежно дифференцировалось. К 1917 г. беднота и малоимущие в среде казачества составляли 35—40%. Эти слои стали базой развертывания большевистского влияния и основным массивом, из которого комплектовались группы «трудового казачества».

26 апреля 1917 г. в Оренбурге под руководством офицерско-кулацких групп был создан войсковой круг «оренбургского казачьего войска». Постановления этого круга шли по пути сохранения кастовости и привилегий казачества. Круг высказался за создание самостоятельной области «Оренбургского казачьего войска», превращая тем самым казачество в замкнутое военное сословие. Вся территория, горные богатства, недра, минеральные и рыболовные воды были объявлены достоянием лишь войскового казачьего населения. По мнению круга, должно быть создано самостоятельное войсковое горное управление; должны быть возвращены войску гора Магнитная (тепешинский Магнитогорск), участки немецких колонистов, расположенные на земле войска, и «излишки» бывших офицерских (казачьих) участков, проданных с.-х. товариществам и крестьянским обществам. Круг резко подчеркивает стремление к сохранению сословных привилегий казачества, заявляя, что «земельным наделом должны пользоваться лишь лица войскового сословия», «казачки, вышедшие замуж за иногороднего, теряют право на землю».

Эти попытки сохранить обособленность казачества как контрреволюционной силы еще более ярко подчеркнуты в программе «общеказачьей демократической партии», имевшей свой руководящий центр в Троицке. Наряду с заявлением, что партия отстаивает создание «демократической республики с пропорциональным представительством всех народов России», программа отмечает, что «к числу наций, обладающих представительством, должны быть отнесены также и казачьи войска как исторически обособленные единицы с отличным от окрестного населения экономическим бытом и ясными чертами своеобразной государственности»¹. Под лозунгом «казачество — особая нация» развертывалась деятельность этой партии.

¹ Уралпартархив. Дело № 51. «Дутовщина на Урале». Программа общеказачьей партии.

Соответственно «разрешался» этой партией и земельный вопрос: «земли, леса, недра, рыболовные воды... как историческое достояние казачества составляют неотъемлемую собственность... казачьего войска», «все частновладельческие, государственные, удельные, кабинетские, монастырские и церковные земли как выделенные из казачьей территории, так и расположенные на ней должны возвратиться в собственность... казачьего войска».

Эти контрреволюционные постановления были поддержаны старыми станичниками, имевшими за плечами немало лет службы «верой и правдой» царскому правительству. Основная же масса рядовых казаков-фронтвиков, т. е. казачья беднота, особенно молодежь, живя и общаясь с солдатской массой, постепенно начинала все в большей и большей степени проникаться большевистскими настроениями.

Значительную роль в революционизировании массы оренбургской казачьей бедноты сыграл большевик-фронтвик И. Д. Каширин, избранный председателем дивизионного комитета 1-й оренбургской казачьей дивизии.

Под его руководством с фронта были разсланы в станицы Верхнеуральского и Троицкого округов большевистски настроенные агитаторы. Они развернули работу по сколачиванию революционных элементов казачества, по организации групп трудового казачества. Такие же группы были созданы и в строевых казачьих частях на фронте. А для развертывания революционной работы в Оренбурге дивизионным комитетом в мае 1917 г. был командирован сам И. Д. Каширин, которому удалось полулегально сколотить в Оренбурге группу трудового казачества в 20—30 человек.

Работа групп трудового казачества расширялась, и их влияние среди казаков росло. Эти группы явились зародышем тех красных казачьих частей, которые впоследствии приняли активнейшее участие в окончательном разгроме дутовщины и Колчака.

Подготовка контрреволюционного выступления

В страхе перед фактом все возрастающего влияния большевизма в России председатель Совета всероссийского союза казачьих войск Дутов, выполняя планы Антанты по созданию контрреволюционного, монархического казачьего базиса — плацдарма для контрреволюционных выступле-

ний, начал борьбу за выделение казачьих областей в особую федеративную республику.

«Нам нужно устроить свою казачью федеративную республику, — говорит Дутов на сентябрьском заседании Оренбургского войскового круга. — Мы, казаки, есть особая ветвь великорусского племени и должны считать себя особой нацией. Мы сначала казаки, а потом русские. Россия — большой, разлагающийся организм; из опасения заразы мы должны спасти свои животы. Наши леса, воды, недра и земли мы удержим за собой, а Россия, если она не одумается, пусть гибнет»¹.

«С первых же дней появления советского правительства, — пишет т. Сталин, — Антанта... проводила план экономического скружения Центральной России путем отрыва от нее наиболее важных окраин»².

Дутов был одним из первых исполнителей этого плана.

В его задачу входило отрезать от революционных центров России богатые хлебом, мясом, маслом и др. продуктами такие области, как Сибирь, Южный Урал, Оренбургскую губернию и Тургайскую область, выполнив, таким образом, намеченный еще Рябушинским план удушения революции костлявой рукой голода.

Еще до Октября, при помощи Временного правительства, назначившего его главным уполномоченным по продовольственным делам в Оренбургской и Тургайской областях, Дутов начинает свои действия в этом направлении.

Во второй половине сентября Дутовым рассылаются по станицам и казачьим полкам казачьи офицеры-агитаторы, широко распространявшие слух о том, что большевики и советы хотят якобы «уничтожить казачье сословие», отнять все их права и землю, и т. п. клеветнические измышления на советы.

Кулацкая часть казачества и казачьи урядники, не желавшие расстаться с перспективой производства в офицеры, поддерживали Дутова.

Одновременно Дутов искал поддержку в лице местных организаций «социалистических» партий — меньшевиков и эсеров. Уже 23 сентября председатель оренбургского губернского «Комитета общественной безопасности» обратился к войсковому кругу с

¹ Газета «Уральский рабочий» № 53 от 5/XII 1917 г.

² И. Сталин. Сборник статей по национальному вопросу, стр. 21.

просьбой «об оказании казачьими властями помощи в деле предупреждения и пресечения беспорядков, могущих возникнуть в городе» (под «беспорядками» подразумевались, конечно, революционные выступления)¹.

Под руководством Дутова намечается план контрреволюционного выступления соединенных сил оренбургского, сибирского, астраханского и уральского казачьих войск, которые должны были отрезать от центра революционной России Сибирь и юговосточные окраины и развернуть поход на Москву.

Тотчас вслед за получением известий о переходе власти в руки советов в Петрограде и Москве Дутов приступает к срочной мобилизации казачьих войск. 1 ноября им издается приказ № 834 по всему «Оренбургскому казачьему войску»², в котором указывается, что «работающие на немецкие деньги» большевики, захватив власть в свои руки, «предают полному разорению города и грозят разрушением войску и губернии, «желая» окончательно предать Россию в руки немцев». Дутов обращается к казакам с призывом помочь «разбить коварные замыслы большевиков, замыслы, идущие из Германии», и приказывает всем атаманам округов и станиц экстренно представить сведения, «сколько будет добровольцев-казаков», желающих бороться с большевиками. Одновременно с этим Дутов предупреждает казаков, что войсковое правительство прибегнет к мобилизации, поэтому «ближайшие возрасты из подлежащих призыву казаков должны быть готовы выступить по первому зову войскового правительства».

Приказ кончается выражением уверенности, что «казаки свято исполняют свою историческую задачу—спасут Россию и каждый из казаков явится для нее Мещинным и Пожарским».

Очередной окружной съезд казаков 3-го округа (Троицкого) уже 31 октября постановляет: предоставить окружному атаману право сделать распоряжение о всеобщей мобилизации казаков в станицах Ключевской и Нижнеуевельской «на случай подавления могущих быть беспорядков в городах округа»³.

¹ Уралпартархив. Дело № 51. Протокол заседания чрезвычайного войскового круга оренбургского казачьего войска от 23 сентября 1917 г.

² Уралпартархив. Дело № 51. «Дутовщина на Урале».

³ Уралпартархив. Дело № 51.

ВСЬМЬ, ВСЬМЬ, ВСЬМЬ...

Ко всему населению, всемъ Собѣтамъ Рабочихъ Солдатскихъ и Хрестьянскихъ Депутатовъ.

Советъ Народныхъ Комиссаровъ.

Воззвание Совнаркома о борьбе против Корнилова, Каледина и Дутова.

Аналогичные решения были вынесены по 1-му и 2-му округам.

Наряду с удержанием в своих руках Оренбурга Дутов имел в виду захват в первую очередь Троицка, Челябинска как важнейших стратегических пунктов, дающих возможность отрезать Сибирь от Урала и центра России. Захват Орска и Ташкента должен был обеспечить тыл Дутова с юго-востока.

Наступательные же действия против советской власти Дутов предполагал развернуть в сторону Москвы, намечая в первую очередь захват Самары и Саратова, Уфы и Казани.

Тотчас же после Октябрьского переворота Дутову удалось рядом стремительных действий добиться установления диктатуры казачьего атамана Токарева в Троицком округе. Троицкие казаки выступили на помощь челябинским. 3-тысячный отряд подесаула Титова подошел к самому городу. Под угрозой наступления 11 тысяч казачьих сил челябинский совет, 27 октября взявший власть, должен был уже с начала ноября уйти в подполье. Вооруженных сил

для сопротивления контрреволюции у него не было.

Власть перешла формально к городской думе.

Захват Троицка и Челябинска Дутовым, следовательно, был осуществлен.

Контрреволюционный переворот в Оренбурге

Центром дутовского выступления был Оренбург—столица «Оренбургского казачьего войска». В этом административном, военном, торговом и заготовительном пункте была довольно значительная прослойка чиновников, торговой буржуазии, ведущей крупную торговлю с киргизами и калмыками, и промышленников—заводчиков, владельцев кожевенных заводов, мельниц, крупорушек и т. п.

В то же время рабочая прослойка в Оренбурге была небольшой. Крупных промышленных предприятий, за исключением железнодорожных мастерских, в городе не было. Передовую революционную роль в Оренбурге играли рабочие железнодорожных мастерских. Именно на них в первую очередь и опиралась в своей деятельности местная большевистская организация.

Контрреволюционной работе Дутова оренбургские большевики противопоставили энергичную массовую работу среди рабочих и солдат. В начале августа большевики при перевыборах совета рабочих депутатов получают большинство, вытесняя меньшевиков и эсеров. В начале октября в связи с перевыборами ротных и полковых комитетов большевики завоевывают совет солдатских депутатов.

Потерявшие доверие в массах меньшевики и эсеры концентрируют свою деятельность вокруг местного «Комитета общественной безопасности» и комиссара Временного правительства, заручившись обещанием поддержки Дутова в случае революционных выступлений масс. Создается прямой союз казачьего атамана с «социалистическими» партиями.

Тотчас же после Октябрьского переворота «Комитет общественной безопасности» переформировался в «Комитет спасения родины и революции», включил в свой состав представителей партий правых эсеров, меньшевиков, энэсов, кадетов, представителей национальных «демократических» (т. е. буржуазных) организаций и объявил себя единственной властью в городе и губернии. Председателем «Комитета» был правый эсер Барановский. В состав «Комитета» вошел и

местный губернский комиссар, назначенный Временным правительством правый эсер Архангельский.

Свою борьбу с большевиками «социалистический» «Комитет» начинает с закрытия большевистской газеты «Пролетарий» (на третьем номере), ареста ее редактора большевика тов. Коростелева и разгрома большевистской типографии. На другой день закрывается большевистский клуб¹.

Но по энергичному настоянию большевистской организации и шедших за ней рабочих и солдат тов. Коростелев был освобожден через несколько часов после ареста. Восстановить же легальный выход газеты и добиться возвращения клуба большевикам, однако, не удалось. Но еще с большей энергией они перешли к развертыванию полуполигальной работы. Под руководством приехавшего из Петрограда со II съезда советов видного оренбургского работника, большевика тов. Цвиллинга, в цирке были организованы два массовых собрания рабочих и солдат (на которых присутствовало по нескольку тысяч человек). На собраниях были заслушаны доклады о работе II съезда советов и значении Октябрьской революции.

Цирк был оцеплен дутовскими войсками, и дальнейшие большевистские массовые городские митинги были запрещены. Большевики продолжали работу по фабрикам, заводам, мастерским, полкам и ротам.

Тогда дутовцы с явно провокационной целью в ультимативной форме предложили совету признать власть «Комитета спасения». В ответ на отказ они арестовали видных местных большевиков: А. Коростелева, Н. Мартынова, С. Кичигина, М. Макарова, Лобова, Москимова (тов. Цвиллинга дутовцы не нашли).

Оренбургские рабочие под руководством большевистского стачкома начали массовую политическую стачку-протест, в которую включились железнодорожные мастерские, депо, мельницы и другие предприятия города.

Нормальная жизнь в городе была парализована. Стачка распространилась и на станцию Бузулук: железнодорожники не пропускали в Оренбург никаких грузов.

Совет перешел в помещение каравансарая и продолжал свою работу. 12 ноября в Оренбург конспиративно приезжает из Петрограда командированный Совнаркомом

¹ «Известия челябинского ВРК» № 21 от 5/I 1918 г.

тов. П. А. Кобозев. Он делает доклад о ходе событий в центре и сообщает о предполагаемом наступлении на Оренбург революционных частей Самары и Бузулука с целью разгрома дутовщины.

Предложив немедленно избрать военно-революционный комитет и готовить силы к свержению Дутова, тов. Кобозев уехал обратно в Самару.

Оренбургские большевики начали энергично готовиться к выступлению и захвату власти советами, в которых установилась гегемония большевиков. В ночь с 14 на 15 ноября собрание советов солдатских и рабочих депутатов полковых, ротных и командных комитетов выбрало военно-революционный комитет¹ и приняло «приказ по оренбургскому гарнизону» № 1².

В нем объявлялось о передаче всей власти в городе и гарнизоне военно-революционному комитету. Воинским частям предлагалось исполнять лишь те приказы, которые будут утверждены военно-революционным комитетом и подписаны назначенным начальником гарнизона комиссаром, членом военно-революционного комитета вольноопределяющимся тов. Поповым.

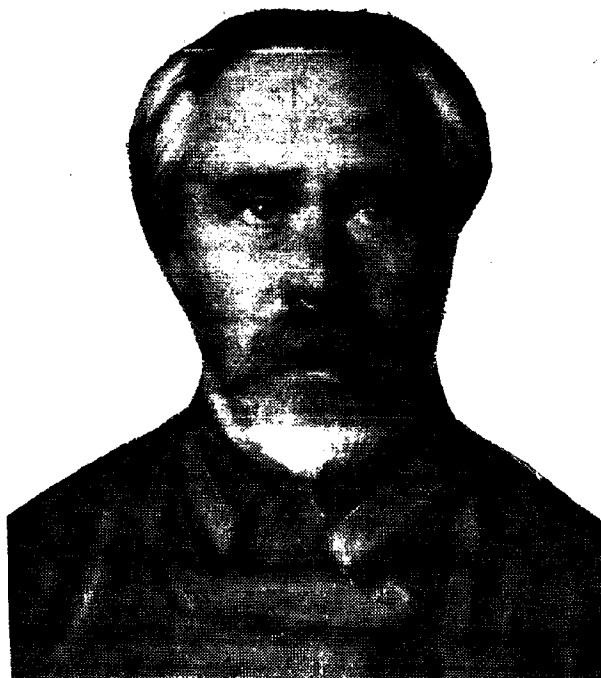
Но в 2 часа той же ночи 15 ноября здание каравансарая было оцеплено ротой юнкеров и казаками, вооруженными пулеметами. Под руководством начальника милиции эсера Кампашидзе руководящая часть совета и военно-революционный комитет (всего более 100 человек) были зверски избиты и арестованы³.

В ответ на контрреволюционный переворот 15 ноября забастовали все предприятия. Оренбург превратился в мертвый город. Забастовка особенно остро сказалась на продовольственном снабжении населения. Подвоз хлеба прекратился, запасы его истощились, население стало голодать. Дутовцы вынуждены были послать специальную делегацию в тюрьму к... арестованным большевикам с просьбой дать разрешение на возобновление подвоза продовольствия. Под руководством развернувших подпольную деятельность большевиков рабочие категорически отказались возобновить работы. Они предпочитали голод укреплению диктатуры Дутова.

¹ Состав ВРК: от рабочих — гг. Цвилинг, Чельшев, Бурчак, Абрамович, от военных — Попов, Закурдаев, Гаврилов и от парторганизации — тов. Марвейский.

² Личный архив тов. Кобозева.

³ Газета «Вольный Урал» № 39 от 27 декабря 1917 г.

Тов. П. Кобозев.

Так же враждебно к установлению власти Дутова отнеслись и солдаты и беднейшее крестьянство. Солдатский гарнизон Оренбурга был основательно распропагандирован большевиками.

Дутов вынужден был несмотря на недостаток военных сил распустить солдатский 30-тысячный гарнизон Оренбурга по домам.

Крестьяне не хотели признавать денег, выпущенных «Комитетом спасения», и брать их взамен реквизируемого дутовскими отрядами хлеба и фуража. Они отказывались даже от получения так называемого «солдатского пайка», выплачиваемого этими «липовыми» дутовскими кредитками.

Буржуазия же сразу разглядела в Дутове своего спасителя от грозной пролетарской революции. Для нее день свержения власти советов в Оренбурге был праздником.

25 декабря «Комитет спасения родины и революции» постановил «открыть Оренбургский военный округ и звание командующего округом поручить войсковому атаману А. И. Дутову»⁴.

Формально власть в Оренбурге принадлежала эсеро-меньшевистскому «Комитету спасения родины и революции», развернувшему свою деятельность под флагом защиты «демократии» от «узурпаторов-большевиков». Фактически же была установлена

⁴ Газета «Оренбургское земское дело» от 26 декабря 1917 г.

диктатура Дутова, в руках которого «демократические» и «социалистические» партии были простыми пешками.

Дутов энергично собирал свои контрреволюционные военные силы, вооружение и снаряжение которых были значительно лучше нежели у красных. Помимо ограбления оренбургских военных складов Дутов сумел еще в первых числах ноября захватить из троицких складов около ста подвод обмундирования, винтовок, пулеметов и бомбометов.

В результате у Дутова образовался крепкий белогвардейский отряд в 6—7 тысяч человек. С этим отрядом Дутов и повел борьбу с красными войсками.

Организация сил на борьбу с Дутовым

Впротивовес Дутову под руководством большевистских организаций была развернута широкая работа по собиранию революционных красногвардейских отрядов. Весь революционный, пролетарский Урал горячо откликнулся на призыв оренбургских рабочих о помощи.

Екатеринбург, Уфа и Пермь, эти важнейшие центры Урала, развернули особенно энергичную работу по комплектованию красногвардейских отрядов на борьбу с Дутовым. Это было чрезвычайно трудным делом.

Первое время приходилось тут же, на месте, изыскивать нужные средства, подбирать людей, комплектовать отряды, вооружать их и снабжать продовольствием. Красногвардейские отряды только начали оформляться в устойчивые боевые единицы.

Тов. Кобозев, назначенный СНК главным чрезвычайным комиссаром Оренбургской и Тургайской областей, прибыв в г. Бузулук, принялся с местными большевистскими и советскими организациями за мобилизацию революционных сил. Был вооружен солдатский гарнизон, разоруженный местными офицерами. По всем воинским частям была проведена выборность командного состава, так как в первую очередь надо было удалить из частей контрреволюционных офицеров.

На собраниях бузулукских железнодорожных рабочих был брошен клич об организации красной гвардии. Железнодорожники с энтузиазмом отозвались на этот призыв, и их красногвардейские отряды первыми явились на борьбу с дутовщиной.

Оренбургская губерния и Тургайская область были объявлены тов. Кобозевым на осадном положении. В Бузулуке было орга-

низовано новое, советское управление дорогой. Все районы линии Ташкентской ж. д. известили тов. Кобозева о признании его начальником дороги и о подчинении его распоряжениям. Грузы, идущие в Оренбург, железнодорожниками задерживались.

В руководстве борьбой с Дутовым непосредственное участие приняли товарищи Ленин и Сталин.

26 ноября (9 декабря) к Ленину явилась делегация оренбургских железнодорожников с просьбой о помощи. Ленин тотчас же пишет следующую записку:

«В штаб — Подвойскому или Антонову. Податели — товарищи железнодорожники из Оренбурга.

Требуется экстренная военная помощь против Дутова. Прошу обсудить и решить практически поскорее. А мне черкнуть, как решите. Ленин»¹.

Тов. Антонов-Овсеенко тотчас же отдает распоряжение о посылке на борьбу с Дутовым эшелона в 600 матросов с линейных кораблей «Андрей Первозванный» и «Петропавловск» и 17-го стрелкового полка под общим командованием мичмана тов. Павлова, при комиссаре Щекине. Эшелон направился в Челябинск.

Восстановление власти советов в Челябинске и Троицке

К 20 ноября в Челябинск прибыла помощь из Самары — сводный отряд солдат Самарского запасного пехотного полка в 500 штыков с артиллерийской батареей из 8 трехдюймовых орудий. Во главе отряда стояли военком тов. Блюхер и бывший полковник старой армии Есь. Тов. Блюхер, рабочий-мануфактурщик, унтер-офицер Самарского полка, сразу выдвинулся в ряды талантливых пролетарских командиров. Он энергично развернул работу по формированию стойких, дисциплинированных красногвардейских частей.

Прибытие отряда тов. Блюхера сразу же изменило соотношение сил в Челябинске. Власть эсеров-кадетской городской думы никаким авторитетом в массах не пользовалась и держалась лишь благодаря контрреволюционным частям троцкого казачества.

В тот же день, на объединенном собрании совета рабочих и солдатских депутатов, полковых и ротных комитетов, Центральное бюро профсоюзов, районных жел.-дор. комитетов 223 голосами при 2 воздержавшихся

¹ Журнал «Война и революция». Кн. 2. 1927 г.

Тов. Кобозев выступает на митинге перед отправкой на Оренбургский фронт.

было постановлено: «Власть в Челябинске и в его окрестностях переходит в руки советов рабочих и солдатских депутатов»¹.

Здесь же был избран военно-революционный комитет. Под руководством тов. Блюхера вновь было вооружены красногвардейские отряды.

Постепенно в Челябинск стягиваются красногвардейские отряды со всех концов Урала: из Уфы—рабочая дружина в 400 человек, из Перми и Мотовилихи—красногвардейский отряд в 300 штыков, из Омска—2 пулеметных команды, из Кунгура—пехотный отряд и т. д., всего до 2000 красногвардейцев. Помимо этого челябинские рабочие выделяют красногвардейский отряд в 300 человек. Под руководством тов. Блюхера приводится в боеспособное состояние челябинский солдатский гарнизон 109-го и 163-го полков. Наконец, прибывает «Северный летучий отряд» матросов и солдат 17-го стрелкового полка под командованием тов. Павлова.

Советские отряды, получив такое мощное подкрепление, с 20 декабря под командованием тов. Павлова перешли в наступление на Троицк. На 6-й версте от Челябинска, близ ст. Шерстни, происходит первая встреча с казаками: замеченная красными войсками казачья разведка обстреливается матросами и отступает. Под ст. По-

летаево происходит первый бой с казаками. Не выдержав стремительного натиска красных отрядов, казаки отступают к ст. Еменжелинской. Здесь разворачивается главный бой советских отрядов с троицкими казаками, закончившийся решительной победой красных. 22 декабря (4 января) станция была занята красногвардейцами.

Озлобленные казаки, отступая, сняли на станции телеграфные и телефонные аппараты, испортили водокачку, разобрали жел.-дор. путь, взорвали жел.-дор. полотно. Это задержало наступление отрядов тов. Павлова. Станция Нижнеуельская была занята после боя, 24 декабря (6 января).

А на следующий день, в ночь с 24 на 25 декабря, красными после небольшого боя с казаками был занят и Троицк. В бою под Троицком было взято в плен около 300 казаков. Пленные казаки были собраны у штаба «Северного летучего отряда». После допроса руководители красного отряда провели с ними беседу, разъясняя им цели и задачи пролетарской революции и советской власти и классовую сущность дугонской контрреволюции. Казаки призывались к переходу на сторону советской власти, к борьбе со своим кулацко-офицерским начальством, к организации советов групп трудового казачества, после чего распускались по домам. Эта большевистская агитация была мощным орудием в деле революционирования масс. Рассыпавшиеся по станциям казаки-бедняки всюду разносили весть о том,

¹ «Известия Челябинского ВРК» № 1 от 26/XI 1917 г.

что большевистские красные отряды несут освобождение всему трудовому народу.

Красным войскам удалось арестовать лишь трех главарей троцкистской казачьей контрреволюции¹. Почти вся контрреволюционная головка (и в частности штаб) успела заблаговременно бежать и вновь стала группировать свои силы в 45 верстах от Троицка, в поселке Кособродском, где были сильны контрреволюционные настроения у казачества.

Победившие советские отряды энергично занялись укреплением советской власти в Троицке.

Первое наступление красных отрядов на Оренбург

3 декабря со стороны Бузулука была произведена первая разведка. В сторону расположения дутовских войск, вдоль по линии железной дороги, был направлен под руководством тов. Кобозева бронированный поезд с отрядом сызранских улан, солдат Бузулукского полка, красногвардейцев и рабочих-железнодорожников числом в 500 человек. «Броня» поезда была довольно своеобразной: между досками и стенками вагонов насыпалась земля и укладывалась вата. Это примитивное приспособление предохраняло бойцов от пуль.

Наступавшие красные части, беспрестанно заняв ст. Платовку, под ст. Переволоцкой, между 11-м и 12-м разъездами встретились с казачьей цепью, открывшей по ним огонь. Тов. Кобозев, находившийся на паровозе, на котором стоял пулемет, приказал машинисту двинуть поезд вперед, в атаку на дутовцев, которая, однако, была безуспешной. Силы казаков значительно превосходили силы красных. Положение становилось критическим.

Неожиданно позади красных послышался грохот несущейся к месту боя артиллерии. То была артиллерийская батарея из Самары под командованием тов. Ходакова, посланная тов. Куйбышевым (бывшим тогда председателем самарского совета).

Тов. Кобозев так передает этот критический момент: «Я вижу, что нас сомнут. Наша цепь малюсенькая. Вдруг вижу: к нам скачет артиллерия. Ее приезд был настолько неожиданным и своевременным, что я, инженер, совсем забыл, что артиллерия бьет по цепи с определенного расстояния, не подводя вплотную к врагу. Горя желанием поско-

рей получить ценную помощь орудий и опрокинуть дутовцев, я опрометчиво отворяю дверь бронированного поезда и нетерпеливо рукой машу артиллерии: сюда! сюда! А она не идет: как бы застряла в снегу. Вдруг падает снаряд и разрывается прямо в дутовской цепи казаков, которые концентрировались у переезда 14-го. За первым снарядом — другой, третий и т. д. И все с удачным попаданием».

Появление артиллерии решило участь боя: казаки отступили.

Первая победа красногвардейцев задержала продвижение противника на Бузудук.

Поражение казачьих цепей и в особенности чрезвычайно меткий огонь артиллерии вселили панику в дутовские войска. Среди них прошел слух, что большевиками командуют немецкие генералы.

После этой разведки тов. Кобозев производит дальнейшую работу по накоплению сил, по их формированию и укреплению.

Эта работа протекала под непосредственным руководством Совнаркома, ЦК партии и тов. Сталина. Тов. Сталин сносился с тов. Кобозевым или его заместителем тов. Германом по прямому проводу, телеграфно или нарочными. Так, в ответ на донесение о порядке формирования красных отрядов против Дутова тов. Сталин телеграфировал:

«Точь-вточь такой проект формирования красных отрядов и солдат выработан на недавнем чрезвычайном совещании морских и военных представителей ставки. Негодные элементы распускайте, годные сплавивайте в революционные отряды. Пусть будет меньше людей, но зато будут верные. Этот путь верный, и можно идти по нему смело. Сталин»².

Тов. Сталин настаивал на проведении быстрых, решительных мероприятий и сколачивании революционных сил против Дутова. Успех разгрома контрреволюции в условиях транспортной разрухи и невозможности быстрого сношения окраин с центром зависел в первую очередь от инициативности, энергии и быстроты действий местных органов власти. И именно к этому прежде всего призывал тов. Сталин.

В ответ на просьбу тов. Германа — выслать деньги на содержание армии и на поддержку оренбургских стачечников, тов. Сталин телеграфирует: «Я удивляюсь вашему бессилию. Неужели вы из банка не можете

¹ «Уральский рабочий» № 3 от 5 января 1918 г.

² Личный архив тов. Кобозева. Телеграммы тов. Сталина.

взять нужную сумму, неужели вы будете считаться с бумажными уставами? Деньги вышли сегодня же, но, не дожидаясь получения этих денег, достаньте на месте, хотя бы в банке...

...Раз навсегда запомните нашу просьбу. Когда отряды нуждаются в деньгах, они должны добыть деньги всеми средствами, не останавливаясь ни перед чем»¹.

В то же время тов. Сталин заботится о быстрой отправке подкреплений на Оренбургский фронт, о высылке снаряжения, оружия и т. д. Он занимается вопросами отправки на фронт аэропланных бомб, сигнальных ракет, броневика, пехоты и т. д. Заботливое отношение к нуждам фронта, быстрое реагирование на его запросы — характерная черта работы тов. Сталина по руководству операциями против Дутова. На просьбу о высылке подкреплений тов. Сталин тотчас же сообщает: «Немедленно созыву чрезвычайное совещание военное целью оказания решительной поддержки. Крепитесь и не слишком торопитесь наступлением. дайте передохнуть своим и дождитесь подхода подкреплений»².

К 20 декабря в распоряжении тов. Кобозева в связи с прибытием ряда подкреплений скопилось уже до 2000 красногвардейцев и солдат. Самарский отряд (пехота и пулеметчики) состоял из 350 красногвардейцев-добровольцев, рабочих самарских заводов (большевиков и беспартийных) под командованием тов. Гавриленко и членов самарской организации анархистов — Черной гвардии — в 150 человек под командованием анархиста Еврасика. С Урала прибыл отряд рабочих-красногвардейцев с заводов Мотовилихинского и Ивашенского в 300 человек под командованием тов. Карташева. Бузулукский отряд состоял из 120 сызранских кавалеристов-улан, 280 солдат-пехотинцев 170-го полка и 150 красногвардейцев. Артиллерийский отряд, включавший тяжелую и легкую артиллерию, имел 128 человек. Командовал им хороший стрелок, артиллерист-наводчик тов. Ходаков. Вспомогательный технический жел.-дор. отряд состоял из 40 железнодорожников-рабочих под командованием тов. Федоровича, железнодорожного дутовцами жел.-дор. пути, восстановленная задача по исправлению взрываемого дутовцами жел.-дор. пути, восстановлению взорванных мостов. Казанский отряд

¹ Личный архив тов. Кобозева. Телеграммы тов. Сталина.

² Там же. Телеграмма, адресованная тов. Герману.

Тов. Блюхер.

состоял из 200 человек добровольцев-красногвардейцев, рабочих заводов Казани и солдат казанского гарнизона. Из Челябинска прибыл отряд в 300 человек красногвардейцев, железнодорожников-рабочих и солдат челябинского гарнизона.

Быстрому развертыванию операций против Дутова значительно мешали демобилизованные солдаты царской армии. Безостановочный поток серых шинелей направлялся с фронта через Самару к себе домой, за Оренбург.

Красногвардейцам приходилось отвлекаться от борьбы с Дутовым и заниматься разоружением этих демобилизованных фронтовиков.

20 декабря, в 6 час. вечера, тов. Кобозев телеграфно шлет Дутову ультиматум: в 24 часа добровольно сдать власть в руки советов, угрожая в противном случае «воинской силой восстановить народоправство в Оренбурге»³. На этот ультиматум Дутов не дает ответа. Тогда тов. Кобозев отдает красным отрядам приказ перейти в наступление.

³ «Известия челябинского ВРК». Сб. 21 от 5 января 1918 г.

21 декабря (3 января 1918 г.), в 7 час. вечера, отряды тов. Кобозева выступили из Бузулука.

Станция Ново-Сергеевка была последней станцией, находившейся в руках красных частей. Как только на рассвете 22 декабря (4 января) красные отряды покинули станцию Ново-Сергеевку, они столкнулись с дутовскими частями. Бой с основными казачьими отрядами развернулся под самой ст. Платоновкой. Он окончился победой красных.

Следующий бой завязался под раз'ездом 12-м: опять белогвардейцы под давлением сильного огня красных отступили. При отступлении дутовцы сожгли ряд мостов и взорвали жел.-дор. полотно. Началась кропотливая, тяжелая работа технического отряда жел.-дор. рабочих по восстановлению разрушенного пути.

Под ст. Переволоцкой белогвардейцы хотя и приняли бой, однако как и раньше вынуждены были отступить.

Главные силы белогвардейцев были сосредоточены под 13-м раз'ездом.

Казачьи, юнкерские части и школа прапорщиков были размещены в хороших земляных окопах, замаскированных снегом. Они были вооружены не только винтовками, но и значительным количеством пулеметов и 2 трехдюймовыми орудиями.

Наступающие красные войска были встречены сильным орудийным и пулеметным огнем и артиллерийским обстрелом. Ответный огонь был открыт артиллерией тов. Ходакова, меткость выстрелов которой решила исход борьбы. Дутовцы панически бежали, не успев даже подобрать раненых. Главные части их поспешно отступили на поезда к ст. Сырт, где опять укрепились в окопах. Но красным войскам, не имевшим достаточного количества кавалерии, в условиях жестокого мороза и глубокого снега не удалось на этот раз окончательно разгромить отступающего противника.

Ожесточенный бой развернулся близ самой ст. Сырт, и вновь меткий огонь красной артиллерии заставил казаков панически бежать.

«Красногвардейские части, преследуя врага по пятам, заняли 15-й и 16-й раз'езды. Одновременно им приходилось восстанавливать взорванные казаками мост и ж.-д. полотно»¹.

¹ Архив тов. Кобозева. Разведочный разговор наших телеграфистов и тов. Кобозева по проводу.

Бой под ст. Каргалой был еще более яростен. Он длился несколько часов и был прекращен лишь ночью, не дав победы ни той, ни другой стороне.

В ночь с 26 на 27 декабря тов. Кобозевым неожиданно было получено известие, что «вся Донецкая станция поднялась на ноги и идет на Сырт»². Оказалось, что в станциях Донецкой и Малаевке была спрятана засада в 120 юнкеров. Юнкера, завербовав среди монахинь местного монастыря верных сообщниц и энергичных агитаторш, провели ряд митингов по казачьим станциям и сумели мобилизовать тысячный отряд казаков для борьбы с красными. В ряде мест, между станциями Переволоцкой и Каргалой, они подпилили и свалили на линию телеграфные столбы и взорвали жел.-дор. пути.

Красногвардейцам пришлось отступить перед превосходящими силами неприятеля. С боями продвигались красные эшелоны обратно, восстанавливая разрушенный путь. Особенно жаркий бой пришлось им выдержать под вероломной станцией Донецкой, около раз'езда 14-го, где казаками было организовано два крушения поездов красных.

Вновь геройская, самоотверженная работа железнодорожников спасла положение. Под огнем противника рабочие восстановили жел.-дор. линию.

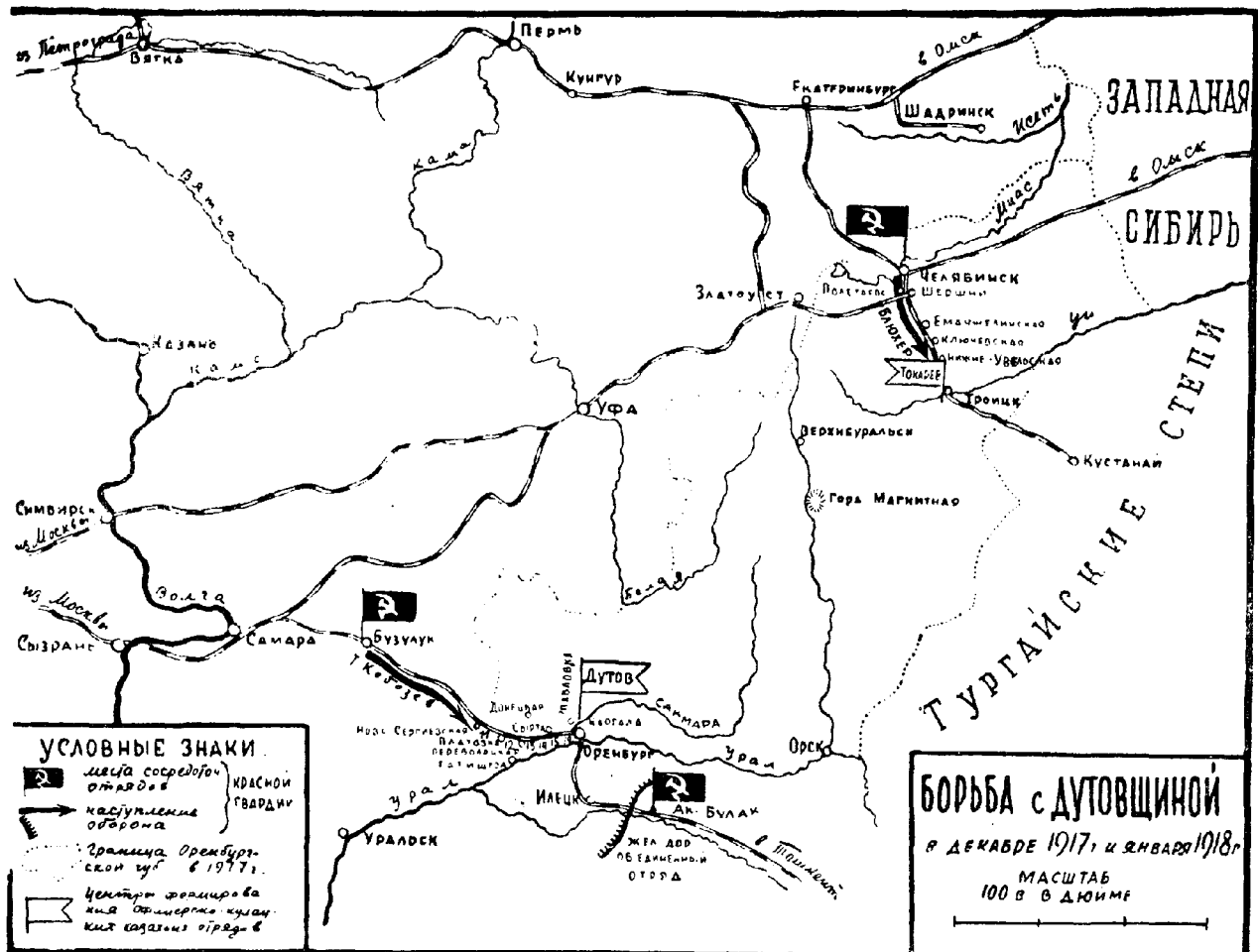
Весть об отступлении красных частей быстро облетела рабочий Урал. На ряде заводов срочно комплектовались новые красногвардейские отряды и отправлялись на фронт против Дутова. В то же время разложение в казачьих кругах продолжало расти.

Скрывшиеся в подполье большевики продолжали свою революционную агитацию в массах. Пользуясь влиянием в среде типографских рабочих, большевики организовали печатание и распространение прокламаций, листовок, воззваний. Обеспеченный «Комитет спасения родины» предупреждал население:

«Ко всем, исходящим от большевиков воззваниям, имеющим цель посеять смуту и тревогу в городе, надлежит относиться без всякого доверия и немедленно их срывать»³.

² Архив тов. Кобозева. Разговор тов. Кобозева из 16 раз'езда с тов. Коростелевым. Станция находилась недалеко от жел.-дор. полотна. Перед боем она замаскировала свою враждебность к красным, прикинувшись нейтральной.

³ Уралпартархив. Дело № 51. «Дутовщина на Урале», стр. 105.

Борьба с дутовщиной.

Симпатии трудящегося населения Оренбурга были целиком на стороне большевиков. Стачка рабочих несмотря на репрессии и преследования упорно продолжалась.

Происходившие в условиях разгула дутовской диктатуры выборы в Учредительное собрание наглядно показали влияние большевиков в массах. Большевики, не имевшие возможности вести какую-либо легальную деятельность, заняли первое место по числу поданных за них голосов¹. Они собрали 10 000 голосов среди гражданского населения. Трудящиеся массы под гнетом дутовской казачьей нагайки и офицерско-юнкерского штыка демонстрировали свою преданность идеям пролетарской революции.

В условиях жестокого террора и тщательной эсеро-меньшевистской полицейской лежки оренбургские большевики сумели создать подпольную красную гвардию. Под руководством большевика тов. Левашева было вооружено до ста красногвардейцев. Разрабатывался план, и велась подготовительная работа к организации восстания против Дутова в самом Оренбурге.

Подпольная красная гвардия подготовля-

ла побег из тюрьмы заключенных большевиков за участыю которых с тревогой следили рабочие. Им было передано в тюрьму через навещавших их рабочих оружие: 5 револьверов и 2 бомбы.

И 12 (25) декабря, вечером, смелым и неожиданным налетом на часовых и надзирателей арестованные во главе с тов. Цвилингом сумели разоружить караульную команду (31 человек), запереть ее в одну из камер и бежать из тюрьмы.

Побег удался блестяще. Все 32 арестованных большевика благополучно выбрались из тюрьмы. Часть бежавших скрылась в подполье, часть переправилась через фронт и примкнула к отрядам тов. Кобозева.

Этот смелый, удачный побег большевиков из тюрьмы возможен был лишь благодаря сочувственному отношению рабочих, которые тщательно скрывали местопребывание своих вождей.

Власть Дутова в Оренбурге держалась лишь на военной силе. Дисциплина в казачьих частях расшатывалась. Авторитет офицеров падал.

12 (25) декабря 1917 г. за подписями Ленина и Подвойского СНК принимает обращение «ко всему трудовому казачеству». В обращении заявляется, что СНК «ставит

¹ «Уральский рабочий» № 68 от 23 декабря 1917 г.

своей ближайшей задачей разрешение земельного вопроса в казачьих областях в интересах трудового казачества и всех трудящихся, на основе советской программы и принимая во внимание все местные и бытовые условия, и в согласии с голосом трудового казачества на местах».

В казачьих войсках назревал резкий раскол. Более бедные казаки уклонялись от дутовских мобилизаций, бежали из частей, брошенных на борьбу с большевиками, «бунтовали» против Дутова. Дутовцам приходилось прибегать к насильственным мерам. Но мобилизованные таким образом казаки не могли, конечно, явиться прочной опорой Дутова.

В первой половине декабря 1-й, 4-й, 13-й запасные казачьи полки, стоявшие в Оренбурге, отказались идти на фронт против красных отрядов и предъявили войсковому правительству ряд требований. Помимо требований экономического порядка они настаивали на «упразднении» белой гвардии, т. е. школы прапорщиков и казачьего военного училища, «которые несут военную службу по найму за счет капиталистов»; и требовали проведения в жизнь выборности командного состава.

Тов. Г. А. Коростелев.

Атаману Дутову и атаману 1-го округа Каргину казаки выразили недоверие и постановили образовать совет рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов¹.

Когда же к казакам на митинг явились представители войскового округа и принялись уговаривать их не бунтовать, то собрание потребовало четкого ответа на вопросы: «Против кого их ведут и кого они называют большевиками?»

В результате переговоров казаки 4-го полка решительно заявили, что «защитить буржуев они не пойдут». Дутов вынужден был разоружить и распустить полк.

Впоследствии, 28 января, на контрреволюционном казачьем съезде в Верхнеуральске Дутов жаловался, что «вместо громадной армии в 3 полка и батареи шестиорудийного состава собралось около 400 казаков при 4 орудиях».

Такое же положение было и в среде троичских казаков. Уже 10 декабря атаман 3-го округа Токарев телеграфировал Дутову, что «разлагающее влияние большевиков в 3-м и 6-м полках с каждым днем возрастает». Казаки «на занятия не ходят и митингуют. Командный состав парализуется»².

Дутову пришлось принимать исключительные меры, чтобы задержать разложение своих войск и продолжать сопротивление красным отрядам тов. Кобозева. Все оренбургское казачье войско было объявлено на военном положении. Были введены военно-полевые суды «для казаков-ослушников».

Одному из казачьих поселков, целиком голосовавшему при выборах в Учредительное собрание за большевистский список № 3, кулацкая часть станицы ответила угрозой «исключить из казацкого сословия», лишить земли и «сослать в Шадринский уезд».

Но и эти драконовские меры не помогали. Дутову приходилось опираться лишь на кулацкую часть казачества, на матерых казаков-стариков, офицеров, юнкеров, кадетов и на белую гвардию.

Второе наступление отрядов тов. Кобозева на Оренбург

В распоряжение тов. Кобозева прибыли значительные подкрепления: из Челябинска упомянутый выше «Северный летучий отряд» питерских матросов и красногвардейцев под командованием тов. Павлова в

¹ «Известия челябинского ВРК» № 13 от 22 декабря 1917 г.

² Там же.

600 человек (этот отряд составил основное, ударное ядро второго наступления); из Екатеринбурга — отряд красногвардейцев, рабочих Верхисетского завода, под руководством тов. П. Ермакова в 300 человек; из Перми — отряд пермской красной гвардии под командованием тов. Борчанинова; из Уфы прибыли обученные и снаряженные красногвардейцы. Со стороны Ташкента «железнодорожный объединенный отряд» красногвардейцев, держа фронт на ст. Ак-Булат, оттягивал часть дутовских сил.

Силы красных войск выросли до трех с половиной тысяч человек.

7 (20) января, рано утром, красные части вновь перешли в наступление. Первым вышел вооруженный мортирными пушками броневой поезд с отрядом матросов и красногвардейцев. Вслед за ним — вспомогательный технический поезд и все остальные части.

Пройдя верст 15 от ст. Ново-Сергеевки, броневик встретил передовые части дутовских войск. Завязался бой. Ожесточенная ружейная и пулеметная перестрелка сопровождалась артиллерийским обстрелом противника советским броневиком. Отряд отважных матросов обошел дутовскую заставу и ударил ей в тыл, заставив отступить. Белогвардейцы панически бежали, оставив пленными 5 офицеров. Станция Платовка была занята красными.

Дальнейшее наступление разворачивается по направлению к ст. Переволоцкой. Под раз'ездом 13-м белогвардейцами были взорваны жел.-дор. пути и мосты на большом протяжении. Но путь был восстановлен железнодорожниками, и красные войска получили возможность продолжать наступление.

С утра 8 (21) января развернулся упорный бой за обладание 13-м раз'ездом. Лишь утром 9 (22) января раз'езд переходит в руки красных. Началось наступление на раз'езд 14-й. Утром 10 (23) января под руководством тов. Ходакова по дутовским целям был открыт бешеный огонь из четырех орудий. Противник дрогнул и бежал по направлению к ст. Сырт.

Под ст. Сырт с утра 12 (25) января развернулся решающий бой с дутовцами, длившийся двое суток. К этому моменту красные отряды получили подкрепление: прибыл из Екатеринбурга красногвардейский отряд в 120 человек рабочих под командованием тов. Авдеева.

Дутовцы принимали отчаянные меры к увеличению своих сил. Уговорами и угроза-

Тов. Каширин, командовавший верхнеуральским отрядом.

ми им удалось принудить станицы Донецкую и Татищевскую выделить организованные подкрепления. Из Донецкой Дутов вновь предполагал ударить в тыл красным эшелонам. Но на этот раз этот маневр ему не удался. В ночь с 12 на 13 января отряд матросов в 50 человек произвел энергичный спешный удар на станицу, выбив противника оттуда.

Наступление красногвардейских отрядов затруднялось сильнейшим степным буряном и суровым морозом. Однако, преодолевая усталость, вызванную беспрерывным преследованием противника, геройские красногвардейские части рано утром подошли к позициям противника и залегли в снегу. Лишь только буря стих, дутовцы открыли сильный огонь. Советские отряды стали энергично отвечать. Были пущены в ход имевшиеся 5 орудий и матросские мортирные пушки. Однако сбить противника в этот день не удалось.

Красногвардейскому отряду, прибывшему из Екатеринбурга, было дано боевое задание: совместно с артиллерийским взводом, сняв ночью с передков 3 пушки, на руках перенести их на правый фланг противника, чтобы почти с тыла атаковать дутовцев. Эта боевая задача была блестяще выполнена. Белогвардейцы не ожидали такого маневра. Застигнутые врасплох, они не выдержали и, бросая в панике укрепленные

позиции, бежали к эшелонам. Им удалось скрыться на поездах. За ними ускакали и оставшие казаки.

Тов. Кобозев телеграфировал: «13 января после жестокого 3-дневного боя взяты укрепленные позиции казачества у ст. Сырт. Станция занята нами. Все войска Дутова разбиты наголову»¹.

Передохнув часа два, красные части пошли в наступление на ст. Каргала. Вновь с большими трудностями пришлось восстанавливать взорванный в 20 местах жел.-дор. путь и расчищать занесенную снегом линию. «Подвиги наших рабочих под руководством тов. Редстычева по ремонту пути при пронизывающем горном снежном урагане выше всяких человеческих сил — полторы суток без пищи и питья шла непрерывная, адски трудная работа», — телеграфировал тов. Кобозев².

15-й раз'езд красными частями был занят без боя. Сравнительно быстро был занят и 16-й раз'езд.

Последний крупный бой с дутовцами за Оренбургом произошел под ст. Каргала. Железнодорожный путь от 16-го раз'езда до ст. Каргала был взорван, мосты разрушены, на насыпь сброшены паровоз и тендер.

С утра 16 (29) января завязалась ожесточенная перестрелка. Во время этого боя смешанный отряд пермских и иващенковских красногвардейцев сделал налет в тыл противника, в деревню Павловку. Здесь неожиданно красные войска получили энергичную поддержку со стороны местных крестьян-переселенцев. С их помощью красногвардейцы не только быстро выбили дутовцев из Платовки, но и захватили пленных, среди которых оказалось 7 офицеров с лошалями и полной амуницией.

Этот удачный удар в тыл привел в замешательство главные силы дутовцев, и они стали отступать, стараясь задержать наступление красных.

К вечеру 16 (29) января ст. Каргала была занята передовыми частями красных. Дальнейшее продвижение красногвардейцев к Оренбургу уже не представляло значительных трудностей. Разгромленные дутовцы лишь оборонялись. Уже почти без всякого сопротивления были заняты 17-й и 18-й раз'езды, и перед красными открылся свободный путь к Оренбургу. Противник уже был не в

состоянии оказывать какое-либо сопротивление.

Восстание оренбургских рабочих и взятие Оренбурга

В это же время под руководством большевиков, бывших в белогвардейском тылу, оренбургские рабочие лихорадочно готовили восстание против Дутова. Пользуясь влиянием в среде железнодорожников, оренбургские большевики через машинистов, Кравченко, ездившего в то время с поездами, сумели получить двести винтовок, соответствующее количество патронов и даже один пулемет³. Оружие было тотчас же распределено между рабочими. Силы подпольной красной гвардии сразу возросли настолько, что с ними уже можно было приступить к восстанию.

Подпольщики-красногвардейцы вели тщательное наблюдение за всеми действиями дутовцев и великолепно знали расположение белогвардейских боевых частей, их состав, вооружение. Наступление красных отрядов тов. Кобозева на Оренбург явилось удобным моментом к восстанию в городе. В момент боя под 17-м раз'ездом, вечером 17 (30) января, вооруженные рабочие во главе с большевиками повели наступление на ст. Оренбург. Станция в это время была забита эвакуировавшимися белогвардейцами, их семьями и бежавшей буржуазией.

Появление у вокзала цепи вооруженных рабочих вызвало страшную панику среди белогвардейцев. Толпа бросилась к дверям и окнам вокзала и быстро очистила станцию.

Тотчас же был сформирован поезд, и оренбургские восставшие красногвардейцы отправились встречать подходившие красные войска тов. Кобозева.

Но красным войскам не удалось захватить самого Дутова с его штабом и офицерско-юнкерские части. Казаки, мобилизованные Дутовым, рассыпались по своим станицам. Офицерско-юнкерские части, разбившись на два отряда, отступили: одна часть на Орск, другая с Дутовым на Верхнеуральск. Красные отряды не смогли их преследовать, не имея достаточного количества кавалерии: отряды тов. Кобозева оказывались беспомощными всякий раз, когда приходилось преследовать противника по полю, а не по линии железной дороги.

Утром 18 (31) января в Оренбург вошли главные силы войск тов. Кобозева. Рабочие восторженно встретили красногвардейцев. Так кончился первый период дутовщины.

³ Воспоминания активного участника тов. Саликова.

¹ Уралпартархив. Дело № 71. Том III, стр. 208.

² Архив тов. Кобозева. Телеграмма тов. Кобозева от 15 января 1918 г.

И. Трешин

ДОКУМЕНТЫ из истории деникинщины

Только благодаря помощи Антанты помещичье-буржуазная диктатура Деникина смогла оккупировать Украину и Крым, захватить Орел и занять Царицын. Деникин был верным слугой Антанты, которая руководила всей его военной и политической деятельностью. При современных условиях революционного движения в капиталистических странах, «когда, — писал т. Сталин, — прямой ввод чужеземных войск может вызвать ряд протестов и конфликтов, интервенция имеет более гибкий характер и более замаскированную форму... Борьбу Деникина и Колчака, Юденича и Врангеля против революции в России империалисты были склонны изображать как борьбу исключительно внутреннюю, но мы все знали и не только мы, но и весь мир знал, что за спиной этих контрреволюционных русских генералов стояли империалисты Англии и Америки, Франции и Японии, без поддержки которых серьезная гражданская война в России была бы совершенно невозможна»¹.

Тов. Сталин и расценивает деникинщину как второй поход Антанты: «Второй поход Антанты был предпринят осенью 1919 года. Поход этот был также комбинированным, ибо он предполагал совместное нападение Деникина, Польши, Юденича (Колчак был сброшен со счета). Центр тяжести похода лежит на этот раз на юге, в районе Деникина»².

Вместе с интервенционистскими войсками и вслед за ними хлынули на Украину выгнанные пролетарской революцией помещики и капиталисты. Огнем и кровью они восстанавливали дореволюционный порядок в городах и селах. Сам Деникин подтверждал в своих работах, что это действительно было так: «А тем временем за войсками

следовали владельцы имений, не раз насильственно восстанавливавшие, иногда при поддержке воинских команд, свои имущественные права, сводя личные счеты и мстя»³.

Белый террор стал методом восстановления капитализма на Украине, способом превращения Украины в колонию Антанты. Украинская буржуазия не только внешне выказала свою лояльность Деникину, но и всеми имеющимися в ее распоряжении средствами помогала Деникину в борьбе с пролетарской революцией. Она мирилась с черносотенной политикой Деникина, ее не смущали такие деникинские законы, как признание русского языка государственным языком во всей России, закрытие украинских школ, разгром украинских буржуазных культурных учреждений и т. д. и т. д. Украинский буржуазный публицист Ефремов писал, что от этих репрессий украинская буржуазная культура только выигрывает, а украинский соц.-демократ В. Садовский, оправдывая украинскую буржуазию перед Деникиным за «самостийные» увлечения, писал: «Самостийность Украины тогда, когда она была оглашена, была только тактическим шагом, который должен был нас спасти от большевизма»⁴. Классовый союз украинского и русского помещика, украинского и русского буржуа, был закреплен также в форме военного договора между командованием галицийской армии и командованием армии Деникина. Этот союз имел одну цель, одну программу — восстановить помещичью, буржуазную Россию. О том, каким путем деникинцы думали восстановить помещичью Россию, рассказывают публикуемые ниже документы. Они ярко вскрывают ту земельную программу, которую готовят интервенты и фашисты

¹ Сталин «Об оппозиции». Статьи и речи 1921 — 1927 гг., стр. 425.

² Сталин «Новый поход Антанты на Россию». «Правда» № 111 за 1920 г.

³ А. И. Деникин «Очерки русской смуты». Т. IV, стр. 203.

⁴ В. Садовский «Самостийность и федерация». «Слово» № 5 от 13/26 сентября 1919 г.

при помощи выгнанной из СССР буржуазии всех национальностей.

Копия

ВОЛЧАНСКИЙ ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ДОБРО-АРМИИ

Дополнение к моему письму от 23 сентября с. г. привожу подробности случившегося 22 сентября с. г. в 2½ часа пополудни. Находясь на дворе, слышу душераздирающие крики со стороны волостного правления (которое находится не более 50 сажень от квартиры), отправляюсь туда узнать о случившемся. Подойдя туда, вижу: на волостном дворе собран сход, народу много, на крыльце стоит стража, а из помещения несутся прежние крики и мольбы о помиловании, спрашиваю, в чем дело; оказывается, что к этому числу жители с. Шиповатое обязаны были представить 200 тыс. р. за разграбленный сад в имении Задонского Конный хутор. Многие крестьяне, не только не бравшие, но и не знавшие, какой и где сад Задонских, из страха уплатили требуемую сумму, т. е. по 310 руб. со двора. Некоторые за неимением абсолютно денег не внесли такой суммы. Другие и имевшие средства, но желающие узнать причину такого с них налога, пришли с деньгами для того, чтобы в случае действительно законности такого обложения решили уплатить. Является г. пристав Великобурлуцкого участка

(Зеленский) (стража приказывает снять шапки всем), обращается к сходу и приказывает отойти в сторону неуниженным, сначала первому сельскому участку. Отоходят все старики не моложе 50 лет, исключая 5 — 6 молодежи. Далее пристав приказывает им войти по 5 человек в помещение, подталкивая и ругая самолично седовласых стариков, и там же по возрасту приходящимся ему дедушками он приказывает раздеваться, ложиться на пол и сам с другим стражником принимается истязать невинных шомполами. Никакие мольбы и просьбы о пощаде не действовали на него, но, наоборот, удваивали боли стариков. Последствие этой бойни: у одного ребра поломаны (этот несчастный получил удар ногой от пристава), у других побиты головы и вообще все избитые, а их не менее 20 человек не могут ни лежать, ни спать, ни сидеть (один крестьянин при порке не выдержал, и пристав заставил ртом подобрать кал). Минут через 10 по приходе моем привезен пулемет, установили на телеге у ворот волости на улице, вставлена в него лента и вообще приготовлен был к действию; пристав неистовствовал, продолжая бить и ругаться отборными хулиганскими словами, без каковых он и двух слов не мог сказать.

Не знаю, до чего бы дошло избитие, но вижу, пристав окончательно выбился из сил, пот градом с него катит, делает передышку своим

Захват помещичьего имущества.

Картина худ. Васильева.

Порка крестьян денкибцами.

Рис. К. Сахарова.

рукам и, обращаясь ко всем, начинает ругать, стучать ногами, немедленно требует собрать контрибуцию, грозит снести все село, если не будет исполнено его требование, далее, начинает читать новые заявления заведующего Колевцовской экономией, по доверию Бекарюкова, о причитающихся этой экономии долгов с крестьян села Шиповатого по посеву 1919 г. и забранного зерна большевистской властью с урожаев прежних лет. Но никаких разъяснений он не давал по этим новым взысканиям, и, как я заметил, он их не читал, а если читал, то сам ничего в них не понимал, так как здесь же на сходе просил выметку дать просто о количестве взыскания. Никаких ссылок на постановление или утверждение судом всех этих предъявляемых требований не делал. Из этого можно заключить, что они через судебный аппарат не проходили, что вконец противоречит ныне изданным законам в отношении взыскания пропавшего имущества при большевиках. Описать все то, что было, невозможно, надеюсь Отдел выяснит сам и разъяснит народу, что действия указанного пристава незаконны и что он понесет заслуженное наказание.

Крестьяне, привыкшие судить о высшей власти по действиям своих приставов и по своей темноте не могут разобраться в законе и порядке, несомым Добрармией, и для плодотворной работы Отдела пропаганды расследование вышеуказанного крайне необходимо.

Сентября 26 дня 1919 г., с. Шиповатое.

Евгений Николаевич СОМОВ
Бесплатный сотрудник Отдела пропаганды.

С подлинным верно:
Центр. Архив Революции УССР
«Начальник Волчанского уезда Харьковской губернии» 1919 г. № 10, стр. 34.

Копия

Сотрудники Волчанского
пункта Харьковского отделения
Отдела пропаганды
С. Н. Шевцов
и
Н. К. Калиновский
29 сент. 1919 г.
№ 8
г. Волчанск

Г. НАЧАЛЬНИКУ ВОЛЧАНСКОГО ПУНКТА ХАРЬКОВСКОГО ОТДЕ- ЛЕНИЯ ОТДЕЛА ПРОПАГАНДЫ

Согласно распоряжения Волчанского пункта Х. О. П. выяснить, что произошло в д. Шиповатое в день Добровольческой армии, 22 сентября, я, сотрудник Шевцов, выехал 24-го, а прибыл в Шиповатое 25 сентября и в тот же день имел разговор с членами местного культурно-просветительного кружка и с сотрудником Пустоваровым, из которого выяснил, что кровавая экспедиция была устроена приставом 3-го участка Зеленским, вследствие чего я дал телеграмму выехать пом. нач. пункта Кучерову, но вместо него 26 сентября выехал агитатор Калиновский, с которым и было приступлено к подробному выяснению происшествия 22 сентября. Письменные показания бесплатного сотрудника Сомова, прилагаемые к сему докладу, гласят: причины, побудившие пристава устроить ту ужасную сцену, на основании доклада Сомова и др. сотрудников, сведений, данных волостным правлением (здесь приложенных) нам удалось выяснить: 1 сентября, лично, пристав 3-го участка Зеленский приказал старшине Шиповатской волости Пустоварову собрать контрибуцию в 200 тыс. руб. с дер. Шиповатое в пользу по-

мещика Задонского в двухдневный срок, мотивируя такое требование тем, что крестьяне д. Шиповатое во время прихода большевиков разграбили сад Задонского Конный хутор.

Старшина распорядился старостам избрать в каждом обществе представителей для выяснения виновных, каковых общество уполномочило для переговоров с Задонским и Г. начальником уезда Колоссовским и просить отсрочки, на что начальник уезда дал резолюцию: отсрочить до 8 сентября, так как крестьяне к тому времени найдут виновных и представят списки, кто грабил (копия прилагается). К 8 сентября виновные были выяснены А. П. Удовика и Ф. В. Резниченко и отправлены к приставу, но на второй день освобождены, и старшина вновь получил личное приказание от пристава 200 тыс. руб. разложить на дворы по 310 руб. на двор. Плати виновные и невинные. До 22 сентября было внесено 138 396 руб., остальные были внесены в день 22 сентября, но явившийся пристав не потребовал остальной суммы, прямо приступил к расправе: почему, мол, не внесли раньше, а ждали меня.

Считаем нелишним упомянуть: сад по площади равен 8 десятинам с лесом и принадлежит к разряду средних.

Помимо этого на д. Шиповатое предъявлен иск управляющим Коневцовской экономией Бекарюкова Ф. П. Демидовым пшеницы озимой 8242 п., овса 7000 п., ячменя 2275 п., проса 1660 п., вики 311 п., ржи 448 п., пшеницы озимой II сорта — 590 п., мешков 117, пшеницы белоколосной 745 п., весь этот хлеб крестьяне якобы брали для посева в 1918 г. при советской власти. Из письменного показания крестьян (тоже приложенного здесь) нам удалось выяснить, что хлеб этот при правительстве гетмана Скоропадского крестьянами уже был свезен, но в настоящее время Бекарюков требует вторично. Это подтвердил конторщик имения Коневцово Мирошниченко Никита Кузьмич, который сам делал приемку хлеба, и пом. управляющего Демидова Иван Александрович Яценко. Причем полученные квитанции в том, что хлеб сдан, по дороге домой у крестьян отбирались стражей Бекарюкова и уничтожались. В настоящее время по личному приказу пристава, старшин хлеб должен быть свезен в недельный срок, что крестьяне и выполняют.

Тем же управляющим предъявлен иск на 72 тыс. руб. за вспашку сборного хлеба в 13 500 р.—должно быть выполнено в 7-дневный срок. Относительно вспашки: 1 дес. Бекарюкову в 1918 г. обходилась в 100 руб., так как он вспахивать приглашал местных крестьян с лошастью, теперь он требует за ту же десятину 200 руб. Относительно сборного хлеба нам не удалось

получить сведения ни в экономии, ни в волости: откуда взята такая цифра. Все ведомости, по которым происходит требование как хранятся в волости, так и в конторе экономии не имеют ничьей подписи и оправдательных документов, на которых ведомости могли бы базироваться. Иски не проходили через судебные учреждения. Требуется с населения 79 лошадей, которые возвращаются, но нами обнаружено, что контора никогда не выдает ордеров на полученных лошадей. Треть урожая Коневцовская экономия считает не по фактическому урожаю 1919 г., а по урожаю прошлых годов, так: с 1 десятины требуется 15 п. зерна, соломы 15 п. и 10 п. половы, в то время как урожай на земле Бекарюкова во многих местах дал всего 20—30 пудов зерна. Натурою контора категорически $\frac{1}{2}$ брать отказывается. Вмешательства со стороны властей для искоренения этого зла не было.

4 сентября по телефону пом. пристава 3-го участка было сделано приказание в 24 часа собрать 200 пудов пшеницы с крестьян д. Шиповатой, живущих на отрубках, в пользу щепоринской экономии, между тем крестьяне заявили, что они пшеницы и близко не видели. Пшеница свезена, но проконтролировать цифру 200 никто из властей не взялся. В экономии Коневцово-Бекарюково советская власть задолжала рабочим 85 563 руб. 56 коп. Бекарюков, взявший продукты урожая, отказывается уплатить рабочим, почему последние неохотно идут на работу в экономию.

Как оправдательные документы для всего вышеизложенного прилагаем 19 удостоверений врача Шиповатского участка о причиненных ударах приставом, список поротых крестьян, копию предписания начальника уезда Колоссовского пристава 3-го участка Зеленскому, копия квитанции, выданной приставом Зеленскому, копия квитанции, выданной приставом Зеленским Шаповалому вол. старшине в получении взысканных с кр. (102 506 р.) сто двух тысяч пятьсот шести рублей, список контрибуций деньгами и хлебом, наложенных на Шиповатскую волость, представленный означенным волостным правлением кр. д. Шиповатое. Пом. управляющего экономией Коневцово — Яценко Ив. Алек. и конторщики той же экономии Н. К. Мирошниченко о взыском хлеба за 1918 г. Письмо от 23 сентября и доклад от 26-го того же сентября бесплатного сотрудника Сомова.

Раз'ездной агент Шевцов.
Агитатор Ив. Калиновский.

С подлинным верно:

Центральный Архив революции УССР

«Начальник Волчанского уезда Харьковской губернии» 1919 год № 8, стр. 32—33.

Панаси

Первая Стачка

(По материалам истории б. „Главных ремонтных мастерских Владикавказской железной дороги“)

Промышленный подъем 90-х годов, связанный с завершением промышленной революции, сказался и на Владикавказской железной дороге. К 1 января 1894 г. были открыты две новых ветки: на Петровск-порт и Минеральные воды. На много усилился грузооборот, увеличился подвижной состав. Расширились и ремонтные мастерские. Уже не триста—четыреста и не пятьсот как в семидесятые и восьмидесятые годы, а полторы тысячи человек стали работать на ремонте паровозов и вагонов. И не 12—20, а 60—70 паровозов в год выпускали мастерские из ремонта. Но не менялось положение рабочих. Работали как и прежде двенадцать часов в сутки с полуторачасовым перерывом на завтрак и обед. Отпусков никаких, кроме выходных дней в церковные праздники. Механизация труда была настолько примитивной, что без «дубинушки» ни шагу. Ночью мастерские освещались керосиновыми копилками. Для работы на станках выдавали еще сальные свечи. Вентиляции не было. Дым, чад и тусклый свет тяжело отражались на зрении. На работе с огнем, случалось, и совсем теряли глаза. Не раз обычные стук и грохот прорезывались человеческим криком. Смотришь, хватился рабочий за глаз и корчится в муках. А медицинской помощи никакой. Шли за пособием к администрации. Та вместо помощи протягивала подписку:

— Читай! Ты же подписывался!

И действительно, рабочему при найме что-то подсунули. Это «что-то» было подпиской:

«Нанимаясь, получил предохранительные очки, обязуюсь носить их во время работы. В случае нарушу это обязательство и результатом будет повреждение зрения, лишаясь права на пособие».

На самом же деле очков этих большинству рабочих совсем не выдавали, да и те, кто получал их, по условиям труда не мог в них целый день работать.

Заработной платой тоже не баловали.

Квалифицированные мастеровые получали от 70 коп. до 1 р. 70 к., чернорабочие—от 60 коп. до 80 коп. в день. Это со всеми аккордными, сверхурочными, надбавками. А дороговизна в Ростове на Дону была президная. Даже местная буржуазно-монархическая газета отмечала это. «Жизнь в Ростове настолько дорога, — писала газета, — что в этом отношении он смело может быть поставлен наряду с такими якобы дорогими городами, как Петербург и др.»¹.

Большую долю заработка рабочих поедали различные штрафы. Штрафовали мастера, как кому вздумается: никаких расчетных книжек и правил. Крепче же всего одолевали «бесы»². Никаких уважительных причин неявки на работу вообще не признавали. Не явился ли совсем, опоздал ли на 10—15 минут, — все равно на табели ставили «Б. С.». Это значит — не явился «Б. С.» и оштрафован минимум на четверть дневного заработка.

В результате рабочий получал гроши. Себя администрация дороги, конечно, не обижала. Помимо всяких «негласных» доходов управляющий дороги получал в год 18 тыс. руб. золотом, а члены правления, которые обычно ничего не делали, — по 8 тыс. руб.

Рабочие знали, что дела дороги идут в гору, что уже не тысячами, а миллионами считают акционеры барыши³. Почему же нет никакого облегчения? Обращались за разъяснением к мастерам, к администрации. Но те отвечали:

— А что вам надо? Синяя блуза, брезентовые штаны, хлеб, селедка есть? И хватит!

¹ «Донская пчела» № 19 от 15 марта 1892 г. статья «О потребностях служащих Владикавказской железной дороги».

² «Бесами» рабочие звали условный знак «Б», которым отмечались на табели неявившиеся вовсе или несвоевременно явившиеся на работу.

³ Чистая прибыль дороги составила в 1894 г. более 4 млн. руб.

Тов. В. Алабышев.

Начальником мастерских был в то время Коловрат-Червинский. Пьяница и картежник, он большую часть суток проводил в клубах да ресторанах, а дела вершил помощник с мастерами. При начальнике в особом доверии состоял сторож Укол, он же ведал финансами Червинского. Начальник продувался в карты, сторож выручал. Добывал Укол деньги обирательством рабочих. Контролировал он вход и выход. Чуть опоздает рабочий или выскочит раньше, глядишь, кроме обычных штрафов ждет его и жадный Укол. И сыплются к нему в карман рабочие лятаки, гривенники, двугривенные, — смотришь, сумма получается кругленькая. А кто не давал, того на особую заметочку, и, глядишь, вылетел с производства. Куда лойти, кому жаловаться?

С горем, жалобами, заботами шли рабочие в подполье.

Приехал к тому времени в Ростов Николай Мотовилов. Раньше он был в Пензе и Казани: работал в социал-демократическом подполье. Устроился Мотовилов в управлении дороги и за короткое время сумел наладить среди мастеровых большую пропагандистскую работу. По сведениям жандармов, он вел эту работу «главным образом в мастерских Владикавказской железной дороги, которые... служили главным центром и рассадником вредного направления среди ростовских рабочих»¹.

¹ Доклад департамента полиции особому совещанию по делу о социально-революционной пропаганде среди рабочих в Ростове на Дону

В Ростове на Дону конца 80-х и начала 90-х годов Мотовилов организовал целую сеть кружков рабочей пропаганды, центральную библиотеку и кассу. Наиболее же крупный кружок был в главных железнодорожных мастерских.

Осторожен был Мотовилов: ни записей, ни устава, ни программы; запрещенной литературы тоже ни листочка. Старый «Современник», «Отечественные записки», «Слово», «Русское слово», сочинения Писарева, Добролюбова, Чернышевского — все легальное, придраться не к чему. И кружки назывались кружками «саморазвития». А революционная пропаганда все-таки велась.

Мотовилов едва ли ограничивался мирно-культурнической работой. Жандармерия, например, считала плодом его именно работы попытку организовать стачки на заводе Пастухова и в мастерских Волго-Донского пароходства, а затем даже демонстрацию 17 апреля 1890 г., при открытии в Ростове на Дону памятника Александру II.

Распространял Мотовилов противоправительственную литературу и среди учителей. На этом в конце концов и попался. Жандармы арестовали его в июне 1890 г.

После ареста Мотовилова кружки все же продолжали работу. Руководить ими стал Василий Яковлевич Алабышев. При Алабышеве кружковцы еще сильнее законспирировались и, как отмечали жандармы, напразднение пропаганды поставили на почву экономическую.

Почва, между тем, накалялась. В начале 1894 г. по цехам мастерских особенно свирепствовали штрафы.

«Каждую работу, — вспоминает рабочий т. Скуйбида, — принимал помощник мастера, иногда мастер, и чуть что — штраф! А когда, бывало, сам Дервоед² принимает, ну, тогда пиши родным письма! Лазит, стучит, вымскивает 0,10-миллиметровым щупом, к чему бы придраться. Стоишь, смотришь, а у самого душа в пятки — пронесет или не пронесет нелегкая? Опять же по какой бы ты причине ни опоздал, по какой бы ни пропустил денек работы, все равно шьют «беса». И глянешь на табель, «бесов» этих, что стая журавлиная!»

Ядовитее всех выводил их тот же Дервоед. Низкий, сутулый, с глубоко спрятанными

от 19 августа 1894 г. См. в Историко-революционном сборнике 2-м под редакцией В. И. Невского «Группа Освобождения Труда», стр. 223. Гиз. Ленинград. 1924.

² Мастер паровозосборного цеха.

угольками глаз, он и смотрел-то не по-человечьи, того гляди ужалит. К тому же страшно: чуть что — запрещина. Давал он запрещения больше ученикам и подмастерьям. Но случилось — обрушился и на старого монтера Дулина. Дело было в четверг 24 марта 1894 г. Пришел тогда с пробной езды по линии паровоз «Шварскоп» — незранный, маленький. Ну, и как водится, оказалась неисправность: клин буксовой ослаб да еще там что-то. И хотя всегда так было, но Дервоед к Дулину придрался:

— Почему у тебя неисправность? За чем глядишь?!

Дулин — оправдываться, но не тут-то было: расходившийся Дервоед ударил монтера! Крепок был Авдей Степанович и сердцем крут, не стерпел, дал сдачи, да так, что Дервоед полетел в канаву. Потом поднялся и побежал в контору.

Оттуда приказ: уволить Дулина немедленно.

— Как уволить? За что? Не позволим, — заволновались рабочие.

Услышав о происшедшем, прибежал из механического Андрей Дорогин. Знали, что Андрей кружковец. Рассказали ему о случившемся.

— Довольно терпеть, товарищи, бросай работу!

Не очень дружно, но бросили. Кто-то предложил идти в жандармское управление — требовать, чтобы Дулина оставили, а Дервоеда уволили. И всем цехом двинулись на станцию.

В жандармском управлении их встретили полковники Лосев и Юкин, с ними начальник тракции Аранштейн и его помощник Карпичевский, начальник мастерских Червинский. Наготове был наряд пеших и конных жандармов.

— Уберите палача Дервоеда! — кричали рабочие. — Не надо нам кровососа!

— Как, мастера уволить?! — рычал обвешанный медалями полковник Лосев. — Да я вас всех скорее поразгоняю! Думаете, других не найдем? Потребую, вышлют из Луганска целую тысячу. Марш на работу! И ни-ни! Иначе расчет и высылка!

Начальник мастерских был помягче. Он обещал принять меры, удовлетворить... и прочее. Рабочие вернулись ни с чем, опечаленные, удрученные.

Следующий день был праздничным. В мастерских не работали. Зато по квартирам рабочих сновали Козин, Дорогин, Стрельцов и другие подпольщики — кружковцы.

Готовили забастовку. Вечером на квартире Стрельцова провели даже совещание: выработали и обсудили требования, договорились кому, где и как действовать назавтра.

26 марта к 6 часам утра гудок, как обычно, звал на работу.

Вышли все, но паровозосборный не стал работать. В ответ на это администрация вывесила объявление:

«Все неявившиеся на работу будут объявлены бунтовщиками и немедленно уволены».

Козин, Стрельцов и Дорогин метались по цехам, читали требования, призывали поддержать паровозосборный, бросить работу. Многие колебались... Решил трезвокий гудок, который дал кто-то из заранее подготовленных товарищей. Он избудоражил цехи, и рабочие бросали инструменты, останавливали станки, тушили горны. Токари, механики, кузнецы, столяры, маляры, плотники, насакальщики — все валом высыпали на двор и двинулись к выходу.

— Что вы делаете, господа! — выскочил было уговаривать рабочих Коловрат Червинский.

Напрасно! Никто его не слушал: все вышло на площадь за ворота. Козин выскочил на каменный каток и начал:

— Товарищи! Позавчера Дервоед ударил Дулина, и Дулин же в ответе. Паровозосборный пошел к начальству искать справедливости, но встретил издевательство. Пригрозили расчетом и высылкой. Так вот, пусть теперь убирают нас всех. Но мы еще посмотрим, кто кого уберет! Давайте же действовать, товарищи, дружно. И не отступайте, назад дороги нет!

Нестройным хором кричали:

— Поддержим! Стой, ребята, крепишь!

А в толпе уже сновали шпика и применяли зачинщиков.

Стрельцов зачитал требования:

«1. Немедленно убрать из мастерских Дервоеда и принять Дулина.

2. Установить вежливое обращение мастеров с рабочими.

3. Увеличить на 10% дневной заработок всем рабочим.

4. Сдельные нормы и расценки устанавливать по соглашению с рабочими и вывешивать в каждом цехе на видном месте.

5. Вновь поступающим квалифицированным рабочим назначать заработную плату не меньше 1 р. 20 к. в день; подручным — не менее 90 коп.; ученикам — не меньше 25 коп.

6. Черноработчим установить заработок не меньше 90 коп. вместо получаемых 60.

7. Установить девятичасовой рабочий день, а перед праздником кончать работу на два часа раньше с оплатой за полный рабочий день.

8. Кончать работу за 10 минут до гудка, чтобы рабочий успевал убрать инструменты, привести в порядок станки и умыться.

9. Отменить штрафы за неявку на работу по семейным причинам.

10. Организовать в мастерских медицинскую помощь.

11. Штрафные деньги зачислять в особый фонд на приобретение библиотеки и покупку книг для школы.

12. Уничтожить подписки в получении очков.

13. За дни, пропущенные по болезни, платить половину дневного заработка, а при поранении на работе уплачивать полностью.

14. Поставить в каждом цехе умывальники»¹.

Требования дружно приняли. Начальник мастерских к тому времени успел уже вызвать жандармов. Явились тот же Лосев, с ним управляющий дорогой Иноземцев, начальник тракции Аранштейн и Карпинский. Прошли во двор и потребовали депутатов для переговоров. Отправились Козин, Дорогин, Стрельцов и другие рабочие.

— Господа, — начал Аранштейн, — вы идете против властей, это недопустимо.

— А допустимо, — отвечал Козин, — расправляться с рабочими мордобитием да еще угрожать высылкой?

— Так чего же вы хотите?

Козин предъявил требования.

— Хорошо, требования пошлем правлению дороги, а вы сейчас же становитесь на работу, иначе и требования рассматривать не будем.

— Нет, — сказал Козин, — пока все эти требования не удовлетворите, работать не станем.

Иноземцев еще раз повторил обещание разобрать все требования по справедливости. Повернулись депутаты и вышли к стачечникам объявить результаты. Снова решили держаться до победы. И разошлись. Но не успели рассосаться по квартирам, как стало известно: Козин, Дорогин и Стрельцов арестованы. Опять собрались рабочие, решили пойти в город на выручку. Прошли уже улицу, как вдруг бежит навстречу пристав:

¹ См. «Материалы по истории рабочего движения на железных дорогах до 1905 года», сб. № 3 Истпрофтран, 1925 г. «Воспоминания Я. Андреева», стр. 7, 16.

— Господа, что вы делаете? Да ведь их взяли только допросить! Через 15—20 минут будут обратно.

«И действительно, — вспоминает рабочий Андреев, — не прошло даже 20 минут, как едут Козин, Дорогин и Стрельцов с приставом на извозчике.

— Вот вам ваши уполномоченные. Только успокойтесь».

В тот же день рабочие увидели на воротах мастерских объявление, что подписки обочках уничтожаются и рабочий день накануне праздников сокращается, остальные же требования будут рассмотрены специальной комиссией. Доверившись этому объявлению, утром следующего дня стали на работу. И 29 марта директор департамента полиции рапортовал Александру III:

«26 марта рабочие двух цехов мастерских Владикавказской железной дороги, расположенных в Ростове на Дону, совершили забастовку и затем принудили к тому же весь состав рабочих означенных мастерских в числе 1800 чел. При этом рабочими было сделано заявление о необходимости изменения существующих условий работ и задельной платы. Управляющий дорогой обещал рабочим после личных переговоров с их выборными расследовать их жалобы, а рабочие выразили согласие возобновить на другой день работы. И действительно 28 марта утром исполнили это в урочное время и в полном спокойствии. Во время забастовки рабочие вели себя смирно и никаких беспорядков не производили»².

День или два рабочие работали, а комиссии все нет да нет. Сообразили, что обман, и опять забастовали.

На этот раз примчался из Петербурга главный инспектор министерства путей сообщения князь Хилков и прямо с поезда в мастерские. По случаю приезда такой важной персоны вышли во двор и рабочие.

Вежливенько этак заговорил его сиятельство с рабочими:

— Здравствуйте, господа! Я князь Хилков. Приехал по поручению господина министра разобраться, в чем тут у вас дело. Но только прошу: встаньте сначала на работу, тогда я каждого обойду и опрошу претензии.

— Нет, несогласны, — отвечали рабочие, — становились, знаем... Мы свои требования подали. Ну и разбирайте.

² Цитируем по статье Р. Кантор «Стачка железнодорожных рабочих в Ростове на Дону». Журнал «Былое» № 18 за 1922 г., стр. 124—134.

Всеобщая железнодорожная забастовка.

Картина худ. Г. Савицкого.

Так и ушел князь ни с чем. Через день в мастерских, на станции и по Темернику были расклеены телеграммы:

К о п и я

1. Телеграмма г-на министра путей сообщения главному инспектору от 31 августа 1894 г.:

«Объявите рабочим, что, пока они не станут на работу, никакие заявления и претензии их не будут рассматриваться, если же они послушно выйдут на работу, то претензии их будут тщательно обсуждены и законные удовлетворены, тем же, которые через двадцать четыре часа не выйдут на работу, объявите моим именем, что они получат немедленно расчет с воспрещением быть принятыми впредь в какие бы то ни было мастерские на всей сети железных дорог».

Подписано: министр путей сообщения Кривошеин.

С подлинным верно: и. д. главного инспектора князь М. Хилков.

К о п и я

2. Телеграмма г. министра путей сообщения главному инспектору от 1 апреля 1894 г.:

«Получил вашу депешу. Никаких переговоров с рабочими не должно быть, пока они послушно не станут на работу, только тогда разрешаю приступить к рассмотрению их заявлений. Требую точного исполнения указаний, преподанных Вам предшествовавшей моей депешей».

Подписано: министр путей сообщения Кривошеин.

С подлинным верно: и. д. главного инспектора князь М. Хилков.

Козин, Дорогин и Стрельцов были арестованы.

Министр дал рабочим на раздумье всего 24 часа. Заколебались многие... А не зря ли затеяли? Власти брали на испуг — «кто не хочет работать, получай расчет». Обезглавленные ряды стачечников дрогнули, и 2 апреля утром вышли на работу первые 187 чел., после обеда еще 135 чел.

Что дальше делать?

4 апреля полторы тысячи рабочих собрались на Климовой балке. И тут выступил воткрытую предатель Свиридов. Незадолго перед стачкой поступил он в мастерские простым подметальщиком, однако через неделю-другую ему уже дали болторезку. Угождал он, значит, начальству. Но рабо-

чие тогда не обратили на это внимания. Наоборот, своей развязностью, веселостью, шутками и прибаутками он сумел завоевать симпатии и самих рабочих. А теперь Свиридов снял маску. Стал он запугивать собравшихся: пригнали-де много казаков, привезли пушку, и если не подчинимся, плохо будет. Кончил предложением: избрать уполномоченных и послать к начальству с повинной. Выбрали слесаря Тарасенко и еще кое-кого. Повел их Свиридов в город.

Остальные рабочие отправились в мастерские. Там уже были вооруженные солдаты. Рабочим выдавали расчет и документы. Но это была лишь ставка на испуг. В действительности же некем было заменить рассчитанных рабочих. Скоро вернулся и Свиридов с депутатами. Их сопровождал помощник полицмейстера и пристав. Принес Свиридов заготовленное в полиции прошение от рабочих мастерских, чтобы приняли их обратно на работу. Тут же оказался и управляющий дорогой Иноземцев. Он потребовал, чтобы прошение подписали все рабочие, тогда только примет.

— Согласны ли подписать? — спросил Свиридов рабочих.

Человек двести ответили: «Согласны», остальные молчали.

— Ну, теперь помолимся господу богу, чтобы он вернул на путь истинный заблудших овец! — провозгласил осанистый пристав. А поп Каллистрат начал молебен. Крестились, подходили к столу, брали ручку и подписывали повинную.

На другой день электрический ток равнодушно гнал по телеграфным проводам такую весть:

«Петербург. Министру путей сообщения. Копия товарищу министра, директору департамента железных дорог, главному инспектору.

«Сегодня мастерские всех цехов вышли на работу в обычное время, работают усердно. Комиссия по расследованию порядков в мастерских и по разбору поданных рабочими заявлений возобновила свои занятия».

Управляющий Владикавказской железной дорогой Иноземцев».

Стачка закончилась. Дервоода убрали, за ним и Коловрат-Червинского. Последнего, видимо, за то, что не умел держать в узде рабочих. Удовлетворили пункты 8-й, 12-й, 13-й и 14-й требований, предъявленных в начале стачки. Все чаще и чаще служили молебны, и на первый взгляд в мастерских водворилось спокойствие.

Но это спокойствие было кажущееся. Временно отступив, рабочие поняли ошибку первой стачки и, мобилизуя силы, готовились ко второй.

В буйном половодье стачек 90-х годов эта первая стачка была еле заметным ручейком. Недостаточно зрелое движение дало худосочные результаты. Но следующая стачка ростовских железнодорожников, знаменитая стачка 1902 г., проведенная под руководством донкома РСДРП, имела уже международное значение. Через баррикады 1905 г., сквозь строй ожесточенных сражений с царизмом и буржуазией рабочие железнодорожных мастерских с честью несли знамя пролетарской революции.

Бывшие Главные ремонтные мастерские Владикавказской железной дороги — сейчас крупный паровозоремонтный завод Северокавказских железных дорог. Завод носит имя В. И. Ленина, награжден красным знаменем. На заводе более пяти тысяч рабочих, полуторатысячная партийная и двухтысячная комсомольская организации. До 600 паровозов — годовая производственная программа завода.

Высоко взметнулись новые корпуса. Шире, выше, крепче стал завод. Труд на нем из «ззорного, тяжкого бремени» превратился в «дело чести, дело славы, дело доблести и геройства» (Сталин). Сотни рабочих этого завода сейчас на руководящей партийной, советской и хозяйственной работе.

Ленинцы имеют свой техникум, свою школу ФЗУ, комвуз, дворец труда, городсад.

Промфинплан 1933 года они выполнили досрочно, с превышением и в подарок XVII партсъезду сверхпланово отремонтировали 10 паровозов.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ И ПУТИЛОВСКИЕ РАБОЧИЕ В 1905 г.

К октябрю 1905 г. ряды путиловских рабочих оказались сильно поредевшими.

Начав бастовать в январе первыми, путиловцы в общей сложности до середины августа не работали 110 дней.

Каждая забастовка ознаменовывалась арестами и высылками руководителей и актива, каждое возобновление работ — повальной чисткой, производившейся агентами охраны, работниками проходной конторы завода, мастерами и прочими.

Как правило, заводские цеха после забастовок открывались одновременно, чтобы дать администрации возможность произвести отбор наиболее тщательно. О тщательности фильтровки говорит то, что средний процент рабочих, допущенных после июльского локаута к работе, приблизительно равен 73. Наибольший процент уволенных падает на паровозную и лафетно-снарядную мастерские.

Борьба с забастовавшими рабочими на Путиловском заводе обычно принимала характер правильной осады.

Потребительское общество, руководство которым заводская администрация всячески старалась сохранить за собой, сразу же после начала забастовки закрывало кредит. «Потребительское общество, в котором пайщиками состоят почти исключительно рабочие, потребительское общество, в котором забирают исключительно рабочие, — это рабочее общество отказывает в помощи забастовавшим рабочим», — отмечает больше-

вистская прокламация после июльской забастовки.

Администрация завода, которая при содействии полиции всемерно старалась изолировать бастующих от помощи извне, всячески препятствовала попыткам рабочих других заводов материально помочь путиловцам.

«На Нарвском проспекте в разных местах, на улице и в трактирах, — пишет, например, директор Путиловского завода Белоножкин в частном письме к управляющему отделом торговли и промышленности министерства финансов Ланговому, — раздаются деньги разными лицами, которые при этом подговаривают продолжать забастовку во что бы то ни стало. Судя по описанию, это в большинстве случаев евреи, а также и рабочие других заводов... Нельзя ли какими-либо административными мерами запретить раздачу денег?»¹

Статистика количества рабочих, приступивших к работе по отдельным цехам после июльского локаута, чрезвычайно ярко отображает всю вынужденность, всю постепенность сдачи позиций стачечниками.

Железнодорожная мастерская начала работать 11 августа при 40%, и лишь к 9 августа число рабочих дошло до 82% и приблизительно на этой же цифре (84%) оставалось до 16-го этого же месяца.

В прессовой мастерской через две недели после конца стачки работало лишь 42% рабочих, открыта она была при наличии 9% общего количества рабочих.

Рабочие с величайшей неохотой ставали на работу, несмотря на то, что стачка тяжелой формой отразилась на их материальном положении. «Все продавали, закладывали, что могли, до последней подушки, — пишет в своих воспоминаниях рабочий-путиловец г. Рабинович, — на улицах попадались целые семьи рабочих, обессиленные, опухшие от голода»².

Таким образом путиловцы вступили в октябрьские дни не только с сильно поредевшими рядами, но и изголодавшиеся и материально обессиленные.

Однако все вышесказанное не дает никаких оснований согласиться с А. П. Серебровским, утверждавшим в своих воспоминаниях, что «на этот раз (т. е. в октябре—декабре 1905 г. — С. О.) путиловцы не шли

¹ ЛОЦИА. Фонд министерства финансов. Делопроизводство по фабричным и горнозаводским делам присутствия, дело № 35/1905 г.

² «Путиловцы в 1905 г.». Изд. «Прибой», 1931, стр. 14.

во главе общего петербургского движения»¹, и тем самым фактически солидаризирующимся с меньшевиками, прямо заявлявшими, что «Путиловец» в это время занимал определенно хвостистскую позицию.

Именно меньшевикам понадобилась фальсификация истории октябрьского периода такого завода-гиганта, как Путиловский, чтобы на его примере доказать, что «исход октябрьских дней был predetermined», так как пролетариат самостоятельно был слаб, а «к моменту решительного натиска не сформировалась и не стала в центре движения буржуазная демократия»².

11 октября московские события, послужившие прологом ко всеобщей политической стачке, нашли яркое отражение в Петербурге. Невский судостроительный, Александровский вагоностроительный и механический заводы прекратили работу.

«Сегодня утром, 13 октября, — сообщает в докладе по охранной агентуре ротмистр Дукельский, — начались беспорядки. Рабочие Путиловского завода громадной толпой идут по шоссе к Нарвским воротам и закры-

¹ «Воспоминания членов совета». Изд. «Прибой», 1926, стр. 37.

² «Общественное движение в России». Т. III, кн. 5-я, стр. 610.

Бастующие рабочие Путиловского и Франко-русского заводов, окруженные полицией.

вают по пути торговые заведения, убит полевой городской, войска пока еще не стреляют»³.

В этот же день был создан Совет рабочих депутатов, который, как говорил Ленин, «вырос из потребностей непосредственной массовой борьбы, как орган ее»⁴.

Ведущее ядро посланной путиловцами Совет делегации, состоявшей из 26—28 чел., составляли представители новомеханической и лафетно-снарядной мастерских — видные работники большевистской организации, — Полетаев, впоследствии член III Государственной думы от рабочей курии и первый официальный «издатель» газеты «Правда», Творогов, Серебровский (Логинов) и др.

Авторитет путиловской делегации в Совете был чрезвычайно велик. Два путиловца-большевика, Полетаев и Серебровский (Логинов), вошли впоследствии в Исполнительный комитет, а кроме того путиловцам, как правило, поручалось представительство от имени Совета в тех случаях, когда необходимо было придать делегации наибольшую авторитетность.

Пушечника Буянова Совет намечал делегировать в Германию для связи с социалистическими партиями и для проведения митингов, посвященных годовщине 9 января; совместно с обуховцами путиловцы были направлены к морскому министру Бирилеву с требованием прекращения локаута на Балтийском заводе и приема обратно всех уволенных рабочих.

Такая авторитетность путиловских делегатов была бы в высшей степени удивительна, если бы путиловские рабочие действительно, как это утверждают меньшевики, занимали в это время хвостистскую позицию.

Однако, если внимательно проанализировать факты, то сразу станет очевидным, что авторитетность эта была вполне заслуженной и что даже в этот наиболее тяжелый для них период путиловские рабочие не только шли в ногу с передовой частью питерского пролетариата, но в отношении решающего вопроса этого периода — вооруженного восстания — являлись определенно ведущими.

Ни одно воззвание, ни один манифест Совета рабочих депутатов по существу не прошли незамеченными у путиловцев.

³ ЛОЦИЯ. Фонд дворцового коменданта, доклады по охранной агентуре за 1905 г.

⁴ Ленин. Собр. соч. Т. IX, стр. 399.

Бастующие путиловцы у завода. Январь 1905 г.

Три раза Совет призывал петербургских рабочих к забастовке, и три раза прекращались работы на Путиловском заводе.

Первое воззвание Совета, призывавшее питерский пролетариат присоединиться ко всеобщей забастовке, появилось 13 октября вечером, а 14 октября, как телеграфирует инженер министерства путей сообщения, прикомандированный к заводу для приема заказов, «служащие и рабочие Путиловского завода... забастовали для выражения сочувствия и поддержки в требовании общей забастовкой политической свободы»¹.

2 ноября по призыву Совета, в связи с судом над восставшими в Кронштадте моряками и событиями в Польше, началась забастовка, прошедшая под лозунгом «Долой полевые суды, долой смертную казнь, долой военное положение в Польше и во всей России!»

Лишь 7 ноября, согласно решению Совета, «приступили к работе 74 предприятия с 14 635 рабочими, в том числе и Путиловский завод»².

¹ ЛОЦИА. Фонд министерства путей сообщения. Дело № 271/1905 г.

² «Торгово-промышленная газета», 1905 г. № 240.

Наконец, 7 декабря в связи с событиями в Москве Советом было решено прекратить работу, и на завтра «в некоторых мастерских Путиловского завода работы начали прекращаться с 10 часов утра. После обеда работы были прекращены и в остальных цехах»³.

Столь же четко реагировали путиловцы и на финансовый манифест Совета, вменив в обязанность депутатам «заявить правлению завода, чтобы заработная плата выдавалась звонкой монетой».

Анализируя работу путиловской делегации в Совете, прежде всего необходимо отметить, что ее работа протекала под знаком обостреннейшей внутренней борьбы за руководство массами между выборными большевиками и меньшевиками.

Эта борьба особенно рельефно проявилась в вопросе о 8-часовом рабочем дне.

В то время как социал-демократия считала совершенно необходимым и немедленно введение 8-часового рабочего дня, на одном из заседаний Совета делегат Путиловского завода — меньшевик — выступает

³ «Торгово-промышленная газета», 1905 г. № 264.

против его введения, ссылаясь на невозможность борьбы на два фронта, на невозможность в настоящих условиях бороться с буржуазией.

«Мы не раз устраивали стачки и оставались без куска хлеба,—говорил этот делегат.—Но мы убедились, что не можем бороться на два фронта: против правительства и против капиталистов. Сначала покончим с одним врагом, с самодержавием, а там у нас будет достаточно сил, чтобы бороться и за улучшение нашего экономического положения. Знаю, что тяжело стать на работу на прежних условиях, но необходимо это сделать, чтобы напрасно не обессилить себя».

Это типичное меньшевистское выступление тут же получило отпор как со стороны прочих путиловских делегатов, так и со стороны представителей других заводов.

«За борьбой с самодержавием нельзя забывать капиталистов»,—заявила делегатка мастерских Харламова.

Еще более резко обрушилась на этого путиловца депутатка фабрики Максвеля Болдырева.

«Вы приучили своих жен,—говорила она, обращаясь к путиловским делегатам,—сладко есть и мягко спать, и потому вам страшно остаться без заработка, но мы этого не боимся, мы готовы умереть, но добиться 8 часов работы».

Выступление путиловского меньшевика против 8-часового рабочего дня впоследствии было преподнесено меньшевистской литературой как декларация всего путиловского пролетариата.

При этом характерно, что о выступлении на том же заседании другого представителя путиловского завода, давшего сокрушительный отпор делегату-меньшевику и при этом вскрывшего недостаточную революционную решительность Совета и половинчатость его резолюций, как Хрусталева, так и другие авторы «Истории Совета РД» обычно умалчивают.

«Вся беда в том, — заявил на том же собрании делегат-большевик, — что мы недружно держались. Вина тут Совета, который постановил, что добиваться должны лишь те заводы, которым это под силу. Нужно продолжать забастовку».

Кто же выражал подлинное настроение путиловского пролетариата и за кем шли рабочие массы?

8-часовой рабочий день неизменно фигу-

рировал во всех требованиях путиловских рабочих в течение 1905 г. Еще в январе в ряде цехов завода явочным порядком осуществлялся 8-часовой рабочий день.

Несмотря на меньшевистские уверения, что Путиловский завод теперь не может бороться за 8-часовой день, массы под руководством большевиков всячески боролись за его осуществление.

28 и 29 октября, т. е. еще за день до опубликования Советом декрета о введении 8-часового рабочего дня, ночные смены механической мастерской работали лишь по 8 часов¹.

«31 октября на Путиловском заводе, — сообщает «Новая жизнь», — состоялся многочисленный общий митинг, на котором обсуждался вопрос о немедленном введении 8-часового рабочего дня. Большинство ораторов высказывалось за проведение в жизнь 8-часового рабочего дня путем фактического применения его», т. е. «отработав 8 часов, уходи домой».

Однако дальнейшая борьба за 8-часовой день в этот период была прервана начавшейся ноябрьской забастовкой.

Еще 18 октября путиловцы очутились перед фактом гражданской войны.

Если 13 октября, по выражению ротмистра Дукельского, «войска пока еще не стреляли», то 18-го они уже не «стеснялись».

Толпа рабочих механических мастерских, вышедшая под лозунгом «Долой самодержавие, да здравствует революция!», была расстреляна полицией и казаками.

«Гражданская война и в октябре и в ноябре, — писал Ленин в своей работе «Исторический смысл внутривластной борьбы», — была фактом (а мирные «перспективы» — либеральной ложью); выразилась эта война не только в погромах, но и в борьбе вооруженной силой против непокорных частей армии, против крестьян в трети России, против окраин. Люди, которые при таких условиях считают «искусственным» вооруженное восстание и массовую стачку в декабре, лишь искусственно могут быть причисляемы к социал-демократам»².

Однако ввиду того, что в первом и во втором Советах рабочих депутатов было значительно влияние тех лиц, которые, по выражению Ленина, лишь «искусственно» могли быть причислены к социал-демократам, Со-

¹ «Торгово-промышленная газета», 1905 г. № 239.

² Ленин. Собр. соч. Т. XV, стр. 17.

Встреча демонстрантов с кавалерийским отрядом. Петербург. Ноябрь 1905 г.

веты всячески саботировали вооруженное восстание.

И не случайным является тот факт, что впоследствии меньшевики всячески замалчивали истинные цели массового самовооружения петербургского пролетариата, объясняя все «вынужденным вооружением в целях самообороны от нападений черной сотни».

29 октября на заседании Совета рабочих депутатов выступил делегат Путиловского завода, «вынул из бокового кармана самодельный клинок и заявил, что у них вооружается 12 000 рабочих и, если они понадобятся, то нужно только сказать по телефону»¹.

Несмотря на открытое заседание и на беспорядочное присутствие шпионов этот оратор все же дал понять истинные цели вооружения путиловских рабочих, подчеркнув «тот отрядный, — как он заявил, — факт, что в вооружениях на их заводах принимали участие и те товарищи, которые во время последних стачек шли на бастующих с ломом и колыями», и таким образом подчеркнул, что за черносотенцами ныне не идет даже малосознательная часть рабочих, что фразы делегатов о вооружении в целях борьбы с черной сотней есть лишь конспиративный прием и что вооружение 12 000 путиловцев имеет своим назначением не самозащиту, а подготовку материальной базы для вооруженного восстания.

Вооружение путиловских рабочих вполне естественно встретило резкое противодействие со стороны меньшевиков. Борьба членов Совета—большевиков с меньшевика-

ми — по поводу вооруженного восстания вылилась в резкий конфликт по вопросам о том, на что следует использовать собранные на заводе деньги и должна ли эта сумма всецело пойти на вооружение, т. е. на то, на что она в действительности собиралась, или же следует внести ее, как настаивали меньшевики, в стачечный фонд.

12 ноября районное собрание большевиков Нарвского района постановило не отсчитывать ни копейки «на цели, не указанные раньше организации сбора»², и таким образом собранная путиловцами, несмотря на огромную нужду, сумма около 3 тыс. руб., из которых одна только паровозомеханическая мастерская дала около 500 руб.³, полностью была использована на вооружение.

И после всего этого Троцкий, делая реверансы перед перепуганной «либеральной» буржуазией, осмеливался впоследствии заявлять, что «несколько десятков револьверов — таков единственный подлинный репертуар вооруженного восстания»⁴.

Вооружение путиловского пролетариата являлось не стихийным фактом, а следствием глубокого осознания необходимости и неизбежности вооруженного восстания.

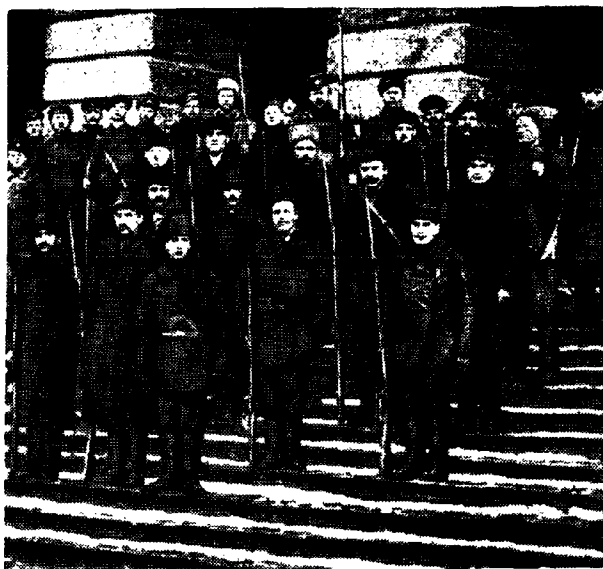
«Мы, рабочие Путиловского завода, — пишут 14 ноября в своей резолюции по докладу большевистских ораторов рабочие паровозомеханической, минносорочной и лафетно-снарядной мастерских, — приветствуем революционно восставших товарищей — се-

¹ «1905 г. в Петербурге». Вып. II. СРД, стр. 169.

² «Новая жизнь», 1905 г. № 13.

³ «Набат», 1905 г., № 2.

⁴ Троцкий. Собр. соч. Т. II, ч. 2-я, стр. 172.

Красногвардейцы-путиловцы у Смольного. Октябрь 1917 г.

восточных солдат и матросов. Мы видим в этом важный этап по пути к освобождению России от кровавого самодержавия. Войску принадлежит средство направить русскую революцию по наименее кровопролитному пути. Путь этот — единение революционной армии с революционным народом, во главе которого борется пролетариат под знаменем РСДРП. Да здравствует вооруженное восстание, РСДРП и демократическая республика!»¹.

Стараясь всегда быть начеку, оберегая свои ряды от деморализации и учитывая опыт кронштадтского восстания, которое частично было сорвано благодаря провокационному разгрому винных лавок, путиловцы 16 ноября постановили «не пить казенного вина и вообще хмельных напитков с 17 ноября по 17 февраля 1906 г., а кто ослушается и будет замечен выпившим, то того... на 1-й раз штрафуют на 3 рубля, на 2-й раз на 4, а в 3-й раз виновный передается на усмотрение мастерской, какое применить к нему наказание, и друг за другом обязуемся следить»².

Декабрьские события в Москве показали, что момент решительных действий наступил. Первое мероприятие — обезопасить московских товарищей от подвоза карательных отрядов.

¹ «Новая жизнь», 1905 г., № 15.

² «Начало», 1905 г., № 7.

«Путиловцы настаивают на железнодорожной забастовке и предупреждают, что остановят движение сами, если железнодорожники не забастуют»³.

Однако петербургский комитет железнодорожников не сумел организовать должного отпора правительству, и 13 декабря Семеновский полк отправился в Москву.

11 декабря за Нарвской заставой начались беспорядки. Выйдя из завода, путиловцы остановили конку и 2 паровоза путиловской ж.-д. ветки.

12 декабря «с утра у завода собрались рабочие, чтобы выслушать сообщение депутатов о последнем заседании СРД. Было передано решение СРД продолжать забастовку. Сообщены были известия о событиях в Москве. Настроение собравшихся быстро повышалось. Немедленно приступили к тушению мартеновских печей, а часть рабочих направилась закрывать соседний заводик. Часть рабочих бросилась на улицу и начала выворачивать телеграфные столбы с намерением строить баррикады»⁴.

Еще 3 декабря путиловцы всецело шли за Советом и ждали лишь его призыва к вооруженному восстанию.

«Мы, рабочие, готовы выступить в бой с правительством, — пишут они в своей резолюции, — не останавливаясь и перед вооруженным восстанием. Но лишь по призыву со стороны нашего СРД, которому мы выражаем свое полное доверие»⁵.

Но через девять дней «Путиловец» уже не ждал призыва Совета. Путиловский пролетариат, руководимый большевиками, не мог в декабре ограничиться лишь всеобщей стачкой, к которой призывал Совет.

Всеобщая политическая стачка была уже для путиловцев пройденным этапом, и они перешли к высшей ступени борьбы — к вооруженному восстанию.

Но отсутствие централизованного руководства благодаря меньшевистской позиции Совета вскоре заставило путиловцев, еще не исчерпавших всех своих возможностей, отказаться от вооруженной борьбы.

«Сегодня с утра, — доносит 19 декабря инженер министерства путей сообщения, — на Путиловском заводе возобновились работы во всех мастерских»⁶.

³ «Известия СРД», № 9, приложение.

⁴ «Известия СРД», 1905 г., № 10.

⁵ «Северный голос», 1905 г., № 1.

⁶ ЛОЦИА. Фонд министерства путей сообщения. Дело № 271/1905 г.

В. Аменицкий

ТАГЕР А. С. ЦАРСКАЯ РОССИЯ И ДЕЛО БЕЙЛИСА. ОГИЗ. «СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОСТВО». М. 1933. 308 СТР. 5 Р. 50 К. 5000 ЭКЗ. С ПРЕДИСЛОВИЕМ А. ЛУНАЧАРСКОГО.

Автор этой интересной книги не напрасно посвятил свыше 10 лет изучению разных архивных, когда-то «тайных» материалов.

Прав был А. В. Луначарский, который в своем предисловии к книге отмечал, что труд этот имеет международное значение.

Это замечание верно потому, что антисемитизм живет в странах капитала, потому что ежедневно мы получаем сведения о гнуснейших формах антисемитизма в Австрии, Румынии, в фашистской Германии, где, по верному замечанию А. В. Луначарского, «гитлеровский фашизм распоясался и принял формы самого звериного национализма, где евреев арестовывают, высылают, лишают всякого заработка, избивают, где наиболее популярный теперь лозунг: «Бей коммунистов и евреев!»

Как известно, антисемитизм возведен фашистами в степень принципиальной государственной доктрины еще в большей мере, чем это было в царской, дореволюционной России. Мы знаем, что уже после назначения Гитлера канцлером Германии его биограф Иоганн фон-Лерс в своей книге «Адольф Гитлер» (1933 г.) посвятил специальную главу отношению современного фашизма к евреям, назвав эту главу «Гитлер—враг евреев». Фон-Лерс прямо предупреждает, что национал-социализм не только сейчас враждебен евреям, но и «всегда таким останется».

Книга Тагера интересна особенно сейчас, после провала лейпцигского судилища, методы «организации» которого столь напоминают пресловутое дело Бейлиса. Умиравшая буржуазия использует те же присмыслы борьбы с революцией, какие применял умиравший класс помещиков, борясь за свое господство.

Книга Тагера представляет значительный интерес также и потому, что с максимальной ясностью вскрывает все преступные махинации царизма и его служителей. Книга Тагера, с необычайной яркостью показывая весь ужас бесправия угнетенных царизмом народов, заставляет советского и зарубежного читателя еще глубже понять все великое освободительное, революционное значение национальной политики первого в мире рабочего государства. Пережитки антисемитизма «в сознании людей» имеются и в нашей стране, являясь одним из наихудших «родимых пятен», оставленных нам капитализмом. Борьба против этих пережитков, используемых классовым врагом,—одна из наших важнейших задач. Книга Тагера, вскрывая отвратительный лик антисемитизма, несомненно, может помочь осуществлению этой задачи.

Характеризуя социально-политическую обста-

новку, в которой происходило дело Бейлиса, автор правильно подчеркивает, что щегловитовщина являлась юридическим выражением столыпинщины.

Автор отмечает, что дело Бейлиса, организованное прокурором киевской судебной палаты Чаплинским по приказанию министра юстиции Щегловитова, по инициативе правых монархических организаций и с ведома Николая II, являлось одним из самых ярких по своему трагизму и общественному значению политических процессов «конституционной» России.

Автор тщательно изучил не только дореволюционные ведомственные архивы, но и такие ценные послереволюционные материалы, как дела Чрезвычайной следственной комиссии для расследования преступных действий б. царских министров, созданной сразу же после Февральской революции, под председательством Муравьева (3 тома), материалы и отдельные дела Верховного революционного и Московского революционного трибуналов, которые занимались делом Бейлиса и судили некоторых из постановщиков этого гнусного процесса.

Автор приводит интересные данные об искусственной фабрикации заведомо ложной и псевдонаучной экспертизы, о том, как органы власти—полиция, охранное отделение и прокуратура—подставляли явных лжесвидетелей, заставляли их путем подкупа, спаивания и угроз давать показания против ни в чем неповинного Менделя Бейлиса.

Автор документально доказывает, что ведение процесс Бейлиса заранее знали, что все обвинение было выдуманно, что все «улики» и доказательства по части «ритуала» были искусственно созданы (эксперт проф. Косоротов был просто подкуплен!).

Организаторы процесса знали действительных убийц и умышленно укрыли их от суда.

Архивные документы показывают, что версия убийства Андрияши Ющинского шайкой Веры Чеберяк, выдвинутая защитой Бейлиса представленной рядом крупных адвокатов-либералов—О. О. Грузенбергом, Н. П. Карабчевским, А. С. Зарудным, В. А. Маклаковым и Д. Н. Григоровичем-Барским), оказалась совершенно правильной. Защитники считали, что Андрияша Ющинский был убит из мести 12 марта 1911 г. в Киеве в квартире притонодержательницы и члена «Союза русского народа» Веры Чеберяк («Чеберячка», она же—«Верка-чиновница») тремя уголовными преступниками: Борисом Рудзинским (по кличке «Министерская голова»), Иваном Латышевым («Ванькой Рыжим», он же—«Доктор») и братом «Чеберячки»—Петром Сингаевским («Плисом»), которые на следующий же день уехали в Москву, где и были арестованы 16 марта 1911 г. во время кутежа.

Эта версия, как считалось на процессе Бейлиса, была основана на материалах так называемого «частного» расследования журналиста Бразуль-Брушковского, производившегося при помощи б. пристава Красовского и его сотрудников Караваева и Махалина, но А. С. Тагеру

удалось по архивным данным установить, что та же версия была выдвинута еще до появления Бразуль-Брушковского жандармской полицией в лице подполковника Иванова, который неоднократно высказывал свои соображения по делу и своему начальству и прокурору киевской судебной палаты Чаплинскому.

А. С. Тагер выяснил также, что прокуратура эту действительную картину убийства скрыла от суда присяжных заседателей с целью инсценировки во что бы то ни стало ритуального процесса, как того требовали черносотенные организации.

Тагер рядом документов еще раз подтвердил, что убийство мальчика Ющинского киевскими ворами и налетчиками было использовано тогдашним царским правительством и правыми монархическими организациями (ими руководили тогда в Петербурге Замысловский и Марков 2-й, в Москве—Шмаков и в Киеве—Голубев) для инсценировки обвинения Менделя Бейлиса в убийстве А. Ющинского «по религиозным побуждениям, вытекающим из основ еврейского (иудейского) вероучения».

Кроме того Тагер приводит ряд новых положительно вопиющих материалов о том же процессе. В делах об убийстве всегда имеет громадное значение судебно-медицинская экспертиза, подробно исследующая труп. Труп Андриуши Ющинского был обнаружен заброшенным в пещере 20 марта 1911 г., и 22 марта было произведено первое судебно-медицинское вскрытие трупа доктором Карпинским.

По предложению прокурора, неудовлетворившегося первым вскрытием, было произведено 26 марта вторичное вскрытие проф. Оболенским и прозектором Туфановым.

Характерно, что письменное заключение было дано этими двумя экспертами лишь спустя месяц—25 апреля, а до того—9 апреля—черносотенная газета «Земщина» уже использовала несуществующее еще заключение «авторитетных» экспертов для очередной клеветы и провокации, доказывая, что обнаруженные экспертами на трупе Андриуши Ющинского 45 колотых ран нанесены ему при жизни.

Между тем прокурор киевского окружного суда Брандорф (он не был сторонником ритуальной версии, за что впоследствии был уволен Чаплинским), ссылаясь на заключение прокурора Туфанова, еще 15 апреля докладывал прокурору киевской судебной палаты и министру юстиции о том, что только раны в голову и шею были нанесены А. Ющинскому при жизни, а все остальные поранения и уколы в области груди и шеи были нанесены уже после смерти мальчика. Брандорф доказывал, что убийство было совершено, очевидно, из мести, а не по ритуальным соображениям.

Тем не менее, когда те же оба эксперта были допрошены 25 апреля в присутствии самого прокурора палаты Чаплинского, появилось совершенно новое заключение о том, что все 45 уколов и ранений были нанесены при жизни.

Таким образом, подчеркивает Тагер, появилась первая фальшивка, сфабрикованная царевым оком—прокуратурой.

Производя свои дальнейшие раскопки в архивных материалах б. директора департамента полиции Белецкого, Тагер сообщает, что там же, в нескороаемом шкафу, была обнаружена подлинная расписка профессора и тайного

советника Д. Косоротова в получении от названного Белецкого 19 сентября 1913 г. 4000 руб. за соответствующую «экспертизу» по делу Бейлиса...

Как известно, по настоянию Замысловского и с согласия министра Щегловитова умерший ко времени рассмотрения дела Бейлиса в Киеве эксперт проф. Оболенский был заменен названным Косоротовым, который дал нужное для властей «заключение», шагнув еще ближе к «ритуалу», чем это сделали эксперты Оболенский и Туфанов, и ложно удостоверив на суде (под присягой!), что повреждения были нанесены А. Ющинскому с намерением получить возможно больше крови...

После запроса правых 29 апреля 1911 г. в Государственной думе на имя министров юстиции и внутренних дел в связи с убийством А. Ющинского Щегловитов в тот же день командировал в Киев своего видного сотрудника Лядова, снабдив его широкими и секретными полномочиями—поставить все следствие по делу Ющинского на строго ритуальные рельсы.

По собранным А. С. Тагером материалам видно, что уже с первого дня приезда в Киев, т. е. с 1 мая 1911 г., Лядов устроил ряд совещаний с представителями администрации, прокуратуры и киевскими монархическими организациями во главе с их председателем, студентом Голубевым, по поводу дела «Бейлиса», а также об... организации в Киеве еврейского погрома...

Чтобы подкрепить уже имевшиеся в деле «ритуальные» доказательства, исходявшие главным образом от В. Чеберяк, тот же Лядов при участии прокурора Чаплинского ввел в дело в качестве экспертов по «ритуальным» убийствам неизвестно откуда взявшегося престарелого архимандрита Амвросия и некоего проф. Сикорского, который дал ярко ритуальное, вымышленное и грубо невежественное «заключение».

По словам бывшего прокурора киевского окружного суда Брандорфа, тогда же был введен в дело в качестве свидетеля названный уже погромщик Голубев, который и изобрел виновность «жида» М. Бейлиса, арестованного 22 июля 1911 г. по личному распоряжению Чаплинского.

Основанием к привлечению М. Бейлиса в качестве обвиняемого в убийстве А. Ющинского помимо экспертиз архимандрита Амвросия и проф. Сикорского и помимо фальсифицированного медицинского заключения Оболенского и Туфанова послужили свидетельские показания супругов Казимира и Ульяны Шаховских и производившего их опрос на дознании сыщика Адама Полищука.

Достаточно будет отметить, что первый из этих свидетелей, К. Шаховский, допрашивался на следствии семь раз, давая очень сжатые и уклончивые показания. Лишь в последнем его показании начал фигурировать еврей «с черной бородой», якобы тащивший к печи мальчика Ющинского. Ульяна же Шаховская давала свои показания, по ее собственным словам, по наущению сыщиков Полищука и Вагранова которые напивали ее до полного опьянения и потери сознания...

Прокурор палаты Чаплинский играл, оказывается, в деле Бейлиса двойственную роль. Все официальное следствие он ставил, как уже

отмечалось, на явно «ритуальные» рельсы. Чувствуя, однако, шаткость этой версии и имея кое-какие сведения от своих людей и из центра, что несколько колеблется и сам Щегловитов, Чаплинский «негласно» поручил жандармской полиции найти действительных убийц. Это «негласное» расследование привело к притону «Чеберячки». Чаплинский держал это негласное расследование наготове, на всякий случай, если из центра подует другой ветер...

Отдав письменное распоряжение об аресте Бейлиса, Чаплинский одновременно, в тот же день словесно предложил охранному отделению арестовать В. Чеберяк. Однако 7 августа 1911 г. В. Чеберяк была освобождена.

На другой же день, 8 августа, скоропостижно умер ее сын Евгений, важнейший свидетель по делу, сверстник А. Ющинского, игравший с последним все утро 12 марта.

Сопоставив ряд данных, а также ссылаясь на циничную фразу самой В. Чеберяк, сказанную ею 20 июля 1911 г. в присутствии свидетелей, что «из-за такой дряни, как Женя, ей придется отвечать», — А. С. Тагер приходит к убеждению, что, боясь быть привлеченной к делу Ющинского в качестве обвиняемой, В. Чеберяк отравила своего сына Женю, который мог ее выдать, а спустя несколько дней после смерти Жени и дочь Валентину.

Поэтому автор книги называет «Чеберячку» «трижды убийцей».

После нескольких месяцев запыля в следствии по делу А. Ющинского и после того как правые 7 ноября 1911 г. внесли в Государственную думу свой второй запрос по тому же делу министерство юстиции затребовало из Киева все вновь собранные материалы.

Прокурор Чаплинский подыскивал сильного обвинителя, способного «протащить» перед присяжными заседателями искусственно созданную «ритуальную» версию.

Выбор Чаплинского, опять-таки по рекомендации правых организаций, пал на товарища прокурора винницкого окружного суда А. А. Карбовского, срочно переведенного в Киев.

Первый «подвиг» Карбовского относится к 23 ноября 1911 г., когда он, побывав несколько раз «по делам службы» в киевской тюрьме, вступил там в беседу с одним из арестованных, по фамилии Козаченко.

В результате этой беседы администрацией тюрьмы была получена от Козаченко переданная ему записка от Менделя Бейлиса на имя его жены; помимо этого тот же Козаченко просил Карбовского срочно допросить его по делу Бейлиса и дал весьма странное показание о том, что будто бы Бейлис просил его, Козаченко, отравить двух важных свидетелей по его делу: «фонарщика» (свидетель Шаховский был фонарщиком) и какую-то «лягушку», назвать которую должна ему жена Бейлиса, причем последняя сможет заплатить ему за это дело рублей 300—500...

Свидетель Козаченко впоследствии на суд не явился, но показание его целиком было включено в обвинительный акт как серьезная улика против М. Бейлиса.

Однако уже после окончания судебного процесса стало известно, что еще до суда тот же Козаченко сознался жандармскому подполковнику Иванову в том, что он дал против Бейлиса заведомо ложное показание и что Иванов тогда же доложил об этом факте прокурору

Чаплинскому, который, однако, распорядился это заведомо ложное показание Козаченко внести в обвинительный акт.

Второй «подвиг» того же Карбовского относится к 11 марта 1912 г., к допросу в той же киевской тюрьме другого арестованного—Моисея Кулиничу, который дал показание о том, что Мендель Бейлис, находясь в одной с ним камере, еще в первых числах декабря 1911 г. якобы сознался ему, Кулиничу, в убийстве Андрияна Ющинского и даже в том, что «кровь мальчика была нужна для какого-то обряда к празднику пасхи».

По словам А. С. Тагера, Карбовский на этот раз настолько перестарался, что даже прокуратура в тот момент не нашла возможным использовать эти весьма «ценные» данные.

Наконец, А. С. Тагер останавливается еще на одной фальшивке, внесенной в дело Бейлиса тем же «спецом» Карбовским, очевидно, по приказанию «свыше» (т. е. Чаплинского).

Трижды убийца «православная» «Чеберячка» допрашивалась на предварительном следствии ровно семь раз, и ни в одном из своих показаний она не ссылалась на то, что ее сын Женя рассказывал ей, будто видел, как М. Бейлис схватил Ющинского и куда-то потащил... Такое важное показание было дано «Чеберячкой» тому же товарищу прокурора Карбовскому лишь 14 мая 1912 г., т. е. когда ее сына уже не было в живых...

Автор анализирует также историю привлеченный к делу в качестве эксперта «по ритуальным убийствам» ксендза Иустина Пранайтиса.

По словам автора, как самое обнаружение этого ташкентского ксендза, так и мысль об использовании его в качестве эксперта целиком принадлежали черносотенным организациям и в частности совету объединенного дворянства.

Черносотенцы, требуя гонений на евреев, ссылались на научные труды ксендза Пранайтиса. «Труд» Пранайтиса, написанный им еще в 1891 г. на латинском языке, «Христианин в талмуде еврейском или тайны раввинского учения о христианах» был в 1911 г. быстро переведен на русский язык и бесплатно раздавался черносотенцами каждому желающему.

Грубое невежество Пранайтиса было вскрыто в ходе процесса.

Три последующих главы своей книги А. С. Тагер посвятил характеристике хода процесса.

Тагер, характеризуя личность председателя суда Ф. А. Болдырева, незадолго перед тем занимавшего скромный пост председателя небольшого уманьского окружного суда, но быстро выдвигнувшегося в результате умелого руководства выборами в Государственную думу, подчеркивает «уважение», которым Болдырев был проникнут к суду присяжных заседателей, допустив на процесс под видом курьеров, обслуживающих комнаты присяжных заседателей, переодетых жандармов, ежедневно дававших властям сводки о всех наблюдениях за «судьями общественной совести» и о всех подслушанных разговорах, состоявшихся, естественно, полную «тайну» совещательной комнаты.

Останавливаясь на ходе самого процесса, А. С. Тагер красочно описывает кульминационный пункт всего процесса Бейлиса— очную ставку 11 октября 1913 г. действительного убийцы Андрияна Ющинского Петра Сингаевского со свидетелем Махалиным.

Далее, автор приводит также материал, всецело изобличавший в совершении того же убийства Бориса Рудзинского и Ивана Латышева.

В заключительной главе автор останавливается на общей оценке всего процесса Бейлиса, который еще в свое время удачно называли «полицейской Цусимой».

По словам А. С. Тагера, создание и инсценировка этого ритуального процесса не были изолированным начинанием какого-либо одного ведомства, а явились делом всего царского правительства.

Те неоднократные доклады, которые представлялись по этому делу царю Николаю II и его министрам, свидетельствуют о том, что все это дьявольское начинание имело за собою от начала до конца полную поддержку и одобрение монарха.

Дело Бейлиса, отмечает автор, слушалось в том году, когда династия Романовых праздновала 300-летие своей власти над Россией.

Это дело чрезвычайно ярко характеризует режим в годы правления Николая II.

Наряду со своими историческими достоинствами книга А. С. Тагера содержит и грубейшие политические ошибки, отмеченные в послесловии от издательства, озаглавленном «Либерализм, царизм и дело Бейлиса».

К сожалению, в своем предисловии А. В. Луначарский обошел сугубо неправильную установку Тагера.

Между тем А. С. Тагер дает либеральную, буржуазную трактовку дела Бейлиса и роли разных общественных классов. Тагер утверждает, например, что различные политические партии—от большевиков до либералов—одинаково оценивали столыпинщину. Тагер не дает политической оценки критике царя со стороны Витте, лишь подчеркивая резкий характер этой критики и чуть ли не ставя Витте на одну доску с... большевиками!

Между тем и против всего режима царизма, и против антисемитизма, и против национальной политики самодержавия, и в частности против бейлисиады различные классы и партии в России и за ее пределами выступали с совершенно различных позиций.

А. С. Тагер совершенно не вдумался в следующее высказывание Ленина, приводимое в послесловии к книге:

«Царизму пришлось вести борьбу не на живот, а на смерть—пришлось искать иных средств защиты... Единственно, что оставалось царской монархии в таком положении,—была организация черносотенных элементов населения и устройство погромов. Высокоморальное негодование, с которым говорят о погромах наши либералы, не может не производить на всякого революционера впечатления чего-то донельзя мелкого и трусливого,—особенно, когда это высокоморальное осуждение соединяется с полным допущением мысли о переговорах и соглашениях с погромщиками. Монархия не могла не защищаться от революции, а полуазиатская крепостническая русская монархия Романовых не могла защищаться иными, как самыми грязными, отвратительными и подло жестокими средствами; не высокоморальные осуждения, а всестороннее и беззаветное содействие революции, организация революции для свержения такой монархии—есть един-

ственно достойный, единственно разумный для всякого социалиста и для всякого демократа прием борьбы с погромами»¹.

Мы знаем, что либералы никогда не делали вывода о необходимости свержения царизма, что либералы торговались с самодержавием от носительно «дележа» власти.

«Либералы,—неоднократно отмечал Ленин,—стремятся не к уничтожению власти крепостников, а к разделу власти между крепостниками и буржуазией». «Задача либералов,—говорит Ильич,—«попугать» Пуршкевича, так, чтобы он «потеснился», побольше места уступил либерализму, но так, чтобы отнюдь не могли при этом вовсе устранить с лица земли все экономические и политические основы пуршкевичевщины»².

Ясно, что либералы выступали против «бейлисиады помещиков, заставив эту власть и представляемый ею класс «потесниться», но отнюдь не стремясь эту власть ликвидировать.

Так, кадет В. А. Маклаков (он же был и одним из защитников Бейлиса), выступая в мае 1911 г. в Государственной думе против политики Столыпина, с гордостью заявил, что он сам—«монархист не меньше Столыпина». Исходя из ленинских оценок либерализма, его исторической роли, мы должны, таким образом, сделать вывод, что общая принципиальная установка книги Тагера—не наша, а буржуазная, либеральная.

Совершенно правильно критикуя Тагера, авторы послесловия, к сожалению, сделали односторонний вывод из вышеприведенной выдержки из Ленина: о неизбежности применения монархией погромов и других способов борьбы с революцией. «Либералы не понимали или делали вид, что не понимают исторической неизбежности погромно-ритуальной политики для царизма»,—писали авторы послесловия (стр. 291).

Таким образом авторы послесловия не подчеркнули основной мысли Ленина: либералы были против революции, либералы были за соглашение с царизмом, с погромщиками. Авторы также не подчеркнули с достаточной ясностью второго вывода Ленина: о необходимости организации революции.

К недостаткам книги Тагера надо отнести также следующее: автор всего несколько страничек уделил освещению того, как революционное подполье, в частности большевики и их фракция в Государственной думе боролись против всего столыпинского режима и против инсценировки процесса Бейлиса. Между тем автор располагал весьма обширными и ценными материалами по этому вопросу и, конечно, обязан был его осветить.

Автор не остановился на личном составе и большой работе специально созданного в 1911 г. в Петербурге комитета для организации отпора делу Бейлиса, а также на борьбе течений в этом комитете.

А. С. Тагер все же мало места уделил самой картине судебного процесса, растянувшегося на 34 дня.

Процесс был достаточно полно отражен и на страницах русской и заграничной печати и в трех обемистых томах изданного в 1913 г.

¹ Ленин. Т. XV, стр. 222—223.

² Там же, стр. 341.

стенографического отчета по делу Бейлиса, ставших теперь уже библиографической редкостью и потому недоступных широкому читателю.

Автор совершенно правильно указал на два как будто противоречивых момента — на то, что, с одной стороны, постановщики процесса Бейлиса во главе с министром Щегловитовым и министром внутренних дел Макаровым, зная шаткость всех искусственно созданных улик, готовились к возможности провала того же процесса, а с другой стороны, несмотря на явный провал обвинения и несмотря на оправдательный приговор Бейлису царь Николай все же осмысл «монаршей милостью» — чинами, орденами и повышениями по службе — многих из тех же постановщиков суда над Бейлисом...

А. С. Тагеру, безусловно, следовало увязать эти два момента и сообщить читателю, что постановщики дутого процесса Бейлиса, готовясь к его возможному провалу, подготовили себе заранее и отступление: они дали суду дирек-

тиву так средактировать поставленные на разрешение присяжных заседателей вопросы, чтобы даже при оправдании Бейлиса была все же подтверждена легенда о кровавом навете на евреев...

И они этого достигли. Ибо суд присяжных, несмотря на то что оправдал лично Бейлиса, утвердил первоначальную версию о ритуальном убийстве Андрея Ющинского на территории завода, принадлежавшего еврею Защеву.

В своем резюме присяжным заседателям председатель суда Болдырев подчеркивал, что против самого факта ритуального характера убийства на суде никто не возражал...

Царь понял, что не напрасно «старались» его верные холопы, и он наградил их всех «до царски».

Внушенная небольшим тиражом книга А. С. Тагера разошлась очень быстро.

Сейчас готовится второе издание, и надо пожелать, чтобы автор исправил указанные недостатки и глубоко-ошибочные установки в оценке позиции либеральной буржуазии.

Ф. Фрумкина

І ВСЕГЕРМАНСКИЙ СЪЕЗД РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ СОВЕТОВ. СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ. С ПРЕДИСЛОВИЕМ Е. ПАШУКАНИСА. ИНСТИТУТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ПРАВА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ. ГОСИЗДАТ. СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, 311 СТР. 8 Р. 80 К.

Перевод Стенографического отчета І всегерманского съезда рабочих и солдатских советов представляет ценнейший вклад в разработку материалов по истории германской революции.

Стенографический отчет І всегерманского съезда советов, происходившего 16—21 декабря 1918 г., дает богатейший материал, характеризующий всю подлость, всю звериную ненависть к рабочему классу шейдеммановской квинки, кровавых палачей германского революционного пролетариата и его вождей—Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Стенографический отчет дает убийственную характеристику независимцам, истеричным р...р...революционным болтунам, произносившим громкие фразы и всецело капитулировавшим перед шейдеммановцами.

Стенографический отчет отражает мужественную революционную работу спартаковцев, вскрывая вместе с тем их непоследовательность, их ошибки.

І съезд советов Германии, как правильно отмечает в своем предисловии т. Пашуканис, не отражал подлинного настроения широких масс революционного пролетариата страны. Осуществляя свою важнейшую на том этапе задачу, задачу фальсификации советов, т. е. напечения советской формы чуждым, антисоветским содержанием, социал-демократы большинства добились того, что на съезде из 490 делегатов 298 принадлежали к правительственным социалистам, 101 к независим-

цам и лишь 10 спартаковцев выявляли действительную волю немецкого пролетариата, но входили в единую фракцию независимых. Вожди немецкого пролетариата Карл Либкнехт и Роза Люксембург не были допущены на съезд даже в качестве гостей несмотря на то, что вопрос о допущении их 2 раза ставился на обсуждение.

Делегации революционного пролетариата и войск проникали на съезд с величайшими трудностями. Их не пропускали служители Палаты депутатов (рейхстага), в здании которой происходил съезд. На съезде им почти не давали говорить, откладывая обсуждение их предложений на следующие дни (это обсуждение так и не состоялось), и спешили удалить их из зала. Наконец, по предложению социал-демократического большинства съезд постановил не пускать делегации на съезд, поручив руководителям фракций вести с делегациями переговоры в других залах.

Председатель съезда от социал-демократов большинства Лейнерт неоднократно требовал удаления из зала приехавших из отдаленных районов и областей рабочих и солдат, мандаты которых по тем или другим, чисто формальным причинам не были признаны мандатной комиссией. Лейнерт добился удаления из зала даже курьеров исполнительного совета рабочих и солдатских депутатов.

Лейнерт же неоднократно обращался с ядовитейшими замечаниями к так называемым «посетителям трибун»—гостям, упрекая их за малейшую попытку выразить одобрение или порицание ораторам, особенно тогда, когда с трибун раздавались одобрительные возгласы по отношению к левой части съезда.

Одним словом, были приняты все меры к тому, чтобы отгородить съезд от рабочего класса Германии.

И, однако, гул революции доносился и до этого фальсифицированного съезда. Революционные народные массы влияли на известную часть съезда. В выступлениях по вопросу

стенографического отчета по делу Бейлиса, ставших теперь уже библиографической редкостью и потому недоступных широкому читателю.

Автор совершенно правильно указал на два как будто противоречивых момента — на то, что, с одной стороны, постановщики процесса Бейлиса во главе с министром Щегловитовым и министром внутренних дел Макаровым, зная шаткость всех искусственно созданных улик, готовились к возможности провала того же процесса, а с другой стороны, несмотря на явный провал обвинения и несмотря на оправдательный приговор Бейлису царь Николай все же осмысл «монаршей милостью» — чинами, орденами и повышениями по службе — многих из тех же постановщиков суда над Бейлисом...

А. С. Тагеру, безусловно, следовало увязать эти два момента и сообщить читателю, что постановщики дутого процесса Бейлиса, готовясь к его возможному провалу, подготовили себе заранее и отступление: они дали суду дирек-

тиву так средактировать поставленные на разрешение присяжных заседателей вопросы, чтобы даже при оправдании Бейлиса была все же подтверждена легенда о кровавом навете на евреев...

И они этого достигли. Ибо суд присяжных, несмотря на то что оправдал лично Бейлиса, утвердил первоначальную версию о ритуальном убийстве Андрея Ющинского на территории завода, принадлежавшего еврею Защеву.

В своем резюме присяжным заседателям председатель суда Болдырев подчеркивал, что против самого факта ритуального характера убийства на суде никто не возражал...

Царь понял, что не напрасно «старались» его верные холопы, и он наградил их всех «до царски».

Внушенная небольшим тиражом книга А. С. Тагера разошлась очень быстро.

Сейчас готовится второе издание, и надо пожелать, чтобы автор исправил указанные недостатки и глубоко-ошибочные установки в оценке позиции либеральной буржуазии.

Ф. Фрумкина

І ВСЕГЕРМАНСКИЙ СЪЕЗД РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ СОВЕТОВ. СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ. С ПРЕДИСЛОВИЕМ Е. ПАШУКАНИСА. ИНСТИТУТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ПРАВА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ. ГОСИЗДАТ. СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, 311 СТР. 8 Р. 80 К.

Перевод Стенографического отчета І всегерманского съезда рабочих и солдатских советов представляет ценнейший вклад в разработку материалов по истории германской революции.

Стенографический отчет І всегерманского съезда советов, происходившего 16—21 декабря 1918 г., дает богатейший материал, характеризующий всю подлость, всю звериную ненависть к рабочему классу шейдеммановской квинки, кровавых палачей германского революционного пролетариата и его вождей—Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Стенографический отчет дает убийственную характеристику независимцам, истеричным р...р...революционным болтунам, произносившим громкие фразы и всецело капитулировавшим перед шейдеммановцами.

Стенографический отчет отражает мужественную революционную работу спартаковцев, вскрывая вместе с тем их непоследовательность, их ошибки.

І съезд советов Германии, как правильно отмечает в своем предисловии т. Пашуканис, не отражал подлинного настроения широких масс революционного пролетариата страны. Осуществляя свою важнейшую на том этапе задачу, задачу фальсификации советов, т. е. на полнения советской формы чуждым, антисоветским содержанием, социал-демократы большинства добились того, что на съезде из 490 делегатов 298 принадлежали к правительственным социалистам, 101 к независим-

цам и лишь 10 спартаковцев выявляли действительную волю немецкого пролетариата, но входили в единую фракцию независимых. Вожди немецкого пролетариата Карл Либкнехт и Роза Люксембург не были допущены на съезд даже в качестве гостей несмотря на то, что вопрос о допущении их 2 раза ставился на обсуждение.

Делегации революционного пролетариата и войск проникали на съезд с величайшими трудностями. Их не пропускали служители Палаты депутатов (рейхстага), в здании которой происходил съезд. На съезде им почти не давали говорить, откладывая обсуждение их предложений на следующие дни (это обсуждение так и не состоялось), и спешили удалить их из зала. Наконец, по предложению социал-демократического большинства съезд постановил не пускать делегации на съезд, поручив руководителям фракций вести с делегациями переговоры в других залах.

Председатель съезда от социал-демократов большинства Лейнерт неоднократно требовал удаления из зала приехавших из отдаленных районов и областей рабочих и солдат, мандаты которых по тем или другим, чисто формальным причинам не были признаны мандатной комиссией. Лейнерт добился удаления из зала даже курьеров исполнительного совета рабочих и солдатских депутатов.

Лейнерт же неоднократно обращался с ядовитейшими замечаниями к так называемым «посетителям трибун»—гостям, упрекая их за малейшую попытку выразить одобрение или порицание ораторам, особенно тогда, когда с трибун раздавались одобрительные возгласы по отношению к левой части съезда.

Одним словом, были приняты все меры к тому, чтобы отгородить съезд от рабочего класса Германии.

И, однако, гул революции доносился и до этого фальсифицированного съезда. Революционные народные массы влияли на известную часть съезда. В выступлениях по вопросу

о социализации делегатов Рура, Галле и других рабочих центров был слышен голос подлинных рабочих масс, требовавших действительной борьбы за социализм.

В выступлениях, обличавших контрреволюционные действия триумvirата Эберт—Шейдеман—Ландеберг, слышен был гнев возмущенного пролетариата. Но гнев этот был еще не организован, сила пролетариата не сконцентрирована, настоящего, подлинно революционного руководства не было.

В своем предисловии к стеночету т. Пашуканис совершенно правильно подчеркнул, что «никаких других исторических задач, кроме социалистических, никакого другого классового содержания, кроме пролетарского, германская революция иметь не могла» (стр. 8).

Но... германский пролетариат не имел коммунистической партии. Он не имел коммунистической партии ни в момент революции, ни до революции. Спартакосцы не выделились из независимой партии до конца декабря 1918 г. Исполнительный комитет советов рабочих и солдатских депутатов, избранный 10 ноября на собрании в цирке Буш, состоял из 6 правительственных социалистов, 6 независимцев и 12 представителей солдат, причем большая часть последних оказалась связанной с контрреволюцией (см. стр. 76 стеночета, выступление Вегмана), с военным министерством, генеральным штабом, комендатурой. Этот исполком и санкционировал избранное на том же собрании в цирке Буш правительство народных уполномоченных, в котором заправляли бывшие императорские министры, министры правительства Макса Баденского Эберт и Шейдеман.

Либкнехт отказался войти в исполком советов рабочих и солдатских депутатов вместе с правительственными социалистами. Но тот же Либкнехт как и весь «Спартак» все же оставался в рядах независимых, которые шли на сделку с социалистами большинства.

Потому-то махровый социал-империалист Коген, обращаясь к т. Геккерту, представлявшему спартакосцев на съезде советов, ядовито заметил: «Если бы он (Геккерт.—Ф.) хотел перечислить нам наши прежние грехи, это следовало бы сделать перед собранием в цирке Буш»¹.

В этих словах врага была известная правда, ибо хотя Либкнехт и выступил на собрании в цирке Буш против правительственных социалистов, но своим единством с независимцами и своим неумением вести борьбу за завоевание широких масс, за большинство рабочего класса спартакосцы мешали уяснению правильности своих взглядов этими массами.

В этом и заключались глубочайший трагизм ноябрьской революции, причины ее поражения. Социалистическая революция потерпела поражение потому, что руководство событиями оказалось в руках матерых контрреволюционеров с ярлыком социалистов, потому что революционный пролетариат не имел своей подлинно революционной партии.

«В Германии теперь господает Гаазе и Шейдеманы своей «коалицией» прокладывают дорогу власти фон-Гольца или Людендорфа и

прикрывают, прикрашивают эту власть... спас Ленин»².

Коалиция Гаазе—Шейдеманов привела к власти Гитлера, Геринга. И сейчас бывший независимец старец Карл Каутский провозгласил «жевать во сне мочалку», как выразился по его поводу Ленин, утверждая, что диктатура Гитлера лучше «совершенно ненормального» советского государства, что политическая цель германской социал-демократии — не замена фашистской диктатуры «марксистской» диктатурой, а возврат буржуазной демократии и Веймарской конституции.

В те дни, когда в реальной, физической борьбе решались судьбы германского пролетариата, когда Шейдеман, Эберт, Носке, Ландеберг, Лебе (ныне фашист), Зеверниг (статья надана сданный в печать книгу «Мой путь к Гитлеру» и тем самым добившийся возобновления пенсии, которой он был лишен гитлеровским правительством, как и все бывшие министрами после 1918 г.), опираясь на командование и генералитет, готовили контрреволюцию, готовили январские дни 1919 года, — на съезде раздавались жалкие речи независимцев.

Председатель берлинского исполнительного комитета советов рабочих и солдатских депутатов Рихард Мюллер жаловался на то, что совет народных уполномоченных не дает исполкому денег на расходы. Зегер, член президиума на съезде от независимых, председательствовавший на одном заседании съезда, произнес длинные речи по поводу суточных для делегатов и несовершенств выданных на суточные талонов (стр. 68).

Целые часы заседаний съезда были заполнены болтовней о парламентских правилах и регламентах, перебранкой между социалистами большинства и независимцами по поводу применения президиумом того или другого статута, объяснения того, какой смысл вкладывается в выступления «по личному вопросу», и т. п. «Вы можете лишь доказывать, что то, что вы сказали, — правильно. Но вы не можете доказывать, что то, что сказал другой, — ложь» (стр. 136) — вот классический образец нудных рассуждений председательствовавшего Лейнера.

Вместе с тем стенограммы съезда с необычайной яркостью подтверждают прямые контрреволюционные действия совета народных уполномоченных, тем более, что съезд происходил после путча 6 декабря («кровавая пятница»), вдохновителем которого был Эберт, а первым его помощником известный Вельс, бывший тогда комендантом Берлина.

Правительство народных уполномоченных оставило нетронутым кайзерский государственный аппарат. Все старые реакционные генералы остались на своих местах, верховное командование, военное министерство, министерство иностранных дел, государственное казначейство остались в руках представителей старой власти: Зольф — статсекретарь министерства иностранных дел, Шейх — военный министр, Шиффер — статсекретарь государственного казначейства, наконец, главнокомандующий — Гинденбург! Солдатские части, возвращавшиеся в Берлин и в известных слоях настроенные контр-

¹ Стеночет, стр. 201.

² Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 481.

³ Neue Programme, стр. 219.

революционно, так как перед ними уже не стояла задача борьбы за мир с собственным правительством (перемирие с Антантой было заключено 11 ноября 1918 г.), но распорядженно верхнего командования не разружались, а, наоборот, получали новое вооружение для контрреволюционных целей. Руководители путча 6 декабря, в частности вождь путча полковник Лоренц, были весьма быстро выпущены на свободу. Везде сохранялась власть офицерства. Местные советы рабочих и солдатских депутатов разгонялись, уничтожались революционные эмблемы и красные знамена. Приказы о роспуске советов рабочих и солдатских депутатов исходили от дивизионных генералов и командиров. На съезде фигурировали сообщения о подобных приказах по 16-й пехотной дивизии, проходившей через Дюссельдорф и Горнозаводский район, по 234-й пехотной дивизии, проходившей тоже через промышленные районы (Золдингген, Ландвер, Вуперталь).

Делегаты съезда приводили секретные приказы по армиям о сохранении после демобилизации в каждом корпусе по одной ударной дивизии из активных офицеров. «Ненадежные элементы должны, по возможности, незаметно, удалиться»,—было сказано в приказе высшего командования 11-й армии (стр. 74). 7-й армейский корпус объявлял, что якобы по соглашению с Антантой расположенные в нейтральной зоне пункты, бывшие местопребыванием военных частей в мирное время, должны быть заняты войсками, а советы распушены. Оказалось, что инициатором этого укрепления нейтральной зоны военными частями было германское правительство, а не Антанта, что сделано это было по уговору с рейнско-вестфальскими промышленниками и что войска концентрировались не только в пунктах пребывания частей в мирное время, но и в каждом маленьком местечке (от 2 до 3 батальонов пехоты или кавалерии на местечко. См. стр. 75).

В Берлине возникла контрреволюционная организация «Обслуживание прибывающих войск. Союз немецких женщин», проникшая глубоко в студенческие круги и игравшая значительную роль в путче 6 декабря. У одной только части этой студенческой организации было найдено разрешение военного министерства на 600 ружей, подписанное Лоренцем.

Путч 6 декабря, как мы уже отмечали, был организован Эбертом (стр. 64—65 стенограммы подтверждают это).

Вслед за путчем 6 декабря, когда был арестован исполнительный комитет советов, спасенный матросской дивизией и рабочими, а Эберт восставшими контрреволюционерами был провозглашен президентом, через несколько дней произошел инцидент с так называемой войсковой группой генерала Лека (4 контрреволюционных дивизии), расквартированной возле Берлина, но по приказанию военных властей призванной войти в Берлин. И хотя вопрос этот обсуждался советом народных уполномоченных вместе с исполнительным комитетом, но без ведома исполнительного комитета, дивизия вошла в Берлин раньше чем предполагалось, и Эберт принял у нее присягу республике. Прямой сговор Эберта с верховным командованием явствует и из следующего факта: немедленно после решения I съезда советов о том, что «солдаты сами выбирают себе ру-

ководителей» и что в «гарнизонах командира власть над войсками осуществляется местными рабочими и солдатскими советами при постоянной согласовании вопросов с высшей командной властью» (стр. 274), Гинденбургом с ведома и согласия совета народных уполномоченных была послана командованию Восточного фронта телеграмма: «Не признаю резолюции центрального совета рабочих и солдатских депутатов, касающейся организации военного дела...» (стр. 267).

Не даром в своем выступлении на съезде Геккерт подчеркнул что «подобно тому как наряду с правительством Бетман-Гольвега существовало правительство Людендорфа, так теперь наряду с правительством народных уполномоченных имеется правительство Гинденбурга» (стр. 94).

Чрезвычайно характерна позиция независимцев в связи с контрреволюцией, об угрозе которой они так много кричали на съезде.

Так, народный уполномоченный Дитман (независимец) заявил: «Полковник Лоренц был освобожден не в силу желания военного министерства, а на основании единогласно принятого решения следственной комиссии, назначенной Советом народных уполномоченных и состоящей из 3 юристов». «Подумайте только!—воскликнул Дитман,—три юриста были единодушны!» (стр. 56).

Ледебур, который произнес пламенную речь по поводу прихода в Берлин контрреволюционного войскового объединения Лека, больше всего беспокоился не о том, что в революционный Берлин вводится контрреволюционный отряд, а о том, что формула присяги была не согласована с исполкомом советов. После объяснения Дитмана о том, что известить исполком о решении принять присягу и о формуле присяги не имелось возможности, Ледебур удовлетворенно заявил: «Решение было принято тогда, когда вы не могли нас известить, значит, все в порядке» (стр. 134). Чрезвычайно интересны объяснения Дитмана о том, зачем была принята у войскового объединения Лека присяга. «Речь шла,—говорит он,—о принятии всех мер к тому, чтобы подавить всякие попытки к контрреволюционному путчу. Преследуемая цель состояла в том, чтобы побудить войска полностью отказаться от контрреволюционных попыток» (стр. 129).

Присяга—для Дитмана действительная форма борьбы с контрреволюцией!

Ледебур хвастал тем, что после того как недопустимое поведение лейтенанта Вальца (называвшего себя представителем берлинского исполкома) в военном министерстве вынудило военного министра подать прошение об отставке, он, Ледебур, выступил с заявлением, что исполнительный совет не будет покрывать поведение Вальца и против военного министра никто ничего не имеет. «А после этого мне Гере сам заявил,—сообщал Ледебур на съезде,—что мое выступление побудило тогда военного министра взять обратно свое прошение об отставке. Мне пришлось содействовать оставлению на посту по существу своему консервативного министра» (стр. 83). Более жалкую бесхребетность, более утонченное предательство трудно себе представить!

«Независимые вожди оказались жалкими ме-

идеями, идеями независимыми от филистерских предрассудков наиболее отсталой части пролетариата...

Немного стоят такие вожди. Чтобы быть показателем настроений наиболее отсталой части пролетариата, идущей вперед, а не вперед авангарда, для этого вожди ненужны. И при такой бесхарактерности, с которой они меняют свои лозунги, эти вожди ничего не стоят. К ним нельзя питать доверия. Они будут всегда балластом, отрицательной величиной в рабочем движении»¹.

Филистерство, мещанство, контрреволюционная природа независимцев проявились чрезвычайно ярко в их рассуждениях о большевиках. Так, Дейбриг, возражая против клеветы на большевиков, вместе с тем подчеркивал: «Я не из тех, кто механически и рабски хочет пытаться подражать русскому примеру» (стр. 176). Невероятный путаник «левый» Лауфенберг, потувивший дело советов в Гамбурге² (впоследствии основатель ультралевой коммунистической рабочей партии, а потом национал-большевистской группировки, пропагандировавшей поход против Версальского договора после своеобразного расхваливания большевиков заявлял: «Русский большевизм, несомненно, применяет методы борьбы, неподходящие в германских условиях» (стр. 183).

Уже на I съезде советов независимыми были высказана идея сочетания системы советов с Национальным собранием.

Гаазе, например, утверждал, что «нельзя ставить вопрос так: «Национальное собрание или система советов: едва ли может быть сомнение в том, что советы сохраняют свое особое значение» (стр. 189). Впрочем то же говорит и правительственный социалист Коген, предлагая советам отказаться от центральной власти и занять свое место чисто экономических организаций в условиях «развития производства».

Так все время по всем вопросам смыкались независимые и правительственные социалисты!

Съезд постановил, что «впредь до созыва Национального собрания законодательная и исполнительная власть передается Совету народных уполномоченных, а за центральным исполкомом советов сохраняется право «парламентского контроля». По поводу этого «парламентского контроля» на съезде развернулись бурные прения. Эберт заявил, что право «парламентского контроля» ни в коем случае не должно означать, что каждый законопроект проводится в жизнь только тогда, когда он согласован с исполнительным комитетом. Совет народных уполномоченных должен обладать свободой действия, говорил он, ибо в революционное время решения надо принимать и проводить в жизнь быстро. В конце концов было принято расплывчатое разъяснение Гаазе о том, что под парламентским контролем «подразумевается то, что все законопроекты должны быть представлены центральному совету» (стр. 188).

I съезд советов, в сущности, похоронил советы. Бурное одобрение вызвали слова Шейдемана о том, что «установление рабочих и сол-

датских советов на длительное время означало бы абсолютно верное разрушение торговли и промышленности», что лозунг «Вся власть советам рабочих и солдатских депутатов!» означает, что «все безвластие советам рабочих и солдатских депутатов», что «советы приведут к гражданской войне» (стр. 198—199).

Но идея советов была настолько популярна, что и после этого фальсифицированного съезда, после январских дней, Национальное собрание было вынуждено включить в Веймарскую конституцию следующий пункт: «Рабочие и служащие получают для защиты своих социальных и хозяйственных интересов законное представительство в виде рабочих советов предприятий, а также окружных рабочих советов для отдельных хозяйственных областей и рабочего совета державы».

«Окружные рабочие советы и рабочий совет державы для осуществления всех хозяйственных задач и для содействия проведению законов о социализации объединяются с представительными органами предпринимателей... в окружные хозяйственные советы и хозяйственный совет державы» (статья 165 Веймарской конституции).

Протоколы съезда отражают ту травлю, какую вели правительственные социалисты и в первую очередь «кровавая собака» Носке против матросского комитета 53³, против осуществления им контроля над флотом. Особенно ожесточенная травля комитета 53 поднялась тогда, когда он изложил свое следующее политическое кредо:

«В принципе мы стоим за созыв Национального собрания. Предварительно мы требуем огосударствления всех земель для того производства. До Национального собрания власть остается в руках рабочих и солдатских советов» (стр. 218).

Съезд провел постановление о сокращении комитета 53 (было даже внесено предложение о ликвидации его!).

Протоколы съезда подтверждают звериную ненависть вождей германской контрреволюции к Советскому союзу. Протоколы съезда подтверждают, что совет народных уполномоченных по соглашению с Антантой держал на востоке войска, медля с демобилизацией и организуя новые отряды не для охраны железных дорог, как заявлял Эберт, а для борьбы с Советским союзом. Белые банды были созданы и для враждебных действий против Советского союза в Прибалтике.

Совет народных уполномоченных отказался от возобновления дипломатических отношений с Советским союзом. Да и неудивительно. Ведь разрыв дипломатических отношений был построен тем же Шейдеманом, когда он был министром в правительстве Макса Баденского. В примечании 28 к протоколам на стр. 261 Институт строительства и права дает интересную выдержку из социал-демократического журнала «Der Klassenkampf» за 1 декабря 1927 г. о том, как по инициативе Шейдемана на берлинском вокзале в сундук советского дипкурьера полицией кайзера были подброшены напечатанные в Германии прокламации и

¹ Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 319.

² См. «Борьба классов» № 11 за 1933 г., стр. 88—90.

³ Комитет 53 — Центральный совет флота, сформированный на конференции главных советов флотских депутатов в Вильгельмсгафене.

как буржуазная и социал-демократическая пресса подняла дикий вой о том, что советское правительство привозит из России большевистские листовки.

Какое значение в свете всего этого имело принятие съездом решения о передаче на разработку совету народных уполномоченных предложения Гейера о немедленном возобновлении дипломатических отношений с Советским союзом!

Изучение стенограмм съезда еще яснее выявляет предательскую природу независимцев и недостаточную искушенность спартаковцев в борьбе с социал-предателями. По первому же вопросу повестки дня социал-демократическое большинство — Людеман — Зеверинг — внесло подготовленное социал-демократическим большинством предложение, первый пункт которого, как мы отмечали, гласил, что «впредь до созыва Национального собрания законодательная и исполнительная власть передается Совету народных уполномоченных». Предложение это было принято, и тем самым социал-демократы большинства уже предприняли дальнейшие постановления съезда. Что противопоставили этому проекту спартаковцы?

Следующее: «Съезд рабочих и солдатских советов заявляет, что деятельность народных уполномоченных сводится к систематическому умалению прав рабочих и солдатских советов и поэтому содействует усилению контрреволюции» (см. стр. 277). В такой формулировке это была просто декларация, не имевшая реального значения.

Тов. Пашуканис в предисловии подчеркивает, что независимцы не пожелали использовать острый момент борьбы на съезде, когда в связи с требованием немедленного голосования пунктов декларации берлинского гарнизона, оглашенной вождем народной морской дивизии Дорренбахом, шейдемановцы растерялись и хотели даже покинуть зал. Им на помощь пришел Гаазе, предложивший перенести голосование на завтра и тем самым давший возможность шейдемановцам сориентироваться.

Таких моментов немало на съезде. Brass, произносивший горячие речи о контрреволюции, пришедший ряд фактов разгона советов рабочих и солдатских депутатов, ограничил внесением следующего предложения, которое, конечно, было принято в силу своей полной безобидности: «Съезд советов постановляет немедленно принять все меры к разоружению контрреволюции» (стр. 274).

Тов. Пашуканис отметил слабые места в речи представителя спартаковцев.

В этой речи еще сквозило люксембургянское преклонение перед стихийностью, перед стихийными действиями масс. В ней не был дан классовый анализ буржуазной демократии. Национальное собрание как орган буржуазной демократии не было противопоставлено советам как органу диктатуры пролетариата.

Вместо этого оратор сказал: «Советская организация есть организация, возлагающая непосредственную ответственность за построение общества на широкую пролетарскую массу. Национальное собрание есть организация, отдающая эту ответственность в руки вождей» (стр. 181).

Вопрос о социализации шейдемановцы хотели совсем снять с повестки дня. После того как

вопрос о Национальном собрании был решен, они предлагали быстро свернуть съезд. Однако после продолжительных дебатов вопрос был все же обсужден. К чему свелись рассуждения Гильфердинга, Шнейдера, Людеманна и представителей социаллистов по этому вопросу? К тому, что Германия вышла из войны с разорванным хозяйством, что прежде всего надо восстановить хозяйство, что нельзя отказываться от частной предпринимательской инициативы, а потому нельзя ставить каниталистов в положение икоты, что задачи восстановления хозяйства требуют от пролетариата готовности к самопожертвованию и отказа от стачек и требований повышения зарплат. Некий доктор философии и доцент Марк из Бреслауля, утверждал, что «социальная революция должна совершиться в марксистском духе, в духе научной осмотрительности и самокритики, научно-благообразно, в отличие от драматических фейерверков, эффектов и пугливой политический революции» (стр. 237).

Председатель же Всегерманского союза работников сцены Риккельт, ярый социал-империалист, предложил в первую очередь социализировать... театр, «чтобы мы все — немецкий народ — зажились спать с радостной душой и еще более радостным сердцем могли вступить в новый день труда и радости» (стр. 239).

К этому свелись прения о социализации. Оживленные «браво» и аплодисменты вызвало предложение представителя демократической фракции съезда Шмидтгальса (богатого арендатора дворянского поместья в Силезии) о разделе крупного землевладения «по пути создания многих мелких владений на собственной земле» (стр. 233). Бешеной ненавистью к революции звучали речи правительственных социаллистов о «разярившихся красных мешанах», которые стремятся развалить производство (см. речь Лимберца, стр. 62), об «оружийх» толпах с пулеметами (Шейдеман, Лейнерт и др.).

Съезд отверг 344 голосами против 98 предложение левого независимца Деймлинга об установлении советской системы. Независимцы на это предложение призывали к единству, к единству обеих социалистических партий на выборах в Национальное собрание. И неудивительно, что независимец Гейдеман заявил, что «между Либкекхотом и Лиманом большая разница чем между Дитманом и Шфайнхухом (социалист большинства) и др.» (стр. 245).

Но возгласы матросов после выборов центрального исполнительного комитета (так как независимцы после принятия революции социаллистов большинства о Национальном собрании оказались принимать участие в выборах, то в члены исполкома были избраны только правительственные социаллисты: «Мы еще поборим с вами! Мы еще раз побьем на улице!» (стр. 267) — оказались пророческими. Германский рабочий класс уже неоднократно после этого дрался на улицах за победу социалистической революции, за диктатуру пролетариата.

Ему предстоит еще великие бои. В этих боях он победит лишь под руководством коммунистической партии, которая у него сейчас есть.

Издание протоколов съезда на русском языке имеет большое значение. Книгу настойчиво рекомендуем в первую очередь занимающимся изучением истории германской революции.

„История фабрик и заводов“

Работа над историей фабрик и заводов, начатая по инициативе М. Горького и поднятая постановлением ВКП(б) на уровень большого политического дела, превратилась за последние два с половиной года в большое массовое культурное движение. Десятки предприятий, тысячи рабочих-передовиков, многие десятки историков, писателей, журналистов включились в эту работу. В круг актуальных вопросов исторической науки и художественной литературы вошла проблема создания художественной истории — истории, говорящей с массами на языке не только понятий, но и полнокровных образов.

С конца 1933 г. Главная редакция «Истории заводов», продолжая организацию авторских коллективов на предприятиях, собрание материала и обсуждение отдельных глав и рукописей, вплотную подошла к выпуску книг по истории фабрик и заводов.

За последние месяцы выпущены в свет следующие книги:

1. Сборник документов «Путиловец в трех революциях», содержащий архивные документы и выдержки из большевистской печати, характеризующие революционное движение на Путиловском заводе и экономическое и политическое положение рабочих в 1905—1917 гг.

2. Сборник «Шестнадцать заводов», в котором напечатаны главы из истории ряда заводов и фабрик (Ижорский завод, «Большевик», «Красный путиловец», Коломенский завод, Московский инструментальный, Трехгорная мануфактура, «Красный Перекоп» и т. д.).

3. «Люди Сталинградского тракторного» (в двух изданиях; второе — исправленное и дополненное).

4. Первый том «Истории Ижорского завода», написанный С. Завьяловым под редакцией Б. П. Позерна, Г. С. Зайделя, М. Н. Бакайкина. Том охватывает историю Ижорского завода, одного из старейших русских заводов, от 1706 г. до февраля 1917 г.

5. К XVII партсезду под редакцией М. Горького, Л. Авербаха и С. Фирина издана книга по истории строительства Беломорско-Балтийского канала имени Сталина — «Беломорстрой». Книга написана коллективом писателей, в который входят: Б. Агапов, А. Берзиль, С. Буданцев, М. Горький, Е. Габрилович, С. Гехт, К. Зеллинский, М. Зоценко, Вс. Иванов, В. Инбер, М. Казаков, Б. Лапин, Л. Пинкунин, Л. Славин, А. Толстой, В. Шкловский, П. Юргин и др. Книга выходит сейчас в массовом издании тиражом в 125 тыс. экземпляров.

Главная редакция «Истории заводов» периодически (1 раз в 2 месяца) издает сборники, содержащие научно-теоретические статьи по истории промышленности и рабочего класса СССР и царской России, статьи, освещающие проблемы литературы и искусства в связи с задачами художественного отображения истории заводов, вопросы организационной и массовой работы. Постоянными отделами также

являются «Обмен опытом» и «В помощь авторскому коллективу». Сборники «История заводов» в основном рассчитаны на авторские коллективы, работающие на предприятиях над историей заводов. Последние выпуски сборника — восьмой и девятый-десятый (1—2).

Основные материалы восьмого выпуска посвящены теме «Три революции в истории заводов».

Статьи С. Понотковского (о мемуарной литературе Октября), В. Зельцера (1905—1907 гг. и период между двумя революциями), Д. Эрдэ (1917 г.) и А. Михайлова (1905 г. и Октябрьская революция в изобразительном искусстве) дополнены главами из истории завода «Красный Профинтерн» (б. Брянский завод в Бежице), из истории фабрики «Красный Перекоп» в Ярославле, «Красного Сормова» и «Красного путиловца», рисующими эпизоды революций 1905 и 1917 гг. В сборнике напечатан также доклад А. М. Панкратовой об истории заводов СССР, представленный ею Международному конгрессу историков в Варшаве, и др. материалы. Сборник открывается передовой статьей об итогах XVII съезда ВКП(б).

Выпуск девятый-десятый сборника «История заводов» посвящен В. И. Ленину. Статьи П. Лепешинского, В. Зельцера, И. Кизрина, П. Анатольева и Б. Фрейлина рисуют Ленина как теоретика диктатуры пролетариата, историка российского капитализма и рабочего движения, борца за сознательность в рабочем движении 90-х годов, организатора массового рабочего творчества на первом этапе революции. В статье Д. Эрдэ намечаются основные вопросы истории заводов в первой пятилетке. Ряд отрывков из глав показывает роль Ленина в истории отдельных предприятий: «Красного путиловца», Волховстроя, Шатуры, авгозавода им. Сталина (б. АМО), «Серпа и молота» (б. Гужон), Московско-Казанской ж. д. и др. В сборнике напечатаны также подборка документов «Рабочие о Ленине», библиография «Ленин и рабочие в воспоминаниях» и хроника литературы, вышедшей к ленинским дням в 1934 г.

Одновременно с выпуском готовой продукции развертываются обсуждение и редактирование поступающих в редакцию рукописей по истории отдельных предприятий.

Заканчивается работа над первым томом истории завода «Серп и молот» (б. Гужон), проведенная работниками Института истории Академии под руководством А. М. Панкратовой.

В ближайшее время едет в Главную редакцию рукопись по истории «Трехгорной мануфактуры».

Заканчивается работа над рукописью по истории Московского инструментального завода (МИЗ).

В Главную редакцию поступила рукопись по истории Высокогорского железного рудника (Урал) «Были горы Высокой». На редакционном совещании в Главной редакции рукопись получила высокую оценку. Рукопись интересна прежде всего как подлинно массовое про-

изведение. Автор рукописи — сто горняков Высокогорского рудника. «Были горы Высокой» интересны ярким бытовым материалом, колоритностью языка, удачно передающего живую разговорную речь уральских горняков. Особенно ярко в рукописи дано описание производственного процесса, вскрывающее отношение к нему горняков. Историческая часть рукописи представлена многочисленными воспоминаниями старых рабочих и семейными преданиями.

Развертывается работа над двухтомником по истории промышленности и рабочего класса в России и СССР. Эта работа теснейшим образом связана с непосредственными задачами, встающими при изучении отдельных фабрик и заводов. Двухтомник явится обобщением основных проблем, которые поднимаются и разрабатываются при создании истории фабрик и заводов.

Первый том должен охватить историю промышленности и рабочего класса от возникновения капитализма и рабочего класса в России до Октября и перехода рабочего класса в новые условия политической и производственной жизни. Второй том будет охватывать годы после Октябрьской революции, эпоху создания социалистического хозяйства. Двухтомник, представляя собой научное завершение длительного монографического изучения отдельных предприятий, должен быть книгой, рассчитанной на массового читателя, написанной популярно, живо и доступно для той читательской массы, на которую рассчитана вся основная серия книг по истории фабрик и заводов.

Работа над созданием двухтомника решением политической редакции возложена на две организации: Главную редакцию и Институт истории Комкадемии.

Сдан в производство первый том аннотированного библиографического указателя по истории пролетариата эпохи царизма, составленный библиографической комиссией Института истории Комкадемии под руководством М. В. Нечкиной. В томе зарегистрировано свыше 10 тыс. библиографических единиц. Основные отделы: процесс формирования пролетариата, эксплуатация пролетариата (экономическое положение рабочего класса) и борьба пролетариата (рабочее движение в связи с развитием идеологии класса). Внутри каждого из крупных отделов имеются более мелкие тематические подразделения. Литературе каждого отдела предпослана библиография работ Ленина и Сталина на данную тему.

Второй том библиографии, подготовленный к печати, закончит регистрацию всей книжной литературы. Он будет делиться на две части: в первую войдет общая регистрация книжных

материалов; вторая будет посвящена аналитической библиографии полного собрания записок.

Третий том библиографии посвящен журналам.

Собранный в этих томах материал явится библиографическим фондом для работы над двухтомником по истории промышленности и рабочего класса.

В Главной редакции за последнее время проведен ряд редакционных совещаний. Наиболее интересными из них и вызвавшими оживленный обмен мнениями были совещание по вопросам техники в «Истории заводов» (доклад В. Перцова), дискуссия о современном историческом романе в свете задач «Истории заводов» (доклад К. Локса), сообщение Ц. Фридриха и А. Панкратовой об имеющейся иностранной литературе по истории фабрик и заводов, обсуждение плана двухтомника по истории промышленности и рабочего класса СССР (доклад А. Панкратовой и содоклад В. Зельцера), сообщение А. Панкратовой о проделанной работе и чтение глав из истории московского завода «Серп и молот» (б. Гужон).

ИНСТИТУТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Сектор истории Научно-исследовательского института национальностей подготавливает к печати сборник «Октябрь и гражданская война в нацреспубликах, областях и районах», под общей редакцией С. М. Диманштейна. В сборник войдут статьи об Октябрьской революции и гражданской войне в Туркменистане, Киргизии, Казахстане, в области Коми, в области немцев Поволжья, Молдавии, Бурято-Монголии, ДВР, Татарии, Удмуртии, Карелии, Башкирии, Азербайджане, Балкарии, Прибалтике, а также статья «Еврейский пролетариат и Октябрьская революция». Сборник выйдет в издательстве «Власть советов» к 17-й годовщине Октябрьской революции.

Сектором истории в 1934 г. будут подготовлены к печати следующие работы: 1. Северный край как колония русского самодержавия. 2. Царская колониальная политика и национально-освободительное движение среди казаков до 1917 г. 3. Социально-политическое лицо среднеазиатского басмачества. 4. История Среднеазиатской ж. д. в эпоху царизма. 5. Восстание 1916 г. в Узбекистане и Киргизии.

Кроме того сектор истории принимает активное участие в организации подготовки издания истории СССР, предпринимаемого Институтом истории Комкадемии, разрабатывая проблемы истории национальных республик.

изведение. Автор рукописи — сто горняков Высокогорского рудника. «Были горы Высокой» интересны ярким бытовым материалом, колоритностью языка, удачно передающего живую разговорную речь уральских горняков. Особенно ярко в рукописи дано описание производственного процесса, вскрывающее отношение к нему горняков. Историческая часть рукописи представлена многочисленными воспоминаниями старых рабочих и семейными преданиями.

Развертывается работа над двухтомником по истории промышленности и рабочего класса в России и СССР. Эта работа теснейшим образом связана с непосредственными задачами, встающими при изучении отдельных фабрик и заводов. Двухтомник явится обобщением основных проблем, которые поднимаются и разрабатываются при создании истории фабрик и заводов.

Первый том должен охватить историю промышленности и рабочего класса от возникновения капитализма и рабочего класса в России до Октября и перехода рабочего класса в новые условия политической и производственной жизни. Второй том будет охватывать годы после Октябрьской революции, эпоху создания социалистического хозяйства. Двухтомник, представляя собой научное завершение длительного монографического изучения отдельных предприятий, должен быть книгой, рассчитанной на массового читателя, написанной популярно, живо и доступно для той читательской массы, на которую рассчитана вся основная серия книг по истории фабрик и заводов.

Работа над созданием двухтомника решением политической редакции возложена на две организации: Главную редакцию и Институт истории Комкадемии.

Сдан в производство первый том аннотированного библиографического указателя по истории пролетариата эпохи царизма, составленный библиографической комиссией Института истории Комкадемии под руководством М. В. Нечкиной. В томе зарегистрировано свыше 10 тыс. библиографических единиц. Основные отделы: процесс формирования пролетариата, эксплуатация пролетариата (экономическое положение рабочего класса) и борьба пролетариата (рабочее движение в связи с развитием идеологии класса). Внутри каждого из крупных отделов имеются более мелкие тематические подразделения. Литературе каждого отдела предпослана библиография работ Ленина и Сталина на данную тему.

Второй том библиографии, подготовленный к печати, закончит регистрацию всей книжной литературы. Он будет делиться на две части: в первую войдет общая регистрация книжных

материалов; вторая будет посвящена аналитической библиографии полного собрания записок.

Третий том библиографии посвящен журналам.

Собранный в этих томах материал явится библиографическим фондом для работы над двухтомником по истории промышленности и рабочего класса.

В Главной редакции за последнее время проведен ряд редакционных совещаний. Наиболее интересными из них и вызвавшими оживленный обмен мнениями были совещание по вопросам техники в «Истории заводов» (доклад В. Перцова), дискуссия о современном историческом романе в свете задач «Истории заводов» (доклад К. Локса), сообщение Ц. Фридриха и А. Панкратовой об имеющейся иностранной литературе по истории фабрик и заводов, обсуждение плана двухтомника по истории промышленности и рабочего класса СССР (доклад А. Панкратовой и содоклад В. Зельцера), сообщение А. Панкратовой о проделанной работе и чтение глав из истории московского завода «Серп и молот» (б. Гужон).

ИНСТИТУТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Сектор истории Научно-исследовательского института национальностей подготавливает к печати сборник «Октябрь и гражданская война в нацреспубликах, областях и районах», под общей редакцией С. М. Диманштейна. В сборник войдут статьи об Октябрьской революции и гражданской войне в Туркменистане, Киргизии, Казахстане, в области Коми, в области немцев Поволжья, Молдавии, Бурято-Монголии, ДВР, Татарии, Удмуртии, Карелии, Башкирии, Азербайджане, Балкарии, Прибалтике, а также статья «Еврейский пролетариат и Октябрьская революция». Сборник выйдет в издательстве «Власть советов» к 17-й годовщине Октябрьской революции.

Сектором истории в 1934 г. будут подготовлены к печати следующие работы: 1. Северный край как колония русского самодержавия. 2. Царская колониальная политика и национально-освободительное движение среди казаков до 1917 г. 3. Социально-политическое лицо среднеазиатского басмачества. 4. История Среднеазиатской ж. д. в эпоху царизма. 5. Восстание 1916 г. в Узбекистане и Киргизии.

Кроме того сектор истории принимает активное участие в организации подготовки издания истории СССР, предпринимаемого Институтом истории Комкадемии, разрабатывая проблемы истории национальных республик.

В интересах более тесной связи с читателем редакция открывает в журнале новый постоянный раздел «Трибуна читателя», в котором будут помещаться отзывы и предложения читателей и их критические замечания по поводу работы журнала. В ответ на свое обращение к читателям, помещенное в №№ 1—3 журнала, редакция получила и продолжает получать письма читателей. Читательский актив горячо откликнулся на призыв редакции ближе подойти к работе журнала и помочь ему стать подлинно массовым журналом, вполне отвечающим запросам и потребностям своего читателя. В письмах высказываются совершенно конкретные и дельные предложения как в отношении тематики, так и в отношении характера подачи материала, оформления и распространения журнала. Часть этих предложений редакцией уже учтена и проводится в жизнь.

Хотя число поступивших отзывов еще далеко не соответствует числу постоянных читательских кадров журнала, тем не менее они все же дают редакции возможность сделать ряд предварительных выводов по интересующим ее вопросам.

Прежде всего из этих писем следует, что основной костяк читательского актива журнала «Борьба классов» в настоящее время составляют преподаватели различных курсов и школ, пропагандисты, полнотработники РККА, т. е. товарищи, занимающиеся в той или иной степени историей, для которых журнал является дополнительным пособием в их педагогической и партийно-пропагандистской работе. Однако широкие кадры историков — преподавателей и партипропагандистов, значение которых особенно возросло в связи с перестройкой дела преподавания истории на основе последних указаний товарища Сталина, охвачены нашим журналом еще крайне недостаточно. И поэтому одной из очередных задач журнала является дальнейшее продвижение его в эти широкие слои пропагандистов и историков-преподавателей, к которым должны быть присоединены также студенты исторических факультетов и других исторических высших учебных заведений, т. е. растущие в этой области кадры.

Наряду с этой задачей журналу необходимо со всей серьезностью поставить вопрос о продлении его в среду партийного и беспартийного актива. Здесь он мало известен, а между тем знание истории, конкретных исторических событий всех прошлых эпох человеческого общества и истории СССР в частности необходимо передовикам социалистической стройки на всех ее участках. Без этих знаний невозможно построить бесклассовое, социалистическое общество и новую, пролетарскую культуру.

В деле продвижения нашего журнала к этому читателю письма наших читателей дали ряд полезных указаний и советов.

Что касается тематики, то почти во всех письмах высказываются пожелания более полного освещения наряду с вопросами прошлого СССР также и вопросов истории зарубежных стран, в частности стран Востока и в особенности Японии и Китая. Считая такое предложение совершенно правильным, учитывая актуальность этих вопросов, редакция организует ряд дополнительных статей по истории этих стран.

В ряде писем настойчиво подчеркивается необходимость улучшить и расширить отдел библиографии, давать регулярные обзоры выходящей исторической литературы, отзывы на исторические журналы, на учебники по истории. Такое требование совершенно законно. Редакция приняла ряд мер для усиления библиографического отдела. Редакция вводит отдел исторической консультации и предлагает читателям журнала обращаться в «Борьбу классов» за получением консультации и справок по различным вопросам истории разных периодов. Многие

товарищи вполне правильно указывают на необходимость помещения в журнале отзывов на историческую художественную литературу. Сделав в этом отношении почти в № 10 журнала (рецензия на «Июль» Тарасова-Родионова), редакция намерена дать еще и ряд других рецензий подобного рода.

Во всех отзывах высказывается удовлетворение по поводу характера подачи материала в «Борьбе классов»: небольшие статьи, дающие возможность в каждом номере осветить до 10—15 тем, популярное изложение. Все читатели, за исключением немногих, высказывают пожелание еще большей популярности в изложении в том смысле, чтобы в статьях давалось меньше указаний на якобы известные читателю события, а рассказывалось о самых этих событиях. Мы полагаем, что и в дальнейшем нам необходимо сохранить популярный характер статей.

Вполне удовлетворяет читателей и оформление журнала.

Предложения некоторых товарищей о необходимости давать карты нами уже выполняются.

Больше всего не удовлетворяют наших читателей типографское оформление, неясные иллюстрации, плохая брошюровка и поздняя доставка журнала. В порядке борьбы с этими недопустимыми явлениями редакция предприняла уже ряд мер и надеется, что эти недочеты в скором времени будут ликвидированы.

Считая свой план сугубо ориентировочным, редакция ждет от читателей дальнейших высказываний по поводу работы журнала, которые она будет ставить на обсуждение в настоящем разделе.

РЕДАКЦИЯ

I

Журнал поставлен хорошо. Материал подлинный. Я выписываю «Борьбу классов» со дня выхода первого номера. За первые два года его издания я имею два прекрасных переплетенных тома, составленных из номеров по годам. Наши педагоги рассматривают на эти тома «с завистью».

Я как старый подписчик рекомендовал журнал везде, где имел возможность его показать. Учительство, партийные пропагандисты дают ему самую хорошую оценку. Журнал правится. Многие в районе стали его выписывать, заявляя, что раньше они его не знали.

Считаю в высшей мере необходимым всемерно продвинуть журнал в широкие массы учительства, особенно на сельской периферии. За последние 6—8 лет наши техникумы на Украине выпускали малограмотных людей в области истории. Исторические науки в наших школах преподавались плохо. Учитель жаждал сейчас исторических материалов. Он сознает свои пробелы,—ему нужно помочь. То же самое с нашими партийными пропагандистами. Вот почему «Борьбу классов» нужно действительно активно двинуть в массы.

По тематике в целом план прекрасный. Он пронизан тем материалом, который меня инте-

Я считаю, что журнал «Борьба классов» хорошо справляется со своей задачей.

Как на недостаток я хочу указать на слишком большое разнообразие материала в одном номере и на миниатюрный характер большинства статей. Читатель подготовленный хочет глубокой, а значит, и расширенной постановки проблемы, достаточно насыщенной фактическим материалом. Читатель неподготовленный тем более хочет еще более обширной статьи, откуда он может узнать всю историю события, его оценку и сможет сделать соответствующие политические выводы.

ресует. Мои замечания и пожелания по отдельным темам:

1) Я хотел бы, чтобы вы особенно подробно подали материалы по Японии (ее планы, ее возможности, ее действия в прошлом, ее сферы влияния, ее социально-экономическое лицо). То же и в отношении Китая. Здесь особенно интересен вопрос о китайских советах. Подать бы проблему Тихого океана во всей ее широте. В связи с этим историю Дальнего Востока, Сибири, Кузбасса хорошо бы подать значительно раньше.

Статью «История фашизма» (в отдельных странах) желательно также дать развернутой. Было бы очень хорошо, если бы в числе «отдельных стран» и была помещена Италия, эта страна «классического фашизма».

Особенно приветствую раздел 4-й (по истории классовой борьбы в Европе и Америке до войны). История падения Рима. Борьба за независимость Италии. История объединения Германии, Китайская республика 1911 г., переворот младотурок в Турции, американский и прусский пути развития—это все замечательная тематика. Ведь это же иллюстрация к докладу товарища Сталина на XVII съезде!

Бутенко, редактор райгазеты «Житя колгоспника». Винницкая область, УССР.

4 апреля 1934 г.

Желательно в 1934 г. дать специальные номера по истории комсомола и по истории Красной гвардии и Красной армии.

Номер, посвященный преподаванию истории, необходимо выпустить несколько раньше, чтобы учесть опыт академического года и успеть перестроиться к новому учебному году. Тематику предлагаю дополнить следующими вопросами: а) Первоначальное накопление и промышленный переворот в России. б) История военно-феодалного империализма в России. в) История буржуазии в бывшей России. г) Ленинский этап исторической науки. д) Сталин

товарищи вполне правильно указывают на необходимость помещения в журнале отзывов на историческую художественную литературу. Сделав в этом отношении почи в № 10 журнала (рецензия на «Июль» Тарасова-Родионова), редакция намерена дать еще и ряд других рецензий подобного рода.

Во всех отзывах высказывается удовлетворение по поводу характера подачи материала в «Борьбе классов»: небольшие статьи, дающие возможность в каждом номере осветить до 10—15 тем, популярное изложение. Все читатели, за исключением немногих, высказывают пожелание еще большей популярности в изложении в том смысле, чтобы в статьях давалось меньше указаний на якобы известные читателю события, а рассказывалось о самых этих событиях. Мы полагаем, что и в дальнейшем нам необходимо сохранить популярный характер статей.

Вполне удовлетворяет читателей и оформление журнала.

Предложения некоторых товарищей о необходимости давать карты нами уже выполняются.

Больше всего не удовлетворяют наших читателей типографское оформление, неясные иллюстрации, плохая брошюровка и поздняя доставка журнала. В порядке борьбы с этими недопустимыми явлениями редакция предприняла уже ряд мер и надеется, что эти недочеты в скором времени будут ликвидированы.

Считая свой план сугубо ориентировочным, редакция ждет от читателей дальнейших высказываний по поводу работы журнала, которые она будет ставить на обсуждение в настоящем разделе.

РЕДАКЦИЯ

I

Журнал поставлен хорошо. Материал подлинный. Я выписываю «Борьбу классов» со дня выхода первого номера. За первые два года его издания я имею два прекрасных переплетенных тома, составленных из номеров по годам. Наши педагоги рассматривают на эти тома «с завистью».

Я как старый подписчик рекомендовал журнал везде, где имел возможность его показать. Учительство, партийные пропагандисты дают ему самую хорошую оценку. Журнал правится. Многие в районе стали его выписывать, заявляя, что раньше они его не знали.

Считаю в высшей мере необходимым всемерно продвинуть журнал в широкие массы учительства, особенно на сельской периферии. За последние 6—8 лет наши техникумы на Украине выпускали малограмотных людей в области истории. Исторические науки в наших школах преподавались плохо. Учитель жаждал сейчас исторических материалов. Он сознает свои пробелы,—ему нужно помочь. То же самое с нашими партийными пропагандистами. Вот почему «Борьбу классов» нужно действительно активно двинуть в массы.

По тематике в целом план прекрасный. Он пронизан тем материалом, который меня инте-

Я считаю, что журнал «Борьба классов» хорошо справляется со своей задачей.

Как на недостаток я хочу указать на слишком большое разнообразие материала в одном номере и на миниатюрный характер большинства статей. Читатель подготовленный хочет глубокой, а значит, и расширенной постановки проблемы, достаточно насыщенной фактическим материалом. Читатель неподготовленный тем более хочет еще более обширной статьи, откуда он может узнать всю историю события, его оценку и сможет сделать соответствующие политические выводы.

ресует. Мои замечания и пожелания по отдельным темам:

1) Я хотел бы, чтобы вы особенно подробно подали материалы по Японии (ее планы, ее возможности, ее действия в прошлом, ее сферы влияния, ее социально-экономическое лицо). То же и в отношении Китая. Здесь особенно интересен вопрос о китайских советах. Подать бы проблему Тихого океана во всей ее широте. В связи с этим историю Дальнего Востока, Сибири, Кузбасса хорошо бы подать значительно раньше.

Статью «История фашизма» (в отдельных странах) желательно также дать развернутой. Было бы очень хорошо, если бы в числе «отдельных стран» и была помещена Италия, эта страна «классического фашизма».

Особенно приветствую раздел 4-й (по истории классовой борьбы в Европе и Америке до войны). История падения Рима. Борьба за независимость Италии. История объединения Германии, Китайская республика 1911 г., переворот младотурок в Турции, американский и прусский пути развития—это все замечательная тематика. Ведь это же иллюстрация к докладу товарища Сталина на XVII съезде!

Бутенко, редактор райгазеты «Житя колгоспника». Винницкая область, УССР.

4 апреля 1934 г.

Желательно в 1934 г. дать специальные номера по истории комсомола и по истории Красной гвардии и Красной армии.

Номер, посвященный преподаванию истории, необходимо выпустить несколько раньше, чтобы учесть опыт академического года и успеть перестроиться к новому учебному году. Тематику предлагаю дополнить следующими вопросами: а) Первоначальное накопление и промышленный переворот в России. б) История военно-феодалного империализма в России. в) История буржуазии в бывшей России. г) Ленинский этап исторической науки. д) Сталин

как историк. е) История городов Киева, Харькова, Днепростровска. ж) Дать темы из истории Туркестана, Закавказья и Украины. з) Расширить тематику из античной истории и, наконец, и) необходимо дать серию исторических этюдов.

Думаю, что следовало бы увеличить размер журнала до 10 печатных листов.

Хорошо бы давать в журнале историю географических открытий, историю техники, историю авиации и т. п. Вот сейчас всю страну воз-

План хорош. Нужно уделить внимание вопросам художественной исторической литературы, давать больше библиографии.

Статьи не должны быть велики, популярность сохранять как и до сих пор.

План удовлетворяет. Лучше не давать отдельные истории коллективизации, а дать определенные этапы борьбы, где показать совместные борьбу и строительство рабочих и крестьян СССР.

План в основном хорош. Желательно больше осветить вопросы истории России эпохи феодализма.

Размеры статей удовлетворяют. Размер основных статей мог бы быть несколько увеличен. Статьи даются в достаточно популярной форме.

Желательно полнее осветить историю революционной борьбы зарубежного пролетариата, в особенности китайских советов.

Статьи писать шире, полнее освещая ход

Прочитав проект тематики в № 2 вашего журнала, приветствую его как один из шагов более близкой увязки журнала с читателем. Считаю нужным просить редакцию уделить в дальнейшем больше внимания критическому освещению исторической беллетристики и художественной литературы, посвященной истории социалистического строительства (Беломорстрой, Днепрострой, Донбасс и др.). Мне известно, что, например, по Днепрострою есть большая ли-

Проект годового плана меня удовлетворяет. Мое пожелание: в № 8 (посвященном вопросам преподавания истории) осветить вопросы преподавания истории на рабфаках и дать критику на учебники.

Статьи надо писать более основательно, мелкие—неценны: крайняя популярность обесценивает. Желательно давать статьи яркие, содержащие фактический исторический материал.

нует вопрос о челюскинцах. Можно было бы дать историю борьбы за овладение Арктикой.

Иллюстрации подбираются со вкусом, и в целом они хороши. Но я думаю, что в таком массовом журнале, как «Борьба классов», можно было бы давать систематически, из номера в номер, копии исторических картин из наших музеев (Третьяковки, Русского музея, Музея Красной армии и др.).

К. Антинович, преподаватель университета. Киев.

Нужно провести хотя бы в больших городах совещание читателей, причем отдельно студентов исторических отделений педагогических вузов.

Грищенко, преподаватель института. Киев.

Статьи интересные, но затрагиваемые вопросы очень широки, требуют примечаний. Их надо ввести.

Куликов, рабочий-пропагандист. Сорново.

Оформление хорошее, иллюстрации можно давать несколько меньшего размера.

Для связи с массами нужно помещать анкету, отвечать на вопросы (организовать уголок читателя или молодого историка).

Жибарев, преподаватель техникума. Ленинград.

того или иного события, чтобы было легче разобраться.

Воробьев, крестьянин-колхозник Саратовского края.

литература на русском и украинском языках, но, к сожалению, о ней нет соответствующего критического разбора, нет борьбы за качество. Аналогичное пожелание также нужно высказать относительно художественной литературы на темы гражданской войны. Из других тем желательно осветить тему о польском восстании 1863 г.

Н. Ткаченко. Киев.

Иллюстраций давать побольше: исторических кадров, зарисовок, копий художественных картин.

Крайне желателен своевременный выход из печати вашего журнала. Распространение успешно можно организовать через читателей.

Куликов, преподаватель истории на рабфаке. Западная область.

ПОПРАВКИ

В № 3 «Борьбы классов», на стр. 41, было помещено клише с подписью: «Резолюция, собственноручно написанная Владимиром Ильичем (на французском языке) в Кинтале».

По разъяснению Института Маркса—Энгельса—Ленина, написанный текст не является автографом Ленина. Клише и подпись взяты нами из журнала «Проектор» № 14 (36) за 1924 г.

На стр. 116 подпись под фото следует читать: «Войска штурмуют дом Карла Маркса. Вена. Февраль 1934 г.»

как историк. е) История городов Киева, Харькова, Днепростровска. ж) Дать темы из истории Туркестана, Закавказья и Украины. з) Расширить тематику из античной истории и, наконец, и) необходимо дать серию исторических этюдов.

Думаю, что следовало бы увеличить размер журнала до 10 печатных листов.

Хорошо бы давать в журнале историю географических открытий, историю техники, историю авиации и т. п. Вот сейчас всю страну воз-

План хорош. Нужно уделить внимание вопросам художественной исторической литературы, давать больше библиографии.

Статьи не должны быть велики, популярность сохранять как и до сих пор.

План удовлетворяет. Лучше не давать отдельные истории коллективизации, а дать определенные этапы борьбы, где показать совместные борьбу и строительство рабочих и крестьян СССР.

План в основном хорош. Желательно больше осветить вопросы истории России эпохи феодализма.

Размеры статей удовлетворяют. Размер основных статей мог бы быть несколько увеличен. Статьи даются в достаточно популярной форме.

Желательно полнее осветить историю революционной борьбы зарубежного пролетариата, в особенности китайских советов.

Статьи писать шире, полнее освещая ход

Прочитав проект тематики в № 2 вашего журнала, приветствую его как один из шагов более близкой увязки журнала с читателем. Считаю нужным просить редакцию уделить в дальнейшем больше внимания критическому освещению исторической беллетристики и художественной литературы, посвященной истории социалистического строительства (Беломорстрой, Днепрострой, Донбасс и др.). Мне известно, что, например, по Днепрострою есть большая ли-

Проект годового плана меня удовлетворяет. Мое пожелание: в № 8 (посвященном вопросам преподавания истории) осветить вопросы преподавания истории на рабфаках и дать критику на учебники.

Статьи надо писать более основательно, менее ценны: крайняя популярность обесценивает. Желательно давать статьи яркие, содержащие фактический исторический материал.

нует вопрос о челюскинцах. Можно было бы дать историю борьбы за овладение Арктикой.

Иллюстрации подбираются со вкусом, и в целом они хороши. Но я думаю, что в таком массовом журнале, как «Борьба классов», можно было бы давать систематически, из номера в номер, копии исторических картин из наших музеев (Третьяковки, Русского музея, Музея Красной армии и др.).

К. Антинович, преподаватель университета. Киев.

Нужно провести хотя бы в больших городах совещание читателей, причем отдельно студентов исторических отделений педагогических вузов.

Грищенко, преподаватель института. Киев.

Статьи интересны, но затрагиваемые вопросы очень широки, требуют примечаний. Их надо ввести.

Куликов, рабочий-пропагандист. Сорново.

Оформление хорошее, иллюстрации можно давать несколько меньшего размера.

Для связи с массами нужно помещать анкету, отвечать на вопросы (организовать уголок читателя или молодого историка).

Жибарев, преподаватель техникума. Ленинград.

того или иного события, чтобы было легче разобраться.

Воробьев, крестьянин-колхозник Саратовского края.

литература на русском и украинском языках, но, к сожалению, о ней нет соответствующего критического разбора, нет борьбы за качество. Аналогичное пожелание также нужно высказать относительно художественной литературы на темы гражданской войны. Из других тем желательно осветить тему о польском восстании 1863 г.

Н. Ткаченко. Киев.

Иллюстраций давать побольше: исторических кадров, зарисовок, копий художественных картин.

Крайне желателен своевременный выход из печати вашего журнала. Распространение успешно можно организовать через читателей.

Куликов, преподаватель истории на рабфаке. Западная область.

ПОПРАВКИ

В № 3 «Борьбы классов», на стр. 41, было помещено клише с подписью: «Резолюция, собственноручно написанная Владимиром Ильичем (на французском языке) в Кинтале».

По разъяснению Института Маркса—Энгельса—Ленина, написанный текст не является автографом Ленина. Клише и подпись взяты нами из журнала «Проектор» № 14 (36) за 1924 г.

На стр. 116 подпись под фото следует читать: «Войска штурмуют дом Карла Маркса. Вена. Февраль 1934 г.»